

Ал. Панов - Школа сновидений

В ДВУХ КНИГАХ
С ПРИЛОЖЕНИЕМ

КНИГА ПЕРВАЯ

Эта книга писалась так же странно, как странна наша жизнь, когда нам хватает мужества и любви взглянуть на нее несуетным взглядом. И когда это происходит, мы вздрагиваем от неведомого холодка вечной тайны, которая всегда рядом с нами и в нас: мы не знаем ничего о мире, так же как не знаем ничего о себе. Словно бы вечер опять застал нас в дороге, а мы по-прежнему очень далеко от дома. Но вопреки этому мы продолжаем жить, и изредка нас сопровождает в этой дороге чувство, что мы могли бы жить по-другому, совсем по-другому.

Иногда мы сталкиваемся с людьми или книгами, которые, наконец, волную нас, говорят именно об этом — о жизни по-другому. Но это лишь на первый взгляд. Потом мы узнаем: эти люди и книги называют то, что нас волнует, каким-то там мистико-окультурно-эзотерическим, и мы часто пускаемся во все тяжкие, пытаюсь освоить некие зубодробительные системы или сладостно отдавая ответственность за свою судьбу некоему хариз-матику или просто мессии. И в это время мы забываем, что чувство, неслышно и пронзительно звавшее нас, совсем не похоже было на груды расписаний, предписаний, своды и талмуды якобы тонких законов, которые всучивают нам и называют это жизнью по-другому.

Нет-нет, некоторые из них даже по-своему красивы — как бывает красив узор трешин на солончаке, некоторые из них и на самом деле что-то объясняют, но они — совсем не о том, что нас звало, не правда ли?

Может быть, эта книга не о снах. Может быть, эта книга о *том*. Хотя бы изредка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОН О СВОБОДЕ ИЛИ КАРТА КАРТ

В настоящее время доступные техники использования снов, в основном, представлены либо выродившимися и одичавшими фрагментами древнейших магических практик, либо узкоспециализированными интерпретационными школами постфрейдистского толка.

К недостаткам первых следует отнести игнорирование «совестного дегтя труда», необходимого наяву для того, чтобы проснуться и действовать во сне как реальности прежде всего Духа, а не арены достижения эгоистических целей новыми путями. Другой недостаток — фрагментарность этих знаний — также чреват серьезными деформациями духовного пути практикующих, так как в отсутствие цельного абстрактного ядра системы отдельные практические аспекты ее, избираемые для способа действовать в сфере Неизвестного, порождают хаос и тупики. Все это в большей степени объяснимо и тем, что энергетическая направленность древних практик, вектор их внутренней устремленности, чаще всего в той или иной мере, а иногда полностью, противоречит модальности времени, в котором мы живем. Именно поэтому многие древние практики вообще, а не только сновидческие их аспекты, зачастую не дают результатов сейчас или дают, но совершенно непредвиденные. Структура момента такова, что энергетическое положение нашей планеты изменилось

весьма существенно (если не в принципе, то, во всяком случае, в своих качествах). Изменения эти будут возрастать.

Вторая группа техник, являющих собой почти целиком недостаток или временное недоразумение, заведомо ограничила себя лишь аспектом интерпретации снов как проявлений скрытых проблем «подсознания», понимаемого к тому же достаточно узко и низко. В целом эти постфрейдистские школы невольно представляют дела таким образом, что сны снятся как бы лишь в том случае, если подсознание ущемлено. Здесь игнорируется магическая реальность снов как движения человеческого духа в иных мирах и измерениях, а также реализационные аспекты сновидений, то есть бессознательное или волевое воздействие сновидцев на повседневность.

_____ Кроме того, никуда не исчезла и продолжает здравствовать народная интерпретационная традиция, которую отличает от двух предыдущих подчеркнутый акцент на предсказательной стороне интерпретации. Масса издающихся и переиздающихся сонников, перегруженных устаревшими шаблонами и архети-пическими трактовками, продолжает эти традиции.

Между тем, нарастающий общесоциальный интерес к сно-видческой жизни человека требует пересмотра и синтеза всех актуальных и периферийных знаний накопленных человечеством. Модальность настоящего и наступающего времени такова, что необходим не только синтез этих знаний на ином качественном уровне, — необходимо и рождение нового языка, адекватно описывающего эти изменения реальной неизвестности. Подобной попыткой и является наша книга.

ПРАВИЛА ИГРЫ И СНОВИДЕНИЯ

Понять — значит упростить.

А.и Б.Стругацкие

Одна сновидящая во сне попала, по ее словам, очень высоко, и там золотоволосые, высокие и извечно знакомые некто долго и ласково учили ее. Затем один из них коснулся ее лба, сказал: «А теперь спи,» — и в тот же миг она проснулась здесь, в своей постели на девятом этаже.

«Ты мне никогда не снишься, дышу Тобой наяву. Снятся все остальные, и это — дурные сны».

Мы спим, когда бодрствуем здесь, и просыпаемся в краткие миги ясных снов.

Катастрофическое самоотождествление с материальным планом Земли, на которой по тем или иным причинам мы воплотились, блокирует нашу истинную память. Мы не можем вспомнить действительные правила великой, прекрасной и страшной Игры, в которую мы когда-то согласились играть по своей воле, Игры, в которой каждая сущность — одновременно и игрок, и карта, и выигрыш, и проигрыш, и сама Игра. Но мы довольствуемся не Игрой, а играми, игрушками, возней в песочнице.

Почему?

«Жизнь есть сон». Но есть и дополнительная версия: нынешнее наше положение есть следствие одного из ходов в Игре, и не исключено, что ход был достаточно удачным. Но время не спит, Игра продолжается, пора делать следующий ход. Пора просыпаться.

Но прежде должен быть усвоен и понят смысл и урок предыдущего хода, переместившего нас сюда, в этот мир, в это положение. В основе Мира и миров лежит Тайна, о которой можно сказать совсем немного: она, по определению, не может быть разгадана. Тайна есть мать Игры, ибо любая игра невозможна без риска и неизвестности. Риск и неизвестность — это то, что делает мир живым, то есть свободным.

Каждый мир имеет привычку быть бесконечным. У любой бесконечности есть свои способы длиться, не утомляясь при этом окончательно, потому что любое окончание есть начало. Все способы длиться основаны на одной из функций тайны, связанной с

инерционностью, сопротивлением материи и пространства, с темнотой, косностью, незнанием, забвением, сном, беспамятством. Все перечисленные понятия не отягощены в данном контексте никакими негативными ассоциациями, потому что — повторимся, — потому что отражают фундаментальное свойство Мироздания иметь длительность, переходящую в бесконечность. Тайна, по всей видимости, существует вовсе не для того, чтобы мы ее разгадывали, — как вызов ее воспринимает только наш ум. У Тайны иные функции в мире, на которые можно лишь весьма косвенно и косноязычно указать некоторыми метафорами: например, можно сказать, что назначение тайны в мире сродни балкам в доме, которые поддерживают и скрепляют крышу и потолок, о которых никто не может знать лишь одного: когда именно и почему они рухнут.

УРОВНИ ДОСТОВЕРНОСТИ

Любой человек хотя бы раз в жизни переживает момент, когда происходящее с ним и весь окружающий мир воспринимаются с исключительной яркостью и полнотой как настоящее, достоверное, истинное, наполненное светом смысла и высшего смысла до мельчайших своих частиц. Подобное происходит изредка и в наших снах.

Именно такого рода переживание становится отправной точкой, которая дает возможность понимать бывшие до этого переживания и восприятие действительности как относительно достоверные — т.е. как более блеклые, отрывочные, бессмысленные, неистинные.

Однако при наличии возможности развиваться именно по точкам достоверности — идти по пунктиру, образуемому ими — человек обнаруживает некую структуру достоверности, обладающую как определенными уровнями, так и сложнейшим единством точек, как бы образующих ее.

Не останавливаясь подробно на обстоятельствах, делающих подобное продвижение наиболее благоприятным, отметим лишь одну из самых труднодостижимых сторон достоверности: ее подвижный характер, т.е. то, что она является живой, оставаясь благодаря этому совершенной и точной во всех своих проявлениях.

Очевидно, что достоверность — это некое качество бытия, более или менее доступное нашему восприятию и дающее ему естественную направленность*. Мы не затрагиваем здесь пространственный аспект достоверности, т.к. более всего интересен аспект именно качества бытия, и, прежде всего, способы определения уровня достоверности, или, используя метафору о чистоте золота, — возможности определения пробы золота.

Достоверность как качество возможно определить степенью благоприятствования бытия проявлению и реализации истинной сущности человека.

Единственным достоверно известным минимальным проявлением изначальной сущности человека является целостная устремленность к уравнивающему «возвращению Домой», т.е. к неведомому источнику, ее породившему, или к себе самой.

Суть процесса «возвращения» заключается в обретении нового качества в необходимом «критическом» количестве, — в том количестве, которое позволяет в этом пути пройти препятствие, называемое смертью. Это новое качество можно назвать «освобожденностью». Можно предположить, что при наличии количества освобожденности, превышающего упомянутую минимально необходимую критическую массу этого качества, перед человеком открываются иные сущностные устремления, которые относятся к сфере невообразимого. Действие, позволяющее человеческим существам накопить необходимое

□ В большинстве эзотерических традиций это качество присуще топологическому «верху» Мира (Северный полюс, Король Мира, Священная гора и т.д.).

количество вновь создаваемого качества освобожденности, известно как процесс осознания, которое относится к сознанию под тем же градусом, что и вино к винограду.

Осознание есть момент соответствия между объективной достоверностью мира, такой как она есть на самом деле, и восприятием человека, настроенным соответственно.

Не стоит упускать из виду, что именно качественный аспект достоверности и производит те мощнейшие энергетические импульсы, которые движут мистиками, основателями религий, философами и учеными, соприкоснувшимися с новыми уровнями достоверности, пережив при этом то, что принято называть озарениями, просветлениями и т.д.

Однако, эти озарения, абсолютизируемые впоследствии, являются, как правило, лишь одной из многих позиций, составляющих структуру достоверности, которая к тому же является непрерывно обновляющейся, т.е. живой. Абсолютизация любой из этих позиций достоверности и застревание на ней всегда ущербны и ведут к плачевным результатам. Собственно структура достоверности формируется бинарной оппозицией в человеческом сознании между восприятием и переживанием мира как бездонной тьмы, наполненной невыразимой и ужасающей силой, с одной стороны, и сотканного из света смысла мира, каждая частица и создание в котором наделены сознанием.

Если рассматривать структуру достоверности в смысле углубления целостности воспринимаемого, это одно из наиболее существенных ее свойств, становится видно, что уровни достоверности предваряются в восприятии уровнями неизвестности, где неизвестна прежде всего последующая степень целостности мира и человека. В этом смысле структура достоверности формируется оппозицией неизвестное-непостижимое, где к последнему относятся степени целостности мира, которые в принципе недоступны восприятию человека и не могут стать доступны ни на какой фазе его развития. Кроме того, именно эта сторона достоверности, относящаяся к непостижимому, является мерообразующей для структуры человеческого восприятия. Непосредственное описание уровней достоверности не может входить в наши цели, т.к. это область по преимуществу бессловесного. Приемлемы формы словесного человеческого знания, где такая попытка предпринимается — это определенного рода притчи и стихи. Достоверность как таковая в них и не ночевала, но при благоприятном стечении обстоятельств притчи и стихи могут указать человеку направление взгляда или чувства, но не более того.

Основным признаком уровня достоверности является степень отсутствия сомнений при восприятии новой целостности неизвестного. Очень важно качество этой несомненности, она является не результатом внушения или самовнушения, веры или доверчивости, т.е. не результатом внутренней волевой самонастройки, отсутствие сомнений — в этом и только в этом случае есть энергетический эффект соответствия, резонанса восприятия и свойств мира как он есть.

С этой точки зрения сновидения обладают рядом преимуществ, которые, однако, трудно использовать. Особенности нашего восприятия во сне таковы, что рациональная, интерпретирующая сторона нашего сознания обладает наименьшей активностью, и это позволяет воспринимать происходящее во сне с минимальными сомнениями. Трудности же связаны с тем, что процесс осознания во сне затруднен, с одной стороны, малоконтролируемым преобладанием действий, а с другой — недостаточной трезвостью (незаинтересованностью) нашего внимания и невероятной трудностью вспоминания и переноса нашего сновидческого знания в бодрствующее состояние. Лишь усердный внутренний труд по углублению пробужденности наяву и во сне может сделать доступными те немислимые возможности достоверности, которые скрыты в сновидениях.

К не вполне регулярным, но субъективно важным признакам уровня достоверности следует отнести состояния радости, эйфории, экстаза и других сильнейших тонких чувств и ощущений во всем теле, сопровождающих акты соответствия восприятия достоверности мира. Эти признаки — следствие масштабных гармонизаций восприятия, затрагивающих все наше существо. Такого рода гармонизации остаются подспудно в памяти как наиболее

глубокие и важные события жизни, несравнимые по своей интенсивности с социальным опытом.

О каких-либо более четких и контролируемых признаках достоверности в сновидениях возможно говорить лишь после перехода, совершенного от обычных снов, не имеющих в этом смысле особой ценности, к сновидениям, в которых происходит самоосознание. Книга посвящена именно этому переходу.

Чтобы развернуть наше существо к такой возможности, можно начать с закрепления внимания на тех снах, в которых действительно есть сила, на снах, вспоминая которые, вы чувствуете как особенное тепло разливается по всему телу и утоньша-ется вкус вдыхаемого воздуха, и возникает чувство, как будто где-то далеко-далеко происходит нечто важное, касающееся вас светом; или чувство особенной безнадежности и пепелища, ощущение, что вся ваша жизнь отравлена и пропала; или, напротив, телесное ощущение, что все ваши видимые и невидимые части как будто впервые объединились и смазаны шелковистым маслом-медом гармонии, которой и представить невозможно было; все, что непредставимо, неохватно для вашей памяти наяву. Поступая таким образом, мы становимся *более* доступны той силе, которая ведет нас к совершенству и свободе. Входя в нашу жизнь, она помогает нам стать настоящими, стать самими собой. Ее нужно только позвать, дать ей знак того, что мы знаем о ее существовании. И это знание — достоверно.

КРАТКАЯ ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ОДЕРЖИМОСТИ

Ничто так не влияет на слух, как ушные болезни.

Ларошфуко

Озарение, посещающее нас при знакомстве с более чем одной религией или эзотерической системой — фальшиво. Неправда, что все религии и оккультные пути ведут к одному и тому же. Многие из них ведут в задницу. Другие — в психушку. И это обусловлено не только нашей с вами глупостью, но и глупостью людей, повторимся, —людей, открывавших и формировавших эти пути.

Самой характерной чертой этой глупости является способность людей становиться одержимыми теми крохами истины, которые им перепадают. Каковы причины незаконного рождения гигантских субъективных иллюзий, отягощающих и уродующих судьбы отдельных людей и целых народов?

Устройство человеческого восприятия таково, что чем более сужается внимание, т.е. чем меньше вещей человек осознает одновременно, тем вероятней неточность и ошибки восприятия, а отсюда — неадекватные и саморазрушительные действия.

Но внимание, необходимое для нашей повседневной жизни, отличается от внимания, в котором мы нуждаемся для постижения небытовых истин мироустройства. Понимание незримых истин, кроме того, требует гораздо большего количества энергии, чем наше повседневное восприятие. В то же время наш основной запас энергии прочно удерживается в пределах социально обусловленных форм восприятия, на непрерывное воспроизводство которых и тратится.

Поэтому, когда мы пытаемся нашим обычным вниманием объять вещи большие и более сильные, чем наша повседневная жизнь, происходит то же, что и в кошмарах: вещь более сильная притягивает наше внимание, и оно прилипает намертво. Одержание происходит в двух случаях:

— когда человек, внутренне не очень сильный и цельный, случайно отпускает свое внимание в иные сферы, и оно намертво приклеивается к вещи большей силы, создавая неизвестную, а потому неусваиваемую доминанту в его сознании;

- когда внутренне достаточно сильный человек случайно или преднамеренно впускает свое внимание в Иное и, возвращая его оттуда, принимается, в силу своей социальной обусловленности, оборудовать из своих (мизерных объективно, но грандиозных субъективно) впечатлений эскалатор для своей социальной значимости, имея в виду при этом как бы облагодетельствование и просвещение всего остального невежественного

человечества. В последнем случае одержимость происходит как следствие очень глубокого и распространенного заблуждения: происходит попытка внесения Иного в повседневный социальный распорядок, что в принципе невозможно, т.к. это — разделенные реальности. Социальная доминанта власти и могущества, которая поддерживает все формы повседневного человеческого сознания, совершает здесь самую злую шутку. Индивидуум безосновательно отождествляет восприятие неизмеримой мощи, сопровождающее внимание Иному, с обретением им лично силы для своих амбициозных манипуляций в сфере повседневной жизни. Стоит ли объяснять, что такая грубейшая ошибка восприятия имеет самые дурные последствия для очарованных одной гранью истины, открывающейся им иногда и на самом деле.

Однако интересна здесь другая вещь, бросающая свет на причины многотысячелетнего процветания бредовых описаний мира. Имеется в виду то, что, несмотря на сказанное выше, история человечества создана в огромной мере именно из подобных амбициозных манипуляций полупрозревших-полуодержимых людей, оставивших после себя чудовищное наследие в виде иллюзорных описаний мира, религиозных и оккультных, намерением которых является власть и могущество.

На чем же основывается возможность подобных манипуляций, все же являющихся реальностью повседневной жизни, хотя они и не могут опираться на Иное?

Вероятно, причина этого кроется и, в воображении, с одной стороны, и в особенности человеческого восприятия, связанной с его образностью, с другой. Образы, которые вырастают между нами и Истиной (Иным), в силу этих особенностей нетрезвого сознания, обретают как бы полунезависимое от восприятия существование (что является также иллюзией, т.к. вне восприятия их не существует), и это как бы самостоятельное от нас и от объектов истины их существование немножечко пугает нас. До паранойи. Естественно, что для личности, мало-мальски чувствующей или знающей эти особенности восприятия, не составляет очень большой трудности манипуляция в своих корыстных целях восприятием своих жертв, особенно если к тому же известны зоны их страхов и вожелдений. А они известны.

Еще одна из бытийных причин одержимости связана с тем, что мир един. Это предполагает, что в какой-то мере все вещи в нем каким-то образом связаны между собой. Это действительно камень преткновения в исследуемой нами проблеме, потому что именно в этой зоне восприятия чаще всего и начинаются клинические проявления нетрезвости. Именно эта сторона мира воспринимается некрепким сознанием как провокация для бредообразования и систематизации бреда. Итак: все похоже на все, все имеет отношение ко всему, а точнее, ко мне, а на самом деле — лишь к безмерному или уязвленному самолюбию человека, к его страхам и желаниям.

Практически это выглядит таким образом, что если человек, например, уязвлен несчастной (безответной) любовью, то, как бы он себя ни дурил, основной и единственной доминантой его поисков в сфере Неизвестного и в его понимании будет именно эта самая безответная любовь к самому себе. Соответственно, на эту сильную доминанту из коллективного несознательного в виде ярких образов и озарений, «подтверждая все», стекаются все благоглупости, изобретенные нетрезвым мистическим самосознанием человечества на протяжении тысяч лет: и грехопадение Адама и Евы, и Вавилонская Блудница, и Лилит, и Анима, и алхимические свадьбы и т.п. Особенно грустно складываются дела, когда весь этот хлам воспринимается буквально, а, главное, понимается в виде образов, как бы не зависящих от воспринимающего. Тогда — кранты, пишем: про-па-ло. Потому что всего этого просто нет. Не существует: Изида, Лилит, Короля Мира и т.д. Существует лишь попытка натянуть на все мироздание презерватив своего незрелого понимания, отягощенного к тому же провалами в памяти и взлелеянным кретинизмом.

Вполне возможно, что начало преобладания и последующее процветание материализма и формальной экспериментальной науки после средневековья имело эволюционной целью не столько накопление формальных знаний, сколько обретение

человечеством качества трезвости, недостаток которого так остро ощущался и продолжает ощущаться после тысячелетнего торжества паранойи — того мистического познания и практики, которое имело своей основой намерение власти и могущество за чужой счет.

Не стоит обольщаться как бы вполне осмысленными и объясняющими все оккультными описаниями мира, проливающими долгожданный свет на как бы реальные мотивации наших судеб и смысл нацией жизни. Такие описания суть не более, чем разыгрываемые в детском саду игры в маму-папу с дочками-матерями и магазином, и эти игры никак не отменяют того факта, что за пределами детского садика простирается бесконечный и невообразимый мир, о котором никто ничего не знает, но в котором живут все.

СТРУКТУРА НЕЯВНОГО ПОСВЯЩЕНИЯ В СНОВИДЕНИИ

Возможность использования снов для изменения некоторых жизненных ситуаций очевидна для современной цивилизации: сны содержат информацию, которая может быть достаточно практично интерпретирована на любом уровне, интересующем индивидуума, — от проблем физического и душевного здоровья до поисков Духа. Менее очевидна возможность свершать свой духовный путь при помощи снов, не выпадая при этом из структур ежедневной и вечной жизни. Эта возможность основывается на том, что определенные сновидения меняют нас и ускоряют наш духовный рост. В сновидении скрыты силы и пространства, от которых совершенно недвусмысленно зависит не только душевное здоровье, но и скорость нашего духовного продвижения. Связано это с тем, что знание, входящее в нас сквозь опыт общения с Духом, имеет не только информационную составляющую, но и энергетическую, которая и трансформирует нас. Знание материально (субстанцииально), оно имеет и количественное измерение. Накапливаемые в процессе сновидений знания не только обеспечивают дальнейший прогресс сознания, но и меняют со временем личность сновидца, его тонкие тела и, более того, — и материальную его форму, способ существования.

Процесс расширения сознания и его самосовершенствование имеют в нашем восприятии некие ступени, уровни, узловые моменты, то есть некую последовательность, которую мы понимаем как структуру. Отдельные ступени или переходы с уровня на уровень этой системы в сновидении мы обозначаем словом «посвящение», менее всего имея в виду при этом ритуал: процесс, рассматриваемый нами, мы называем «неявное посвящение», так как знания, получаемые во снах, имеют большей частью бессловесное воплощение в наших телах, и преобразования, производимые их энергией, затрагивают самые глубинные уровни нашего сознания, меняя нас изподволь.

Последовательность неявных посвящений в сновидениях является менее всего линейной или соответствующей нашим представлениям об иерархичности мира, почерпнутым из обычной жизни. Однако само существование такой последовательности сомнений не вызывают.*

Одной из наиболее достойных целей сознательных усилий сновидца-практика, является осознание непрерывности и нераздельности своей повседневной и сновидческой жизни, то есть обретение целостности своего восприятия. На начальных стадиях практики для осознания своих неявных посвящений может подойти любая сакральная традиция, к которой чуток видящий сны. Стадию духовного развития, которую, например, в буддизме называют «вышедший из дому», предваряют сны со стихийными бедствиями, войной, ядерными взрывами, т.е. сны о конце света, или, по терминологии одного американского психиатра, исследователя этих снов, «ядерные сны».

□ См. например концепцию о семи вратах сновидений в книге К.К. «Искусство сновидения».

«Ядерные сны» говорят прежде всего о том, что личность находится на пороге самых серьезных изменений в своей жизни — на пороге внутренней трансформации, равной новому рождению. При благополучном течении внутренних процессов, после определенного периода человек меняется полностью, становится практически новой личностью, с иной, более совершенной психикой, всем внутренним складом, способом действовать в мире. Меняется все — вплоть до самых интимных привычек и способов поведения.

Или, в другом смысле, речь идет о вторжении Шанса в судьбу человека. Будет использован шанс или нет — это другое дело, и зависит это только от способностей личности проснуться совсем, увидеть истинные законы Игры, понять, что шанс всегда связан, прежде всего, с возможностью духовного роста, внутренней духовной революцией.

Впрочем, дела обстоят несколько сложнее: процесс духовного пробуждения и роста личности носит не одно — а двусторонний характер. Под второй стороной имеется в виду Дух, который в принципе никогда не оставляет нас в покое (вопреки нашим иллюзиям, хотя бы потому, что мы — часть Его). А так как Дух или Он есть не только любовь (а если и любовь, то более чем безжалостная по человеческим меркам), поэтому не удивительно, что эта стадия субъективно напоминает кошмар по эмоциональным состояниям, сопровождающим умиранием старой личности с ее привязанностями. «То, что гусенице кажется концом света, Мастер назовет бабочкой». На этом же этапе, как правило, в сновидениях происходят столкновения с т.н. темными силами и мирами нисхождения. Их можно трактовать по-разному: либо как кармические самовоспоминания о п р е бывании в мирах возмездия, либо как искушения, испытывающие на крепость сознательные, а, главное, бессознательные стремления личности к Свету; либо как процесс преодоления страха, который, как известно, первый враг в любом пути.

Формы, которые наше сознание придает этим вещам в сновидениях, разнообразны и обусловлены скорее индивидуальным грузом впечатлений и ассоциаций: фашисты, врачи-изуверы, полицейские-изуверы, темноуголовные личности, просто Сатана с просто чертами, темные представители восточных единоборств, просто лица темных национальностей и рас, киборги-убийцы, просто пустота, просто ничего (ничто) и т.д.

Сны этой тематики повторяются иногда достаточно продолжительное время. Видимо, это происходит, когда человек не может сделать своего выбора. Задача этих снов — заставить нас проснуться там, в сновидении, вспомнить себя там, шагнуть навстречу страху и увидеть, что наш страх — это мы же, наша теневая сторона, преходящее условие нашего роста.

Следующий тип сна в исследуемой нами структуре неявной духовной инициации (посвящения) — это сон о доме, который пришло время покинуть. В этом типе снов дом необходимо покинуть, потому что он разрушается (по причине пожара, землетрясения, и т.п.), и в какой-то мере уже опасно оставаться в нем (падают балки).

Дом — один из наиболее информативных символов в сновидениях.* Интерпретация его варьирует в достаточно условных пределах между эзо— и экзотерическими пространствами снов. Разрушение дома (по любым причинам) указывает на необходимость, уже ставшую внутренней, и, более того, внутреннюю готовность нашего существа изменить формы и содержание своего существования. Необходимость эта тем неотложнее, чем больше разрушен дом в сновидениях. Наяву этой стадии посвящения соответствует углубляющийся внутренний кризис со всеми его признаками: неудовлетворенность, внутренний разлад, ощущение бессмысленности своей жизни (как бы успешно она ни складывалась внешне), подавленное состояние, нередко доходящее до депрессий, ощущение тупика, страх, беспокойство за свое будущее.

Сновидящий во сне видит себя в доме со своей подругой. Во всем разлито щемящее чувство поздней осени. Он подходит к постели. Под покрывалом оказывается только грудка коричнево-золотых осенних листьев. Вдвоем с подругой они осматривают потолок: он весь

□ См. Приложения

в трещинах, которые бегут по стенам. Перемещаясь по дому вправо, они вдруг видят на месте одной из стен разлом, сквозь который и покидают дом. Выходят на открытую местность, в глубине которой виден отверзнутый во множество миров проем, откуда идет величественный и безжалостный золотой свет.

В данном конкретном случае в сновидении произошло разрушение формы личных отношений между партнерами, которая была уже тесна для другого света, входящего в их судьбы, что впоследствии произошло и наяву.

Дом, который разрушается во сне, необходимо однажды покинуть, иначе вы умрете как личность: все, что перестает меняться, начинает рано или поздно разлагаться и боже избави вас от вони, которая при этом происходит. Особенно настоятельно рекомендуется покинуть дом, разрушаемый посредством огня: с небесными огнемечниками шутить не стоит, — они приходят, когда все остальные меры помощи не возымели действия.

После сна, в котором человек выходит из разрушенного дома, в структуре неявного посвящения следует другая стадия: она, чаще всего, приобретает форму сновидений, в которых по тем или иным причинам сновидящему необходимо броситься в воду (реку, море, океан) и пересечь ее вплавь, чтобы достичь противоположного берега.

Топография и характеристика всех потусторонних рек и вод заслуживает отдельной книги. Здесь мы остановимся на самом важном в контексте неявного посвящения: именно с этого типа сна (пересечение рек и вод) начинается духовный быт, доступный в обычной («неускоренной, непосвященной») жизни только после смерти. Достаточно сказать, что сон о переходе реки самостоятельно или кем-либо из близких в жизни повседневного человека предвещает иногда смерть либо тяжелую болезнь на грани летального исхода. «Посвящаемый» как бы получает возможность в сновидениях проследовать дальше и освоить потусторонний опыт, оплачивая его не физической смертью, а внутренней психической смертью-рождением.

С «того» берега начинаются реальные странствия нашего духа. И начинаются они опять с домов, имеющих как бы более экзотерическое значение. Эти дома встречаются по мере достаточно продолжительного — из сновидения в сновидение, из года в год — как бы подъема по пересеченной местности. Дома, которые мы там находим, служат как бы жилищем какое-то время, затем мы находим новые дома. Их объединяет общее впечатление, которое они оставляют: очень тонкое чувство разлитой силы, суть которого можно выразить примерно так: ты наконец вернулся туда, куда стремился всю жизнь, вот оно — больше ничего уже не нужно: невероятный покой и уют, спокойствие и блаженство вечности, чувство единственно по-на-стоящему родного во всем, что ты знаешь и помнишь, чувство возвращения. В этом — основное отличие дома этих снов от дома, описанного ранее.

Иногда чувство возвращения домой в таких сновидениях доходит до такой интенсивности и реальности, что потом много дней кряду невозможно смириться с повседневностью, и чело век постепенно начинает вспоминать наяву позабытые правила и карты Игры.

В конце концов, ностальгия по дому, которую мы испытываем после этих сновидений, зов, который мы слышим — это ностальгия по Небесному дому, откуда мы все когда-то отправились странствовать по мирам и куда мы должны хоть когда-нибудь на какое-то время вернуться.

С момента, когда сновидящий начинает путешествовать «на том берегу», в его снах появляются своеобразные гиды и наставники. Пути дальнейшего посвящения индивидуализируются, и каждый проходит обучение, которое соответствует особенностям его сущности и сущностным задачам. Однако, несмотря на индивидуальное многообразие типов и способов посвящения, происходящих в сновидении, есть некоторая общая структура, знаки, ситуации и действия, которые могут помочь в осознании наяву темпов и дальности продвижений и их связей с доступными системами сакральных знаний.

Кто там скачет в ночи? я хочу это знать, я хочу это знать

А. Бродский

Кто же те, кого мы встречаем в наших ночных странствиях? И почему, когда мы видим во снах самых близких нам людей, проснувшись, мы далеко не уверены, что это были именно они?

А кто Те, кого мы мучительно не можем вспомнить, и незнакомость их внешности не мешает нам чувствовать, что мы знаем их очень давно, даже всегда? И кто те, кого мы боимся больше смерти в наших снах?

Когда сновидящий покидает разрушенный дом и начинается его возвращение Домой, для него становится заметным (бывшее и до этого) присутствие в его снах сущностей, являющихся как бы гидами, наставниками, проводниками. Понять их роль, особенно на первых порах, затруднительно из-за того, что наше неменяемое сознание придает им облик по непредсказуемым смысловым ассоциациям: бывший школьный или университетский учитель, отец, начальник, важный чиновник или другие представители администрации, тренер, священник, И.Христос, просто человек, к мнению которого мы наяву прислушиваемся и т.п.. Речь идет о снах, в которых кто-то опытней или старше учит, ведет или наказывает (т.е. тоже учит).

Предмет урока, благодаря все тем же свойствам сознания, тоже может выглядеть как угодно: математика, плавание, полеты, кройка и шитье, гончарное и стеклодувное дело, навигация космических кораблей, выращивание изумрудов, причудливое целительство и т.п. Если мы плохо помним и понимаем урок во сне и наяву, не стоит отчаиваться — эти знания остаются в нас и проявляются в нашей жизни в безотчетных движениях и поступках (если только наши сны не навеяны видиками или плохим пищеварением).

Особого внимания заслуживают сновидения с обучающим сюжетом, разворачивающиеся как бы в большом помещении с амфитеатром среди множества соучеников,— эти сны достаточно важны, в них присутствуют узловые проблемы, импульсы для внутреннего развития на длительный период.

Не стоит игнорировать и экзамены, которые мы время от времени сдаем во снах, — это действительно экзамены, а не воспоминания о студенчестве, и нужно много трезвости, чтобы понять их реальное значение в нашей судьбе.

Чем, собственно говоря, являются сновидческие учебные заведения, сам процесс обучения, какие силы воспринимаем мы подобным образом во снах?

Может быть, потребность в знании и познании у людей действительно является врожденной, как потребность в определенной энергии, питающей основы человеческого (и не только) бытия. По всей видимости, необходимость познания есть то, что дает естественную (подобно оси Север-Юг) направленность человеческому развитию: знание есть сила, знание есть жизнь. Возможно в мире — во вне и внутри — есть некие живые системы света, способствующие и направляющие все, связанное с процессом познания, подобно тому, как магнитное поле Земли в любом месте планеты разворачивает стрелку компаса по оси Север-Юг. И, скорее всего, именно такого рода системы света и силы мы в наших отрывочных снах воспринимаем как учебные заведения, придавая им те или иные знакомые нам очертания.

Более частными фрагментами таких систем являются исторически сложившиеся в процессе эволюции системы человеческого знания, усвоившие с теми или иными антропоморфными искажениями некоторые области Неизвестного. К таким системам, естественно, относятся все религиозные, эзотерические и оккультные традиции, развивавшиеся когда-либо на планете.

Некоторым образом эти традиции являются более, а чаще *менее* совершенными мостами, соединяющими человеческое познание с Неизвестным, и, некоторым образом, эти мосты становятся иногда доступными восприятию сновидящих в силу тех или иных естественных и неестественных склонностей и условий их рождения.

Вопрос об уходе из сновидческих учебных заведений достаточно сложен: с одной стороны мы, безусловно, существа с той или иной мерой свободы выбора, хотя бы потому, что изначально не принадлежим никому. С другой стороны, очень немногие из нас реально могут развиваться полностью самостоятельно, с необходимостью утрачивая в сердце потребность в гарантиях. Вопрос в том, насколько мы доверяем чему-то в себе, потому что в той же мере мы доверяем и кому-то во вне.

Возвращаясь к сущностям, которые выполняют функции проводников во снах, независимо от ликов, в которых мы их воспринимаем, с уверенностью можно сказать лишь то, что некоторые из них действительно являются сущностями высшего порядка, другие — это мы сами, наши высшие аспекты, с которыми мы еще не можем отождествиться и поэтому отчуждаем их.* И в том и в другом случае не стоит забывать, что за всем этим как бы стоит Дух, вернее все это — часть Духа, и в этом смысле нет принципиальной разницы — и то, и другое помогает в пути, похожем на другие лишь постольку, поскольку пути самой непостижимой силы, которую мы здесь называем Дух, — неисповедимы.

Но время от времени в наших снах под видом гидов и наставников могут появляться лжегиды и лженаставники (или наши собственные разрушительные затемненные стороны), как бы с целью искушить нас, а также, проверить на прочность нас и степень нашей пробужденности. Как отличить одних от других? Очень просто: за ними тоже стоит Дух, и они — часть Духа.

По мере пробуждения где-то в глубине нашего сердца все явственнее звучит нечто очень тонкое, которое всегда знает точно: туда ли мы идем или нет, — его невозможно обмануть. Ни во сне, ни наяву. Человек, когда он честен с собой, умеет различить этот голос среди всего остального, не стоит сомневаться.

Возвращаясь к остальному населению снов, также не стоит упускать из виду познавательную сторону общения с ними, т.к. это вообще наиболее созидательный способ смотреть на вещи.

К наиболее неприятным и даже опасным сущностям во снах, относятся те из них, которые принимают форму самых близких нам эмоционально людей, связанных с нами длительными и сердечными узами. Чем болезненней эти узы (длительная страсть, безответная любовь, обида и т.п.), тем вероятней, что под ликом этих людей в наших снах скрываются *огневки*. Они принимают облики наших родителей, братьев и сестер, любимых. Опознать их можно по оранжево-алому (иногда до истощности) свету, которым они как бы подсвечены, а также по несравненной безжалостности ситуации в близких взаимоотношениях с ними и —затем — по ошеломляющей боли и жестокости шока от их энергетического удара (ощущения сравнимы только с вливанием внутрь тела расплавленного металла), и вы просыпаетесь от крика собственной боли. После такого рода снов весьма вероятны достаточно серьезные заболевания.

Общение с огневками, даже если мы чувствуем себя достаточно сильными и способными на контролируемые действия во снах, с одной стороны неэффективны в смысле получения знаний, с другой стороны — опасны даже для очень развитых сновидящих, а возможно и для человека вообще. Может быть, единственное знание, которое огневки дают нам, - о том, что с ними незачем встречаться, а для этого мы должны быть свободны от застойных и безмерных привязанностей. Другими словами, человеку, действительно

□ Как ни притягательны некоторые (нецельные) картины мира, представляющие его полем бытия неких безлично-бесформенных нейтрально или даже всецело благорасположенных к нашему сознанию сил, тем не менее наша трезвость время от времени напоминает нам, что на самом деле в этом мире есть место всему, в т.ч. и совершенно невообразимым для нас сущностям, а не только безличностным силам.

ищущему знания, любви и свободы, не должны сниться его близкие — все проблемы с ними лучше решить наяву.

Огневки - не порождения нашего подсознания, не тонкие сущности нашей планеты, — это хищные существа другого мира, охотящиеся за определенными энергиями.

С огневками имеют весьма отдаленное сходство *лисы*, которые в сновидениях выглядят подобно странной помеси рыжевато-лисы и лисы, иногда приобретая человеческий облик, но с теми же особенными лисье-рыжеватыми чертами и двусмысленными намерениями. При общении с ними преобладает ощущение подлога, подмены, заблуждения, двурушничества, липкого страха. Они подсвечены мутно-желтым или грязно-оранжевым светом. Их энергия — теплая и сухо-удушливая, вызывающая иногда особенный тепловатый зуд в теле. Видящим лисы предстают как светимость беспокоящего оранжевато-желтоватого оттенка, имеющая каплеобразную форму пламени свечи, но со срезанной верхушкой («чипполино» без волос) и упрощенной, по сравнению с человеком, внутренней светящейся структурой.

Факт существования этих созданий не является сам по себе большой новостью: некоторые сведения о них можно почерпнуть из древних китайских книг, повествующих о так называемых лисах. Новостью является их активное вторжение в близлежащие пространства сновидений, начиная с лета 92 года, а также массовость их появлений, появление их группами и ощущение, что они нашли себе хозяев, т.е. примкнули к какой-то более жесткой и уверенной в себе системе силы.

При описании лис возникает трудность, связанная с тем, что речь идет об их экспансии не только в пространства сновидений: судя по всему, участились случаи их рождения в человеческом облике* (или приобретения его другими путями) в реальной жизни. О них можно сказать, что это не-люди, т.е. те, кто еще не стал людьми, хотя внешне выглядят как люди (имеют форму человека). Суть этого процесса, возможно, связана с тем, что нишу, высвобождающуюся в процессе перехода человечества в иное качество,** начинают заполнять сущности, которым в своем развитии только предстоит пройти человеческую стадию. С другой стороны, если выйти за наиболее распространенные эволюционные оккультные описания и исходить из того, что каждый класс сущностей в мироздании имеет свой собственный путь развития,*** то наиболее вероятной причиной нашествия лисов может быть их потребность в определенной энергии, которую они получают при близком соседстве с людьми.

Сновидческий опыт показывает, что лис привлекает (и в этом также проявляется их отдаленное сходство с огневками) человеческий душевный мусор — бесформенные остатки нашей эмоциональной жизни, с которыми мы не расстаемся вовремя: страхи, подозрения, необоснованные притязания к объектам нашей длительной и застойной привязанности. В отличие от огневок, которые резонируют на очень интенсивные, болезненные в своей безмерности страсти, лис больше привлекают камерные вещи с гнильцой, с душком, а также имеющие непосредственное отношение к сфере именно половых отношений, т.к. у них, судя по всему, в сновидениях очень мало выражены половые отличия.

Взаимоотношениям с лисами в снах обычно соответствует усиление в отношениях наяву настроений неискренности, подозрительности, лжи, двусмысленности, двурушничества, амбивалентности, недоверия, сомнительности ситуаций. Обычно необходим целый период, иногда до нескольких лет, общения с лисами во сне и наяву, для

□ См. Приложение

** В некоторых источниках это называют программой VI-VII расы)

*** Например, китайские источники метафорично указывают на то, что лисы быстрее, чем люди, могут достигать своего бессмертия.

того, чтобы были извлечены необходимые человеку знания. Их можно выразить как необходимость хорошо проветривать все, что касается эмоциональной жизни, особенно любовных отношений, не создавая замкнутых на себе областей, зацикленных аффектов, душных пут повышенной опеки и подозрительности к тем, кого мы любим, — лисы учат однозначности наших чувств и решений. Труднопонимаемой стороной отношений с лисами является эффект укрепления воли и целостности, возникающий у людей; еще труднее постичь некие токи особого знания о бессмертии, может быть, не для человека предназначенного (по способу достижения), но как возможность — открывающая общий для всех живых далекий свет.

Лисы наяву обладают свойством намагничивать нашу волю в направлении страсти прежде всего половой: они способны порождать очень глубокую привязанность к себе, часто ослепляющую. Между тем, им самим внутренне в такой интенсивности зачастую неведомы и просто недоступны эти чувства, а особенно высокие проявления любви. Они питаются энергией привязанности и любви, по всей видимости, потому, что не могут ее сами порождать, производить, хотя иногда они могут научиться этому.

Лисы могут сильно запутать судьбу человека благодаря своей способности придавать исключительно привлекательность и магнетизм периферийным и опустошающим по своей сути линиям развития. Но правильное взаимодействие с ними дает много знания, мудрости и возможность оживлять волевою сферу сущностных интересов человека.

Не следует понимать совершенно буквально эти сведения, тем более что в повседневной жизни встречаются не только, так сказать, чистокровные лисы в человеческом обличье, но и лисы как бы наполовину, на четверть или просто люди, в силу этих или иных своих обстоятельств сильно помеченные особой лисьей энергией или способами взаимодействия.

Как бы то ни было, максимум, что можно сделать в отношении с лисами во сне и наяву* — это попытаться провести их дальше с помощью нашей любви (способность любить — основное отличие между ними и нами), если мы чувствуем себя достаточно сильными и это совпадает с нашим решением о том,

что для нас является действительно необходимым. Минимально, что можно и необходимо сделать — не бояться их, потому что страхом они могут питаться также, как любовью.

Другой тип сущностей, встречающийся в сновидениях - о б о л о к и—трудноописуем, потому что они не принадлежат нашему миру, и их мир удаленней чем миры огневок, а те формы, в которых мы видим их в своих снах — это проекции нашего подсознания, не имеющие отношения к их действительной форме. В своем исконном мире с человеческой точки зрения они почти абсолютно неподвижны, но обладают достаточной силой, чтобы притягивать сновидящих в удаленное пространство сновидческого мироздания, населенное ими.

Взаимодействия и отношения с оболочками развиваются очень медленно — годами. Первые их вмешательства в путь сновидца проявляются вначале как присутствие чего-то чужеродного, чуждой энергии, которая отклоняет сновидца от привычных путей и состояний во сне. Со временем эта энергия становится иногда видна сновидцу как нечто невообразимое, особого пепельно-серо-черноватого цвета с преобладающим качеством полной чужеродности и пока еще смутного дискомфорта. На следующей стадии сновидящий как бы помимо своей воли оказывается уносимым этой силой, которой невозможно сопротивляться. Само пребывание в мирах оболочек сновидец обычно долгое время не в состоянии вспомнить из-за удаленности особенностей восприятия мира оболочек от привычных сновидческих настроек. В воспоминаниях фигурируют странно сплетенные между собой живые на свой манер существа, более напоминающие огромные корни или ветви дерева каучуково-черного цвета, живущие в среде, напоминающей белесо-серую воду, иногда имеющую холодные, неестественно синие и синюшные оттенки.

---

* О различии лис во сне и лис наяву см. приложение «Свой среди чужих...»

Облоки, судя по всему, испытывают потребность в некоторых энергиях человека. И хотя, согласно многим источникам, нужную им энергию выделяет человек, находящийся в состоянии страха и ужаса, можно предположить, что страх и ужас — это то, что остается в человеке, а то, что берут у человека — это обратная сторона: энергия радости, оптимизма, воодушевленности, — т.е. легчайшие и светлейшие составляющие целостности человека, — энергии, нехватка которых действительно остро ощущается в мирах оболочек. В отличие от огневок и лисов, оболочек не интересуют энергия любви и страсти, — она их скорее отталкивает. Это можно понять, если рассматривать способ жизни оболочек, — а бытие и сознание оболочек, видимо, представляет единый организм, в котором почти отсутствует индивидуальное начало, — как очень своеобразный и плоский (с человеческой т.з.) эрос, т.е. бытие вместе. Облоки, несомненно, обладают гигантскими объемами знания в самом обобщенном смысле этого слова, и сновидец, взаимодействующий с ними, может получать эти знания взамен своей энергии. Однако сам род этих знаний настолько чужд сущностно человеческому пути, что целесообразность подобного бартера очень сомнительна.

Важно помнить, что в нашем повседневном мире оболочки никогда не присутствуют непосредственно даже на самых тонких планах, — их природа и скорость бытия несовместимы с условиями нашего мира. Вместе с тем, есть основание предполагать, что наш мир является в течение достаточно длительного периода времени (не менее 10000 лет), объектом их пристального внимания и некоторых очень медленно и скрытно развивающихся манипуляций, целью которых, видимо, является облегченное получение необходимой им человеческой энергии. Эти манипуляции производятся при помощи проецирования из мира оболочек некоторых знаний и идей, в том или ином виде входящих в состав человеческих форм развития. К такого рода идеям,** в первую очередь, следует отнести идею коллективного бытия людей как бытия клеток одного организма, при которых игнорируется индивидуальность. К счастью, этот способ бытия вместе все же не является сущностно человеческим: действительно человеческий способ совместного бытия скорее похож на птиц, образующих стаю, или звезды, соединяющиеся в созвездия. Однако эта подложная идея, которую можно уподобить Подсадной Утке, в тех или иных вариациях вошла в плоть и кровь множества религиозных, философских и, соответственно, политических систем: самые безобидные ее интерпретации мы находим в индуистских пантеистских источниках и экологических воззваниях, а самые безжалостные — в политических режимах типа империи инков и сталинской машины или «Аум Синрике».

Т.о. можно предположить, что все социальные формы, объединяющие людей — будь то религиозные, криминальные, оккультные или политические структуры и организации — в повседневной жизни которых, вопреки декларируемым принципам, начинает преобладать отсутствие радости, воодушевленности и оптимизма, которые абстрактным понятием долга или вины (греха), — такого рода формы в той или иной мере являются коллективными поставщиками энергии для оболочек.

Для людей, бессознательно или сознательно, прямо или опосредованно взаимодействующих с миром оболочек, характерно преобладание серовато-белесых, иногда свинцово-серых тонов с особой структурой мелкоизорванных перепутанных нитей (или чешуйчато-мелкосетчатой) в их светимости — обычно над головой, по левой стороне. Ощущение чего-то серого может возникать просто от общения с ними. Характерной ловушкой в биографии такого рода людей является страх страха,* который парализует их

□ Материализовавшимися производными той же идеи, вполне возможно, являются, и те линии развития науки и техники, которые способствуют тотальному покрытию человечества сетью информационно-потребительских услуг и жестко централизованной (не автономной) системой распределения.

□ Т.е. страх страдания большего, причем страдания и боли душевной по преимуществу.

способность быть цельными и воспринимать незамутненно мир. Психологический их портрет дополняется иногда маскируемым, но неизбежно присутствующим хотя бы в их поведении пессимизмом, скептицизмом, ожиданием худшего; отсутствием живой радости и присутствием неживых ее суррогатов и имитаций. Чуть менее специфична питаемая ими слабость к излишней рациональности и ментальности. В общении с ними чаще всего присутствует холодок, переходящий в холод.

Несмотря на общее впечатление некоторой безжизненности, эти люди очень хорошо защищены и сильны: они зачастую выходят невредимыми из невероятно опасных ситуаций. Однако их сила не ощущается как обычная сила сильных людей,— наоборот, они могут вызывать впечатление слабых или бессильных. Их сила как бы не со знаком плюс, не сила присутствия, а сила со знаком минус — сила отсутствия. И это именно та сила, которая в памяти сновидящих непостижимым образом уносила их в миры оболочек, — непостижимо, потому что это не сила, хватающая и несущая, а сила, неотвратно убирающая то, что держит и то, чем держишься,— больше всего она напоминает антигравитацию. Не впадая в дьявологию, можно сказать, что оболочки умеют защищать своих клиентов.

Однако если быть точнее, необходимо отметить, что оболочек нельзя отнести к сугубо паразитическим формам жизни мироздания, — для них характерен тип отношений «ты мне — я тебе», т.к. они всегда как бы дают что-то взамен, хотя эти дары и весьма сомнительны для человека, склоняя его к очень двусмысленным путям.

Проблема для ищущих, однако, заключается в том, что без обладания или, на худой конец, без понимания такого рода «темной отрицательной энергии», по всей видимости, достижение для человеческих существ реального бессмертия и реальной свободы весьма и весьма проблематичны и маловероятны.

Хирурги — достаточно малоизученный класс существ, которые активизировались в сновидческой жизни планеты за последние годы. В сновидениях они никогда не бывают одеты в белые халаты, — их спецодежда особого фиштакково-бирюзового «медицинского» цвета различных оттенков. Их одежда просторна, без застежек спереди, голова скрыта под чем-то, подобным медицинской шапочке или колпаку. Их одежду приходится описывать так подробно, потому что неизвестны случаи, когда какой-либо сновидящий увидел бы их светимость или хотя бы внятно разглядел лицо.

Во снах они производят разнообразные хирургические операции над сновидцем или другими людьми: от мелких (удаление испорченного зуба) до полных и скупуплезных расчленений всех членов и органов с последующей очисткой и полным восстановлением целостного организма.

Все сновидцы отмечают отсутствие у пациентов страха или беспокойства по поводу операции, ощущение что это как бы к лучшему. И это «как бы» сродни какой-то неясности и недоумению по поводу того, что светимость и лица этих существ невозможно разглядеть. Как выразился один из сновидцев, может быть, это не существа, а орудие?

Достаточно часто подобные сновидения совпадают с началом улучшения здоровья. С другой стороны, у «оперируемых во сне» нередко возникает чувство, что вторжение происходит не только и не столько в физическое тело, сколь в области более тонкие. Иногда улучшение состояния здоровья воспринимается как производимое за счет чего-то другого, может быть, не менее необходимого, но менее очевидного.

Как бы то ни было, по поводу хирургов -- и кто знает, может, это и есть их наиболее характерная черта? — невозможно сказать ничего определенного,* кроме нескольких странных и бессвязных вещей:

□ Бытие этого класса сущностей в пространствах сновидения не совпадает ни с эффектами, производимыми т. н. «целительскими эгрегорами», ни с примыкающими к ним тонкими структурами.

— эти сущности появились в сновидениях не раньше конца 50-х годов XX века, тогда была создана некая основа для их появления.

— существует странный мир, очень похожий на наш, в котором эпоха и ее стиль всегда похожи на 30-е-50-е годы на нашей планете, и населяют ее спокойные худощавые люди(?) выше среднего роста. Технический прогресс в этом мире не пошел дальше земного уровня 50-х годов.

— возможно, на Земле где-то существует культ бирюзового богомола.

- с начала 90-х годов в дизайне все чаще стали использоваться матовые поверхности глубоких оттенков серого («мокрый асфальт»), серо-зеленого и серо-бирюзового, а также специфические вздуто-трапецевидные с закругленными углами формы, отдаленно ассоциирующиеся с насекомыми.

— единственное на земле, что напоминает операции хирургов-- Пачита и филиппинские хилеры, однако без медицинских аксессуаров.

С середины 92 года, вначале на самых отдаленных, а затем и на все более близких планах в сновидениях появились человекоподобные сущности, выглядящие как наиболее древние из всех, которых приходилось видеть сновидящим. С ликами цвета пергамента и очень старого золота, с оспинками, как на бронзовых бюстах, они двигались как бы в тоннеле обратного времени, приближаясь к той части Мироздания, где находится наш мир. Они производили впечатление настолько древних, что смысл их появления не казался печальным: они возвращались, чтобы рассыпаться, умерев навсегда, вместе с неким грузом, который был с ними. Они были как камикадзе света, ибо их груз и был светом — очень древним, забытым и, видимо, крайне необходимым именно сейчас нашей Ойкумене.

Летом 92 года *Памятники* вошли в максимально доступные для многих сновидящих тонкие планы, откуда воспринимались по-разному, но со многими совпадениями по сути: немыслимая древность их знания, несомненно антропоморфная (гуманоидная) духовность, невероятная плотность золотисто-янтарных энергий, намерение соединить как бы две ветви знания: Северо-(Западную) и (Юго)-Восточную. Впоследствии некоторым ищущим удалось вступить с Ними в контакт не только в сновидениях, но и на окраинах бодрствующего сознания. Результатом этого стали произошедшие во многих местностях странные посвящения, последствия которых, судя по всему, уже проявляются и будут проявляться весьма длительное время на материальных и иных планах. Вопрос о том, кто были эти сущности, остается открытым, несмотря на множество предположений, высказанных по этому поводу.* В любом случае, участники посвящений, связанных с Памятниками, встречались не более и не менее чем с самими собой, т.е. со своей целостностью. В настоящее время Памятники отсутствуют в доступных пространствах сновидений,— они выполнили свою миссию, какой бы она ни была, и сделали это безупречно. Но тем сновидящим, которым Памятники подарили целые мешки пергаментных свитков и папирусов, есть смысл не забывать об этом никогда. Хотя бы потому, что с тех пор ничто не осталось прежним.

Среди многообразия населения снов могут быть упомянуты такие формы, как Ге б б л и н ы, выглядящие как монахи в темно-серых или черных рясах, под капюшонами которых вместо лица скрывается либо нечто волчьегообразное, либо пустота. Они хищны, безжалостны и стремительно неотвратимы, и появляются, как правило, слева, когда в мире спит все.

Рассматривать их как самостоятельный класс сущностей, по всей видимости, не совсем правомерно. О них скорее можно говорить как о присущей нашей планете форме

□ Например: это были сущности, которые некогда были атлантами и теперь возвращают свой долг, связанный с развитием здешнего планетарного цикла; или: это были Странники в том смысле, который имели в виду А. и Б. Стругацкие, или версия, родственная выдвинутой Аргуэлесом в «Факторе Майя».

падения некоторых сущностей, в т.ч. человеческих, а также как о некоторых проблемах нашего подсознания.

Гебблыны по сути своей — агрессивные вампиры или полностью отчужденная и непонятая нами наша собственная разрушительность, которые великолепно излечивают нас от несвоевременного пацифизма и филантропии. Иногда они принимают облик наших умерших родственников и близких. Тогда их можно распознать по особому строению губ и рта: как прорезь в бледновато-землистой коже.

Одним из признаков реальности нападения гебблыны в сновидении является ощущение боли в области ниже пупка слева при просыпании. При частых нападениях некоторую защищенность дает пояс или ремень, которым нужно перепоясаться перед сном.

В сновидении гебблыны производят впечатление трезвых и очень сознательных сущностей, в отличие от большинства зооморфных мерзких тварей. Сновидящий может получить пользу от нападений гебблыны в том случае, если это заставит открыться его волю, и он проснется во сне. Тогда г е б л и н становится хорошим общеукрепляющим средством.

Некоторые люди в повседневной жизни имеют внешнее сходство с гебблынами. Это может быть связано либо с каким-то внутренним падением человека, либо с плотным общением с гебблынами во снах, накладывающим свой отпечаток.

В связи с этим (см. также лисы), возникает возможность создания некой классификации людей, основанием для которой служит присутствие в восприятии их нечеловеческих, чуждых компонентов, т.е. ксенологическое описание типов людей, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни.*

Мотылы — мертвяки предстают сновидцу как люди затем как человекоподобные фигуры, закутанные в нечто вроде савана белесоватого цвета; для видящих светимость подобна истлевшим лохмотьям беловато-бежевого цвета, образующую как бы структуру запеленутой мумии или куколки с некоей темнотой внутри; вся их светимость часто воспринимается как состоящая из дряхлой беловатой пыли, подобно пыльце с крыльев ночных бабочек.

Мотылей — мертвяков затруднительно рассматривать как самостоятельный класс сущностей; к ним, видимо, относится все, сказанное в этой связи о гебблынах, они принадлежат нашему миру вне всякого сомнения. У них нет лица. Мотылы как бы не вполне живы, достаточно статичны, не очень сознательны. Они способны окутывать своей мелкопылистой энергией и затормаживать некоторые жизненные процессы.

При наличии страха у сновидца мертвяки могут досаждают несколько сильнее, опустошая и запутывая путь. Судя по всему, их привлекают некоторые энергии, сопутствующие половым вожделениям и порокам — т.е. ситуации, в которых человек не может реализовать практически свои сексуальные особенности и желания, конденсируя в своем воображении социально или ситуативно табуированные формы половой жизни. Преобладающая энергия общения с мотылями-мертвяками - беловатая душновлажная, во снах выглядящая иногда как желеобразные бесформенные массы или потеки белесо-бежеватого оттенка.

В отличие от лисов, их почти не интересует диапазон эмоциональных энергий — т.е. энергии сердечной любви и страсти. В ситуациях с мотылями-мертвяками сновидящим лучше заниматься половой жизнью все-таки наяву, а не в воображении или сновидении, или не беспокоиться об этом вообще.

Очень высокие, часто светловолосые, хорошо сложенные светящиеся чистейшим золотым светом люди в снах могут быть, конечно, и нашими собственными высшими аспектами,** но есть основания думать, что иногда в таком облике появляются и сущности очень высокого порядка, имеющие непосредственное отношение к человеческому пути — *Хранители*.

□ См. приложение «Свой среди чужих...».

□ Согласно суфийским воззрениям.

Они хранят путь возвращения к нашим Настоящим Родителям, если говорить по-китайски. Во всяком случае, общение с ними безусловно благотворно во всех отношениях, и их энергетический поток среди множества других воспринимается во снах как наименее чуждый, а точнее — как самый настоящий, истинный, родной, давно разыскиваемый нами.

По всей видимости, любое общение с ними — это удача, но удачи свои пути, и опыт взаимодействия с Хранителями, видимо, относится к наиболее индивидуальным и глубоким процессам, и поэтому наше обобщение на этом заканчивается.

КАРТЫ НАЧАЛЬНЫХ СТРАНСТВИЙ

...расположенная в местности болотистой нездоровой.

*Переселение туда сразу большого количества людей
несомненно улучшило ее климат.*

Маккиавелли «История Флоренции»

Что разделяет нашу повседневную жизнь и наши живые сны? Что отделяет известный нам мир от других миров, существование которых в сновидениях не вызывает у нас сомнений? Чем является эта граница и где она проходит?

Мы подошли здесь к узловому моменту всех систем сакральных знаний, особенно — практики.

Устройство человеческого восприятия, с преобладанием в нем зрения и видения, обуславливает для всех живущих на этой земле наибольшую приемлемость пространственной ориентации в жизненных потоках. Во сне или наяву, в восприятии человеком происходящего неизбежно присутствуют — лево-право, низ-верх, впереди-позади, близко-далеко. При затруднении пространственной ориентации он испытывает очень сильный дискомфорт и, соответственно, затрудняется жить и осознавать.

И в смысле качества все сакральные традиции уподобляют духовное продвижение человека и обретение им бессмертия движению в пространстве (от «худшего» пространства к «лучшему»). Обобщенно: из нижнего левого угла в верхний правый; по спирали, движущейся по часовой стрелке, с Юга на Север,* из топологического «низа» Мира к его «верху»; с земли на Небеса, из Ада в Рай и т.д.

Труднопостижимо то, что граница между этими пространствами и мирами по сути является границей восприятия.

Эта граница проходит сквозь все наше осознание всех доступных нашему восприятию вещей. Именно в связи с этим пространственная интерпретация теряет смысл; потому что граница восприятия проходит не где-то, — она везде: в каждом мире и в каждом атоме, в каждой крупице света и пустоты. И, самое важное для практики, — в каком-то смысле она и есть тот самый «напиток забвения», который мы пьем каждый раз, пересекая границу между известным и неизвестным, проявленным и непроявленным, смертным и бессмертным, мгновенным и вечным.

В сновидческом смысле граница восприятия — это то, из-за чего мы наяву плохо помним сны и вяло соотносим их с реальностью, а во сне мы почти или совсем не помним повседневного мира. Или, точнее, она есть то, что мы забываем.

□ Для определенных сущностей это направление выглядит иногда как Юго Восток — Северо-Запад.

** См. «Сны наяву» в Приложении.

Граница восприятия — это наиболее невообразимо — в каком-то смысле имеет место и во внешнем, называемом нами объективном, мире.** Не касаясь здесь собственно магических практик, укажем лишь на один повод для размышлений.

Среди того количества людей, которые ежегодно исчезают без вести по всему земному шару, есть (пусть их очень немного) и те, кого не находят никогда. Их не находят и когда стаивают снега, их не находят и водолазы, — их останков нет в этом мире. И это связано с тем, что они физически покинули наш мир.

Итак, граница восприятия — это область глубокой тайны, и в то же время — зона приложения большинства усилий ищущих. Это как бы точка опоры, при помощи которой можно повернуть судьбу.

Очень важно понимать, что внешняя и внутренняя сторона нашего восприятия так же разделены границей восприятия, и переход этой границы является переворачиванием (кувырком) сознания.

С момента, когда сновидящий начинает следить за своими снами, у него постепенно — с годами — интуитивно складывается топография пространств его сновидений. Топография эта, прежде всего, основывается на повторяемости тех или иных пространств во снах (по принципу «Здесь я уже был»). Затем, по мере разворачивания неявного посвящения, (тоже интуитивно), начинает осознаваться и структура сновиденческих пространств: «это пространство отдаленней чем то; пространству X предшествует пространство Y, через которое можно попасть в пространство Z».

В ходе неявного посвящения сновидящий, опираясь на доступные ему системы сакральных знаний, либо на свое безмолвное знание, осознает природу и качества тех или иных пространств, их парадигму в системе объекто-субъектных связей и в структуре достоверности, таким образом постигая законы Мироздания и правила Игры.

Продвижение по внешней карте в ходе неявного посвящения начинается с преодоления границы воприятия, которая во сне может иметь вид высокого препятствия — горы, стена, стена тумана и т.п. За этой границей между мирами лежит безжизненная местность, более всего напоминающая пустыню с небольшими барханами мутно-желтого цвета.* Пребывание здесь в сновидении достаточно тяжело, и для дальнейшего реального продвижения необходимы очень глубокие и необратимые изменения в духовной жизни и в теле сновидящего. В этом пространстве доступно постижение многих вещей, происходящих в виде самостоятельных линий сновидений, — достаточно сказать, что почти все взаимодействия с огневками, лисами и другими сущностями, населяющими сны, относятся именно к этому пространству, где они являются своего рода стражами. Эти взаимодействия длятся годами, пока не нарабатываются качества, необходимые сновидцу для дальнейших продвижений.

В дальнейшем пути за этой местностью могут следовать, например, другие горы — невысокие, полуденные, светлых пастельных цветов, с горным озером неотразимой красоты. В плане посвящения эта местность связана с более тонким очищением и началом перехода на иное — духовное энергетическое питание (преимущественно для людей семейных). Это время может сопровождаться самостоятельными снами о выпадении всех зубов у сновидящего (что имеет отношение к указанному переходу на новое питание).

Далее могут следовать очень высокие, почти неприступные горы цвета охры на закате. При восхождении сновидящие неизбежно сталкиваются с двумя стражами, которые часто воспринимаются в классической форме — как два вооруженных всадника.

□ В католицизме, например, этому пространству соответствует т. н. чистилище.

**См. Приложения.

Как правило, период сновидений подобного пространства соответствует началу выхода сознания сновидящего за рамки тех или иных религиозных представлений, которые он сознательно или бессознательно усвоил.**

И так далее — вверх-вправо, годами, со многими срывами вниз и возвращениями в уже исследованные местности. Из узловых мест в этом пути имеет смысл перечислить:

- здание с очень многими этажами и скоростным лифтом.
- фунтовые дороги охристого цвета, имеющие с левой стороны пропасть, либо лес.
- воды, вызывающие ассоциации с Северным Ледовитым океаном и близостью Северного Полюса (внимание! там тоже есть стражи).
- местность, где невидимый источник света таков, что сно-видящий как бы отбрасывает четыре тени.
- невообразимо крупный океанский порт со многими кораблями.
- остров (острова) в северных водах с одноэтажными домами простой конструкции и воздухом аскезы.
- очень высокие черно-пепельные горы с плато на самом верху, на котором находятся несколько храмов (весь фон -космическая пустота).

И так далее.

На внутреннем уровне пересечению границы восприятия и сопутствующим этому трансформациям самопознания соответствуют, прежде всего, сны, связанные со смертью сновидящего в той или иной форме, в т.ч. и в чужих снах.

«Сновидящая во сне чувствует сильное беспокойство, связанное со своим приятелем. По мере того, как она во сне приближается к его дому, беспокойство перерастаете чувство, что произошло что-то непоправимое. Она входит в дом. На двух лавках печально сидят все близко знавшие ее приятеля, на столе —гроб с его телом. Царит подавленное молчание. Она присаживается вместе со всеми. Какое-то время все продолжают молча страдать, уставившись в пол. Затем сновидящая чувствует, что что-то не так, поднимает голову и видит умершего приятеля, который тоже как бы со скорбным видом сидит рядом с ней и смотрит на свой собственный труп, лежащий в гробу, затем смотрю в глаза приятельнице и хитро подмигивает ей, отчего сновидящая с хохотом просыпается».

Наяву приятель в этот период закончил очередную фазу своего посвящения, пересекая границу самовосприятия, и практически стал другой личностью.

ВРАТА ВРАТ

Тьма велика, карты мира малы...

И.Карайон

В ходе неявного посвящения наше самосознание все в большей мере начинает развивать и качество, которое мы назовем глубиной (в противоположность поверхностности, которая отличает наши знания, а вернее, информацию, получаемую во время социального обучения).

В сновидениях этот процесс чаще всего приобретает форму погружений на дно — реки, озера, океана — и пребывания там среди обилия змей, и других, часто монстрообразных, доисторических пресмыкающихся. Эти сны продолжаются, как правило, до момента, когда у сновидящего окончательно исчезает ужас и страх по отношению ко всем придонным гадам и тварям.

Таким образом просветляется глубина нашего бессознательного, темные тени и обратная сторона нашей чувствующей души, ее самые бездонные и доисторические страхи.

Для некоторых сновидящих эта фаза разворачивается в виде снов о темной стороне женской сущности (см. приложения).

Глубина осознания и чувствования, достигнутая в этой фазе посвящения, предваряет самую трудную ступень духовного развития, имеющую исключительную важность, потому что все бывшее до нее может так и остаться вешами, ничего по сути не меняющими в судьбе ищущего, если не пройти эти врата врат.

Речь идет о необходимости всецело (тотально) доверить свою судьбу и жизнь Силе, дающей нам эту жизнь и свободу. А это невероятно трудно. Потому что как только самосознание перерастает представление о Силе как об антропоморфном божестве, гарантированно источающем любовь в адрес человека, как о боге, одержимом единственным стремлением — доставить праведника прямехенько в рай и защищающего его от всякой напасти, — как только разрушается эта иллюзия, ищущий оказывается перед тем, что довериться нужно Силе Неизвестного (где неизвестны в первую очередь гарантии какой-либо безопасности и благоприятного исхода).

Этот шаг невероятно трудно сделать.

Очень трудно убедить наше эго, что без него всем будет лучше, но именно оно — то, что должно умереть у этих врат.

Этот шаг почти невозможно сделать, потому что самое важное (как и во всем остальном), в том чтобы не просто сделать, а сделать *правильно* и единственно возможным, т.е. уникальным, для каждого индивидуума способом.

Умственные спекуляции, обрушивающиеся на нас в этом месте пути, так же бесполезны, как и наивные попытки положиться на интуицию: «все равно вывезет» или «все, что ни делается, делается к лучшему», — вопреки всему этому, наше эго орет самым жутким матом, извергает потоки страха небывалой интенсивности и притягивает еще более пугающие нас события, от которых нам становится просто таки безумно жаль себя.

Здесь бесполезен и намеренный альтруизм, и попытки полного растворения в Силе. Здесь может помочь только воля, но совсем не в том смысле, который мы привыкли слышать в этом слове. Эта воля не имеет абсолютно ничего общего с тем, что мы уже знаем о себе, и она парадоксальным образом предполагает полную ответственность за все наши движения. Потому что риск, возникающий при доверии своей судьбы Неизвестному, на самом деле колоссален, и уравновесить этот факт в нашем понимании может лишь осознание того, что само Неизвестное полностью принимает риск своего собственного существования вместе с ответственностью за него.

Только это уравнивающее равенство понимания и создает для ищущего возможность невозможного моста в Неизвестное, за которым начинается безвозвратное.

Однако дело осложняется и тем, что, как и в любом другом фрагменте продвижения, успех зависит от тотальности нашего осознания. Соответствующее понимание должно войти и изменить энергетически не только наше сознание, но и тело. Пока этого не происходит, наша целостность не полна. Наше тело, в силу социально обусловленного дуализма, изменяется достаточно медленно и по одному ему известным ритмам. Этот процесс невозможно ускорить, потому что более всего он похож на медленное созревание плода. И именно у врат врат все попытки ускорения саморазвития, игнорирующие ход созревания мудрости тела, — от наркотиков до преждевременной аскезы и волюнтаристских «рывков», — чреватые самыми серьезными разрушениями физического тела, а, следовательно, и всей нашей целостности.

Только обретенная глубина понимания может уберечь в этом месте от ошибок, которые именно здесь могут быть действительно роковыми, потому что Врата врат -- это зона максимального и реального риска.

Поэтому именно здесь остановились в своем развитии по-прежнему большинство популярных социализировавшихся магов, гуру, паранормалов, харизматиков и т.д. Из-за давления максимального риска они и социализировались: проход сквозь врата врат требует смерти эго. По сравнению с этой смертью несравненно легче рассказывать сказки о силе, демонстрировать дешевые чудеса манипуляций и вдалбливать в головы адептов

простенькую усложненность «совершенно новых» способов жить, которые ничью жизнь изменить не в силах.

Трагедия здесь заключается в том, что только риск способен делать жизнь и искания живыми,* а отдаление от зоны максимального риска с неизбежностью приводит к прозябанию, опустошению и вырождению.

В сновидениях приближение к вратам врат чаще всего обретает форму необходимости прыжка в бездну с огромной высоты. Эти сны отличаются от снов, рисующих падения, как возвращение на предыдущие уровни развития, тем, что в них насмерть разбивается эго и самосожаления. Намерение этих сновидений — не падение, а — полет, но уже без неподъемного балласта самости.

За этим простираются принципиально иные функциональные уровни сновидческой деятельности, при помощи которых, по мере практики, можно продвинуться далеко, очень далеко, так далеко, что однажды пропадет желание возвращаться, -когда вы вспомните дорогу иного Возвращения, настоящую Игру и, если вам повезет, однажды не вернетесь сюда. А если повезет еще больше, не вернетесь никуда, потому что Вас не станет в этом Мироздании, вы выйдете за его пределы, туда, где в сновидениях дует черный ветер, дует всегда, не переставая и не устая, и уносит навсегда. Куда? Этого не знает никто, даже Он, потому что это далеко за Ним, а ветер был всегда, и до того, как Он появился здесь, когда Он не сотворил еще ни земли, ни полей, ни начальных пылинок Вселенной.

«В снах он стал все чаще и чаще покидать дом, каждый раз возвращаясь все с большим трудом, и однажды не вернулся, забыв и дорогу обратно, и тайники Юга, и теплые соленые озера, и распахнутые настезь телефон-автоматы в горах, брошенные составы на старых железных путях, и осколок тьмы в твоём левом крыле, и китайскую книгу в черной с золотом обложке, и овчарку-поводыря, ведущую слепого сквозь вечерний парк, где сверху сыплется медленный снег, и дым отиа горек, когда он курит или сгорает, оставляя лишь взгляд за строениями этого века, за разрухами этого века и разлуками цвета гари и меда, и белые флаги в неподвижном воздухе улиц...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛИНИИ ПУСТОТЫ

Если по пробуждении вы не помните, что вам снилось — значит вы проснулись только наполовину.

Если, просыпаясь, вы вспоминаете, что вам снилось — это значит, что вы видите сны.

Если проснувшись, вы не помните, что вам снилось — это неважно. Ибо, что бы вам ни снилось, вам не снилось пробуждение.

Если проснувшись вы помните, что вам ничего не снилось, то возможно, вы проснулись.

Тысячи лет на приоткрывающиеся сознания спящих людей накатывались волны жизни и смерти, тропами сновидений к человечеству пробиралось запредельное —энергии и существа, бездны и воры, Учителя и зов чего-то, что ждет нас вдали от тяжелых предметов, чувств — зов, к которому тянутся наши небесные корни.

Тысячи лет эти пути оставались тайной.

Нечто изменило время-пространство. Стало возможным увидеть покой, движение и безмолвие того, что было «за кадром» всегда, увидеть оттуда, где стоит человечество, во всяком случае большая его часть. Вероятно эти изменения есть то, что называют сменой эпох — Рыбы и Водолея. Можно только гадать, насколько история всего человечества или судьбы отдельных людей зависели и зависят от этих запредельных танцев, рокировок,

---

□ См. например, Дж.Беннет «Драматическая Вселенная».

болезней, бурь, климата миров и пустот; зависят, ибо жизнь во всей своей многогранной целостности происходит всегда, — вне зависимости от того, знаем мы об этом или нет.

Сильнее всего, иногда сами того не подозревая, мы хотим свободы. Ибо она дает дыхание, рост, бодрствование таким глубинам нашего сознания, которые не могут быть ни при каких других навязываемых им условиях.

Относительные возможности для действий не являют истинных качеств свободы, — магических, сексуальных или филологических. Потоки силы и реальности, создавая возможности, существуют и обнаруживают себя по другим, не умом принятым, ориентирам.

Сновидения — это естественный способ быть с ума сошедшим, пустым и, может быть, свободным.

Только придуманное нами объяснимо и плоско. Всякая истинная сущность, открывающаяся нам — загадка.

Движение снов условно можно разделить по источникам их возникновения:

- а) личная воля;
- б) воля других;
- в) воля неизвестного.

В тех планах мира, куда мы ходим в сновидениях, отделение единичного от целого не допустимо еще отчетливее, чем в дневных странах. Никто не знает наверняка, когда его тяга к путешествиям вызвана, например, солнечной активностью, а когда она — плод наших собственных усилий.

Мы можем только очень неточно предугадывать формы, вернее бесформенность странников, вышедших за пределы нашей видимости, за пределы нашего понимания. Поэтому их действия, как правило, неотличимы для нас от движения той части пути, на которой мы в данный момент находимся.

И все же каждый сновидец почти обязан пытаться увидеть весь процесс полностью, отличать одно от другого настолько объемно, насколько он только может себе это представить.

Для сновидения необходимы, по крайней мере, две вещи — свободная энергия и минимальная целостность, собранность. Без первого — вы всего лишь хорошо спите, без второго -ваши сны — как картинки на плоскости.

Энергия уходит в то, на чем вы «зациклены», на то, во что вы вовлечены. Такие «пойманные» сны либо утомительны, либо никчемны для духа, центра, но относительно полезны как способ заполнения, промежуточного строительства или разрядки. В таких случаях энергию лучше назвать не свободной, а «лишней». Поскольку свобода — это, по видимому, то, чем мы можем воспользоваться.

Интересы, побуждающие внимание, можно условно разделить на «горизонтальные» и «вертикальные». «Горизонтальные» интересы осознаются на разных «высотах». Поэтому то, что говорилось о засыпании, больше относится к качествам «зон», чем к какому-то конкретному времени входа или выхода из сна. Ваши вопросы ждут вас и в большем удалении от... Так как это именно ваши вопросы, нужные вашей сущности. Ваши вопросы — ваша судьба.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛИЧНАЯ ВОЛЯ

Активность внимания — не всегда движение, пассивность - не обязательно неподвижность.

Мы делаем сны из невообразимых энергий, не представляемых нами географий. Глаза фокусируют вид на нечто, что мы тут же переводим на язык более или менее привычных для нас образов. Чем меньше дистанция между этим начальным нечто и формами снов, тем ближе наше сознание к истинному сно-ви-дению.

В каждом из нас, где-то очень далеко, тлеет желание встречи с неизвестностью, полной открытостью мира, в котором мы есть. В то же время есть что-то, заставляющее нас избегать встречи с полной неизвестностью и практически мгновенно закрываться образами-словами-чувствами: как-бы пониманием распахнувшегося пространства.

В сновидениях, из-за пластичности, больше шансов для таких встреч. Их больше ровно настолько, насколько сновидец готов к непредсказуемости.

Чувство «настоящего» мира, увиденного хотя бы на миг через зазор между фокусировкой зрения и событием сновидения, не забывается очень долго и даже — никогда, если успело разбудить в нас то, что знало всегда.

Настроение отрешенности и принятия самого себя нужно только найти, вспомнить и своим пребыванием в нем — растить.

Не увлекайтесь картинками дневных событий, которые приходят, когда вы уже не бодрствуете, но еще не спите, не отталкивайте их. Это время тайн подсознания, закоулков совести, видения истинных мотивов ваших поступков и т.д. — не обращайтесь на них внимания, здесь нет ничего важного. Или обращайтесь, если хотите. Просто подождите, пока это перестанет вас интересовать. Зрелище «ниток от руки кукловода» очень заманчиво. Оно даже полезно, если дает сновидцу трезвость. Но важнее сила, воздух реальности, который уже приходит на смену и этой части «почвы».

1. СТАРОЕ НЕБО

Жил-был египетский фараон. Все у него было — и богатство, и женщины, и власть.

Единственная забота оставалась у фараона — удачно выдать замуж горячо любимую дочь.

И вот бросил он клич, который был услышан и за пределами Египта: «Тому, кто переплывет Нил, кишащий крокодилами, достанется в жены фараонская дочь и половина, так сказать, фараонства».

Сидит фараон на берегу Нила, в окружении бесчисленной свиты, и ждет пока найдется смельчак, который совершит требуемый подвиг. Собралась толпа — египтяне и чужестранцы, — и долго все стояли и ждали, но никто не отважился.

И вдруг из толпы выскакивает какой-то невзрачный тип, бросается в воду и с изумительной скоростью, уворачиваясь от крокодилов, быстренько переплывает реку.

Привели его к фараону. «Ну, герой, — говорит фараон, — получай мою дочь и фараонское благословение». «Но мне не нужна твоя дочь», — говорит тип. «Значит ты хочешь полфараонства?», — спрашивает фараон. «Нет, власти мне тоже не нужно». «Значит золота, драгоценностей, богатств несметных?». «Ничего этого мне не надо», — упирается тип. «Чего же ты хочешь?», — удивился фараон.

«Единственное желание, которое у меня осталось, — говорит тип, — это посмотреть в глаза тому мерзавцу, который толкнул меня в реку».

Сны, скрывающие от сновидца видение «настоящего» мира, диктуются его прошлым — этой пленой между сознанием и внешним пространством.

Истинный анализ психики — это процесс выработки необусловленности собственным прошлым, непривязанности к нему, с устремлением к настоящему.

От рождения мы пусты, чистое восприятие, чистый лист, на котором еще ничего не написано. А за то, что действительно «написано» и существует, нет необходимости держаться.

Современная человеческая цивилизация — довольно убогое в плане духовной развитости сообщество, и, в силу этого, мы отождествляемся с очень поверхностными человеческими реакциями и возможностями. И в этом мы последовательны.

Стремление к последовательности — это отголосок нашей глубинной жажды целостности. Собирая себя из первого «подвернувшегося под руку» материала, из тех психических порядков, которые нам предлагает сегодняшний день человечества, (а это, как

правило, материал с качеством «периферии» нашего внимания, только весьма приблизительно отражающий истинные качества нашего центра), мы строим дом на песке.

Очень трудно ускользнуть от «дневного» видения мира. Умение проходить сквозь собственное прошлое, сохраняя трезвость и цельность, — одно из условий победы. Даже умереть достаточно тотально невозможно, не приведя в порядок свои земные дела.

Качество и «дальность» сно-видений зависит от качества и «объема» всех видений, то есть всей жизни.

Мы имеем намерение своего сна — его зафиксированных качеств. Участвуем мы сознательно в его создании или нет — оно материально, и комфортность ночных погружений зависит от нас и от сил, соучаствующих в нашем намерении «быть — где», «быть — с кем», «быть — как». Его качество формирует сны, но и без снов мы пребываем в том или ином энергетическом пространстве. В каком именно, — можно судить по нашим состояниям после пробуждения. Роль этого намерения подобна той, которую для дневного сознания выполняет мировоззрение, с той разницей, что намерение сна гораздо труднее изменить (читать — осознать), и оно отчетливее влияет на вкус судьбы, поскольку менее вторично. Оно — часть той энергетической ниши, которую мы, и не только мы, создаем, инерция которой кажется нам судьбой. Будучи созданным, это намерение существует в пространстве. То есть, если в «трюме яхты» вашего сознания полно «крыс», нет ничего неожиданного в том, что каждое утро вы просыпаетесь разбитым и почти больным.

И, если в вашем распоряжении «воздушный шар», не делайте круглые глаза, очутившись на другой стороне земли, — просто в эту ночь дул сильный ветер.

«Я проснулся от какого-то толчка — мягкого как удар крови, выталкиваемой сердцем. Оглядел комнату — она немного просторнее той, в которой я уснул, но их основные черты совпадали. Волнообразным движением, наверно так из старой кожи выбираются змеи, я выскользнул из физического тела. Его границы были отчетливы и прохождение сквозь них напоминало мне (тут же, во сне) слышанные истории о выходе из тела после смерти.

Продолжая те же волнообразные движения, я некоторое время витал над лежащим на постели телом. Оно виделось темной массой, смутным контуром и что-то удерживало меня от того, чтобы взглядываться в него пристально.

Мне хотелось куда-то вверх, выше крыши, выше и выше — ни тогда, ни сейчас я не смог бы определить точнее это состояние, хотя в нем была некая цель и знание дороги, в которую оно меня вело.

Поднимаясь, я уперся теменем в какую-то перегородку, — возможно, она совпадала с физическим потолком, правда, дальнейшие события не поддерживают эту ассоциацию.

Протолкнувшись, продравшись, протиснувшись сквозь плотность этого барьера, я оказался как бы на следующем этаже. На физическом плане этого «этажа» не было. Отчетливо чувствовалось другое — изменившееся относительно предыдущего — состояние сознания.

Я стоял абсолютно голый в жарко натопленной комнате, где-то горел камин. В комнате сидела группа людей.

Это была именно группа (по чувству какой-то родственности между ними). Они очень дружелюбно встретили меня — без слов поздравляли с тем, что я вышел на этот уровень. То же ощущение жизненной силы, которое исходило от них, я испытывал и прислушиваясь к себе. Было чувство отсутствия каких-либо психических барьеров между нами, хотя мы и оставались совершенно отдельными.

Отвернувшись в угол, я посмотрел, есть ли у моего тела член — в этом мире. Мои друзья переглянулись и понимающее заулыбались. Среди них были и женщины. На всех них были мягкие и красивые одежды, на которые я не обратил особого внимания. Казалось, сам воздух здесь располагает к совместной учебе, к общению. Безмолвное приглашение остаться здесь было ненавязчивым и искренним. Эти люди были убеждены в правильности того, что они должны находиться именно здесь, но мне нужно было выше.

Я устремился всей своей волей, жизненной силой вверх.

Новый «потолок» оказался еще плотнее, чем предыдущий. Ощущение в темени было такое, будто там что-то рвется. Последнее, что я увидел: мои новые друзья стараются удержать меня. Это стало неприятным открытием.

Следующий этаж представлял из себя просторные залы гуляющими в них людьми. Здесь происходило нечто вроде банкета — бокалы в руках, мужчины в смокингах. Здесь я задержался недолго — только научился создавать на себе одежду. Это какое-то особое усилие воли, хотя было чувство неважности и не слишком большой ценности такого опыта, — мнение, которое я не поддерживал бы днем,

Этот уровень был чем-то вроде экзамена на отождествление чувства своего «я», сущности — с отношением к чему-либо. Мы не то, что мы создаем. Наше отношение к людям, вещам, идеям, с которыми мы встречаемся на своем пути — только «одежда», периферийная энергия, создаваемая, излучаемая чем-то большим.

Мне нужно было выше. От следующего «потолка» у меня чуть не раскололась голова. В воздухе, в который я прорвался, была особая окончательность.

Это был ясный, прозрачный воздух ранней осени. Я медленно приближался к храму, до меня доносились голоса детей, играющих на газонах его внутреннего двора. Где-то жгли листья — едва различимый запах дыма в безветренную погоду... В общем, я чувствовал себя дома. Я подумал, что наверное, это и называется вечностью».

Сущностный опыт, приобретаемый в сновидениях, невозможно не узнать, не отличить от легковесности иллюзий, фантазий; сквозь формы этого опыта брезжит свет того, что было, есть и будет, — того, что мы знали всегда. Направления этого опыта бесчисленны и бесконечны, как сама жизнь.

Почти на всех этапах развития основной вызов для сновидца — это иллюзорность собственного мирка, которая очень нелегко отпускает своего создателя.

Почему мы нуждаемся в иллюзиях? В своих бесконечных восхождениях сознание не всегда может оставаться открытым мировому пространству и воспринимать все дары неизвестности, не разрушаясь при этом. Ведь мы обладаем только ростком сознания, подчас очень хрупким. «Отдыхом» в пути становятся иллюзии или стереотипы восприятия, если мы не одни участвуем в создании этого «этажа» пустоты.

И днем, и ночью мы редко создаем действительно оригинальные пути для Силы. Но любой сюжет, даже самый тривиальный, мы освещаем неповторимым светом собственного бытия. Магия шаблонов образа жизни, чувств, мыслей, сновидений в том, что они не дают нашей жизненной силе рассеяться в безбрежности любого из миров — до тех пор, пока мы к этому не готовы. Что же касается оригинальности, то в сновидениях больше возможностей для присутствия вне-форменной энергии, что уже само по себе говорит о степени близости к источнику «оригинальности».

Не горячитесь, избавляясь от иллюзий. Точнее будет начать с осознания того, зачем они вам нужны.

Иллюзии рождает реальность. Иллюзия — это неверно отраженная реальность. В основе каждой из них — стремление абсолютизировать какое-либо частное качество Силы, чрезмерное увлечение этим качеством.

«Я вышел к берегу моря и сел на один из прибрежных камней. Мне нравилось это место. Мне нравилось, что там никого не было. Только ощущение пустоты и спокойствия. Я долго сидел на камне. Мне не нужен был сюжет—события, люди, изменения. Я понял, что ни в чем этом нет нужды для того, чтобы быть».

2. ЗЕРКАЛО САМООТРАЖЕНИЯ

«Дул ветер. Справа проносились потоки мусора и сухих листьев. Я бежал по местности, похожей на заброшенный парк. Впереди показалось что-то вроде сторожки.

Когда я подбежал поближе, увидел, что вместо дверей у нее — зеркало в человеческий рост.

В воздухе сгущалась необъяснимая тревога. Издалека я увидел, что отражаюсь в этом зеркале, но это было не мое отражение. Я видел своего друга, которому я во многом подражал. Его жизненные ценности были для меня, зачастую бессознательно, ориентиром. Когда я подбежал поближе, отражение изменилось и это было уже мое тело и мое лицо. Человек в зеркале делал призывные жесты руками и хитро улыбался. Тревога и ощущение, что сейчас может произойти все, что угодно, нарастали.

В какой-то момент зеркало исчезло. Меня обуял ужас. Из черного провала на месте зеркала веяло холодом, но мне чем-то даже понравилась свежестъ этого воздуха. Из глубины тьмы исходило ощущение непривычной пустоты. Чтобы успокоиться, я начал бегать вокруг одной из клумб. Потом я побежал в обратном направлении, будто подругой стороне парка. Я знал, что где-то впереди — море и мне хотелось искупаться. Через некоторое время я выбежал на берег».

Саморефлексия на пути продвижения к настоящему, реальности, совпадает с задачами самосохранения только до некоторого момента.

Иногда сновидение отключается совсем, чтобы скрыть разрушительную для нас информацию, энергию, перспективу. Но чаще в случае опасности мы переключаемся на те наши проблемы, нерешенность которых, собственно, и создает риск. Наш сон становится менее энергетически емким, менее объемным, но разрушений либо нет, либо их масштаб значительно меньше, чем мог бы быть.

Фиксация на образе самого себя — следствие нашей энергетической недостаточности. Мы нуждаемся в Силе, но находим энергетическую подпитку в собственном внимании к себе (или внимании окружающих). При неоднократном повторении и кристаллизации это становится причиной невозможности для нас — таких, какими мы становимся, уверовав, что мы то, что мы о себе думаем и какими мы себя видим — быть полностью живыми.

Если мы заиклены на самих себе, при воспоминании сновидения центр внимания незаметно смещается на события, происходящие с нашим образом самого себя или на то, что можно интерпретировать как относящееся непосредственно к нам.

Отсутствие невовлеченного наблюдателя лишает сновидения глубины и Силы.

Отрешенный наблюдатель есть всегда. Нам трудно осознать этот способ нашего присутствия, поскольку трудно принять его холодность и невозможное спокойствие. Безразличие, с которым мы наблюдаем за самыми драматичными коллизиями нашей судьбы, кажется нам оскорбительным по отношению к нам самим и ко всему живущему «человеческим» способом жизни, — то есть играющему свои роли в маскарадах нашей цивилизации.

3. ТРОПИНКА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

«Во сне я проснулся и увидел, что мы лежим с Н. в той же постели, где мы спали в «действительности», но комната другая. Я проснулся от ощущения возможности всего, вплоть до моей физической смерти. Это вызвало во мне интересное чувство максимальной бдительности, и далее я двигался как бы на зов источника опасности.

Я встал с постели, открыл один из ящичков мебельной стенки, начал искать это нечто в вещах, но потом понял, что направление я взял верно, но идти надо дальше. В углу я увидел проход в другую комнату. Этот проход находился относительно постели и того, как я на ней сидел, справа впереди. Где-то в это время я понял, что опасность исходит от Н., но она, казалось, продолжала безмятежно спать.

Смежная комната была залита золотистым светом. На точно такой же постели как та, на которой я проснулся, спала Н..

Реальность восприятия была такова, что я был уверен, что все это происходит на самом деле и я не сплю.

От видения этих двух комнат что-то стало происходить с моим животом. Чуть ниже пупка мышцы как-будто сплелись в твердый, но живой и подвижный комок. Это был не страх, скорее какая-то работа моего тела, необходимая для самосохранения. Я нашел место, с которого максимально обозревались обе комнаты. Я был очень спокоен. Медленно разглядывая два тела одной и той же женщины, я слышал их и вынужден был признать, что они обе настоящие.

Я тихонько позвал ее. Когда они проснулись, я сказал им, обоим одновременно: «Иди ко мне». То, как я это сказал, подразумевало, что они должны идти очень медленно, очень внимательно, следить за моими жестами и доверять мне.

Я не знаю, зачем позвал их. Это было что-то вроде инстинктивного желания довести действие до логического-абсурдного конца и соединить несоединимое.

Они стали медленно приближаться. В какой-то момент комната, в которой я проснулся, стала зеркальным отображением второй комнаты.

Это означало, что я не удержал в фокусе своего внимания обе комнаты. Ощущение опасности исчезло. В зеркале прочитывались какие-то слова /там, где отражалась Н./ Я запомнил только что-то вроде: «...не время, еще не время».

«Я проснулся от шума в прихожей. Я спал в квартире своих знакомых, но тем не менее я был уверен, что подобных звуков там некому производить. Я не сомневался в том, что проснулся на самом деле.

Звук был очень неприятный — нечто среднее между визжанием кошки и скрежетом металла по стеклу. Я поднялся с постели и вышел в прихожую, чтобы определить источник звука. Планировка квартиры была та же, разве что комнаты были немного побольше и коридоры подлиннее.

В прихожей никого не было. Чтобы избавиться от тревоги и неприятного чувства присутствия какой-то посторонней силы, я пошел в ванную умыться. Вошел, открыл кран холодной воды, сполоснул руки, затем лицо и только после этого посмотрел на свое отражение в зеркале над умывальником.

Лицо было почти моим — кроме глаз. Полностью черные, они сияли невероятной, затягивающей в себя силой. Это был момент полного ужаса. Казалось, еще мгновение, и я навсегда растворюсь, исчезну в глазах этой неизвестной мне силы. Кроме этого, я знал, что если это произойдет, в мое тело войдет нечто совершенно другое и я только буду выглядеть человеком, не являясь таковым по сути.

Тогда я закричал. Крик исходил откуда-то из глубины живота. Он был такой интенсивности, что хватка этого зазеркально-го взгляда ослабела.

После этого я проснулся в другом сновидении».

«Я проснулся, то есть осознал себя, в тот момент, когда вылетал из дома. Это был тот же дом, в котором я лег спать вечером, в той же ночной местности.

Я вспоминал, такие сновиденческие «вылеты» и раньше. Во время этих восхождений чувствуешь себя естественно легким и в силу этого поднимаешься к такой же легкости высот.

В прежних путешествиях я всегда отвлекался на что-то «здесь» и из-за этого не поднимался на те возможные высоты, зов которых всегда подразумевался в этой легкости.

На сей раз мне не за что было «зацепиться», и я это ощущал, если можно так сказать, физически, как радость и ощущение очень глубинной «отпущенности», свободы.

Во время восхождения самым «грубым» из происходивших изменений сознания было появившееся почти в высшей части путешествия ощущение отсутствия самого себя.

Эта пустота дала мне возможность увидеть, что во всех других сновидениях и не сновидениях — я всегда присутствовал. Чувство самого себя — это то чувство, которое ты испытываешь, когда оглядываешься вокруг, прислушиваешься и, услышав знакомые голоса предметов, убеждаешься в том, что ты есть.

Теперь этого чувства не было. Сквозь пустоту ко мне пришло какое-то непередаваемое ощущение-знание приближающегося сверху тела. Возможно оно было янтарно-золотистого цвета.

Я понимал, что оно тоже учится, и это Иное обучение, Иному знанию и вся моя жизнь была поиском и этого знания, чего я не знал и не мог знать раньше».

Возможно, это не совсем точные примеры тропинок в зазеркалье. Их трудно отделить по чисто формальному признаку от пробуждений тела сновидения. «Зачатие» этого тела происходит еще до того, как окончательно преодолен барьер зеркала самоотражения. Пробуждение во сне переводит видение на другой, более интенсивный, но не окончательный, уровень реальности.

Тело сновидения, его сила — это один из тех ростков, которые взламывают изнутри броню нашего невежества и эгоцентризма. Путешествия этого тела закаляют наше восприятие для встреч с еще более «разряженным» воздухом пустоты или Иных, приближающихся к нам с той стороны зеркала, форм существования.

4. НАМЕРЕННОЕ СНОВИДЕНИЕ

Начиная сознательно практиковать сновидение, мы почти всегда от этого чего-то хотим. Пространства сновидений не склонны оправдывать возлагаемых на них надежд. Своими желаниями мы фиксируем внимание на некоторых аспектах этих

пространств, не замечая из-за этого больших шансов и других качеств радости пребывания в этих краях. Ожидание конкретной информации или определенных состояний сознания затрудняет цельное припоминание пройденных сновиденческих дорог.

Распределение внимания к ткани снов, его равновесие -настоящее искусство.

Сознание не обязательно перемещается скачками ассоциативных связей от одного плана мира к другому, поскольку большую часть различных уровней возможно видеть как единство эманации Силы.

Здесь формулируется, может быть, основная загадка для сознания — извлечение себя из «условий» (образов, сюжетов, жизненных планов, идеалов) и видение своей необусловленной отдельности.

Маскараду материальных рядов, в которые мы вовлекаемся, приходит на смену чувство причастности к миру и гармонии Силы, наполняющей жизнью эти ряды.

Для человека естественно стремление к свободе. Сновидение — один из путей к ней. Минимальным шансом сновидения является пробуждение во сне.

Проснуться во сне можно в результате нескольких условий. Первая ситуация: причины независимы или только косвенно зависимы от вас, — сроки ваших заблуждений подходят к концу, желание игр с иллюзией исчерпывается, восприятие становится незанятым и ветер Силы, оживляющий и направляющий сновидцев, касается его.

Ситуация вторая: причины создаются вами — волевые усилия по припоминанию и движению снов, внимательность к ночным путешествиям и попытки увидеть их при свете пробужденного сознания, дают плоды.

Снам, которые я хочу описать, присуща некая общая сила. Ее признаки вы заметите сами, но для меня они едины не столько постоянством образов, сколько качеством целостности видения их пространств.

Они происходили в течение нескольких лет и поэтому я не могу достоверно вычленил первый из них и установить временную последовательность, что в общем-то совершенно не важно.

«В эту ночь я спал во дворе деревенского дома, на раскладушке, поставленной под виноградным кустом. Кажется, был конец июля. Я проснулся во сне на той же раскладушке, под теми же зелеными листьями.

Я чувствовал себя очень спокойным, радостным и наполненным жизненной силой. Она настолько переполняла меня, что в какой-то момент я понял, что поднимаюсь вверх, сквозь листву и выше.

Не исчезающее чувство чудесности происходящего и пони-мания, где я и что со мной, не рождало никаких мыслей по этому поводу.

Остановившись, я стал оглядывать себя, дом и даже холмы. По животу и ногам струился свет, похожий на лунный. Где-то из области пупка исходило, иссиня-серебрянная нить, скорее даже спица, палка, так как это была очень прочная субстанция.

Она уходила вниз сквозь листву и, видимо, связывала меня с лежащим там физическим телом, но как — я не видел.

Мне захотелось увидеть свое спящее тело и стать на землю.

Для этого я произвел какую-то неконтролируемую манипуляцию серебрянной нитью-спицей.

В следующий момент—во время самого движения никаких сменяющихся образов не было — я стоял на асфальтированной площадке перед домом. До места моего ночлега было несколько метров, но я почему-то пошел в противоположную сторону, в обход дома. Там меня тоже все интересовало, но не так интенсивно. Через несколько шагов я понял: «Я же хотел посмотреть на себя. Надо вернуться».

Пройдя обратный путь, я подошел к постели. Она была пуста».

«...осознал себя уже вылетевшим из дома, в котором спал. Используя необычайную легкость, которую чувствовал во всем, я поднимался выше и выше, что соответствовало моему дневному намерению именно таким способом выйти за пределы себя. Здесь это понималось как выйти в космос, за пределы атмосферы. Движение шло с возрастающим напряжением.

Когда я вырвался в пустоту, передо мной оказалась пшенично-золотая плоскость. На мгновение я почти слился с ней, но уже в следующий момент рикошетом отлетел, будто был отвергнут какой-то силой и стал возвращаться к земле.

Это означало, что я не готов к дальнейшему и возвращаюсь на «доработку». Возвращение происходило гораздо быстрее, чем движение вверх. Объем сновидения уменьшился, исчезло чувство бесконечности.

В правом нижнем углу обозначилось облако образа. Этот информационный сгусток понимался как нерешенная проблема. В нем виделись картины школы, в которой я учился и другие личные подробности. Я «впал» в это облако и начался «разворачивающийся» его сон».

«... вылетев из дома, я подумал, что интересно было-бы найти кого-то еще, реально присутствующего в пространствах сновидения. Трудно полно передать это чувство — того, что ты реально есть. Поиск другого был одновременно и следствием потребности поделиться легкостью и радостью присутствия здесь, и притяжением реального к реальному, и отголоском какой-то глубокой тоски по самому себе.

Пролетев некоторое расстояние над местностью, которая была идентична дневной, я почувствовал утомление и приземлился. Снижаясь, я задел ногами за невысокую ограду и упал навзничь. Удар дал мне возможность почувствовать свое тело — было похоже, что оно обтянуто тонкой, но прочной тканью. Ко мне пришло понимание того, что оно может быть разрушено, и это накладывает на мой выбор определенные ограничения...»

Уходя в сон или через сон, у каждого странника есть шанс оглянуться и увидеть, что он оставляет. Напряжения рационального сознания пронизывают нас от физического тела до неопределимых высот. Большинство этих напряжений имеет «проекцию» на физическое тело. Любая фигура движения рационального сознания — от мысли до личности — есть напряжение «перевода» Происходящего на созданный личностный язык. И одномоментные, и постоянные напряжения форм — это незаменимый до какого-то момента способ исследования мира и реакции на его загадки.

Все, создаваемое нашим сознанием, имеет ценность только

тогда, когда оно принимает свою вторичность относительно тайны мира и указывает на первичное.

Путь через сновидения — это естественная дематериализация создаваемых нами «домов», ограниченных убеждений, надежд, привязанностей — напряжений, которые никому не мешают, пока не претендуют на изначальное и окончательное существование созданной формы и полностью фиксируют сознание на себе.

Намеренные сновидения — это индуцирование собственной воли для того, кто остается, когда мы засыпаем, когда нас нет. С другой точки зрения, намеренное сновидение — это обращение внутреннего слуха к воле того, кто остается после нас, и ее явление. Так или иначе, пока не происходит перемещения внимания с «периферии» нашего существа, на которой мы функционируем, к глубинам, из которых приходит к нам сила жизни, всякая активность, направленная к миру, — сновидения будут либо засыпать вместе с нами, либо мешать нам достаточно полно уснуть.

Как происходит этот скачок, смещение внимания, остается для сновидца загадкой, даже когда это случается.

Можно поставить в прямую зависимость внутреннюю искренность и реальность сновиденческих бдений. Сила лжи в том, что она всегда мельче правды. Пусть ей не хватает глубины и свежести, но меньший объем видимого кажется чему-то в нас менее опасным.

Объем, глубина сновидений уменьшается всеми видами лжи - привычкой к ограниченности, снами желаний, уютным согласием на вовлеченность в частные течения Силы без памяти об истинных взаимоотношениях любого способа бытия и целого.

Не было бы никаких шансов выхода за границы уже освоенного, если бы не смутное (и не очень смутное) чувство существования чего-то большего.

У каждого сновидца в процессе практики нарабатывается свой способ преодоления-развоплощения преград, закрывающих пространства. Есть некоторые общие моменты этих способов:

а) одно изменение своей идеи относительно диапазона сновиденческих путешествий уже есть выход из потоков снов и умение бодрствовать в их присутствии, не вовлекаясь в них и не теряя полноты своего бытия;

б) борясь с собственной тенью, помните, что в конце концов цель не в том, чтобы не было тени, а чтобы был свет. Стены проламывают, обходят, подкапывают, сносят для того, чтобы увидеть то, что за ними. При другом отношении к стенам возникает соблазн возвращаться к ним снова и снова;

в) чтобы переместиться куда-либо, нет необходимости в титанических усилиях, достаточно не держаться за то место, в котором ты находишься, за то, кто ты уже есть.

Намерение сновидения может быть направлено как на вполне определенную область жизни, интересующую /действительно интересующую!/ человека, так и на те неопределимые состояния сознания, присутствие которых только смутно угадывается.

Здесь целесообразным и верным будет определять запасы собственной энергии и задавать себе посильные задачи.

Обычно между нашей активностью и реализацией сновидений есть некоторая пауза, поэтому успех сновидца во многом зависит от его постоянства и мудрого упорства в преодолении инерционности сущностных изменений, происходящих в нем.

Намеренные сновидения — это игры, благодаря которым мы учимся быть по ту сторону дня и ночи. Если для бодрствования достаточно только того, что ты есть, и дышать неизвестностью безграничного мира — естественно, то другие, частные, стремления к чему-либо уже невозможно отделить от одного главного намерения — намерения быть живым.

5. ПРИПОМИНАНИЕ СНОВ

Почти всегда, сразу по пробуждении, между вниманием и воздухом сновидения образуется дистанция. Редкие сновидения настолько полны Силой, что их сюжеты

удерживают наше внимание не только между сном и явью, но еще долгое время, иногда годы спустя.

Обычно для припоминания сновиденческих путешествий требуется некоторое специальное усилие. Многие «дальние» и, в силу этого, едва различимые дороги, могут быть восстановлены для основной «массы» сознания только при условии его терпеливых и точных действий.

Когда вы осознаете себя после сна, с первого же возможного момента старайтесь не смотреть только назад, в сновидение. В конце концов это только прошлое, которого уже нет. Помните и о втором крыле жизни — о настоящем дне. Ибо предположительно вы все-таки сновидите для того, чтобы жить, а не живете для того, чтобы сновидеть.

Если сразу врываются заботы и образы дня, вам необходимо обратное — движение назад, в прошлое ночи.

И в том, и в другом случае главное — это не информация, которую сознание восстанавливает. Главное — остановка в целостности настоящего. Целостность имеет свойства возвращать удаляющиеся пространства сновидения. Стремление их вернуть, пересмотреть — необходимо. Но это стремление не должно вас лишать устойчивой неподвижности в настоящем. Открытое и бдительное внимание работает как магнит и материя снов начинает двигаться в обратном порядке под силой его притяжения. Чем чище мотивы действия этой силы, чем отрешеннее пробуждающее, тем меньше искажений вносит процесс воспоминания.

Возможно вы осознаете себя уже во сне. Тогда у вас нет необходимости делать основной упор на пересмотре сновидений при переходе к бодрствованию. Такой наблюдатель краешком глаза замечает, что он никогда их и не забывал. Для него более интересной задачей, вызовом становится слежение за сменой «декораций», за тем как эти сменяющие друг друга беспредельности влияют на свет его сознания.

Терпение — необходимость для сновидца. Когда волны сновидений или отсветы этих волн проходят сквозь вас в обратной последовательности, проявляется следующая трудность: точность усилия удерживать просыпающийся ум от интерпретаций, оценок, немедленного анализа, восхищения, уныния, подсчетов открывающихся возможностей, опьянения от удовольствия - то есть усилия к покою, отрешенности, трезвости и целостному равновесию. Оно не должно противоречить усилию к тотальной заинтересованности Происходящим.

Как правило, мы вспоминаем не то, что мы видели, а то, что мы увидели бы если бы действие происходило «здесь» — в плотном материальном плане. Эту адаптационную работу сознания с воздухом сновидения уже нельзя представить работой «цензуры» и «вытеснением».

Поэтому целостность и невовлеченность наблюдателя во время припоминания также уместны, как и в самом сновидении.

Есть направления, по которым мы разворачиваем свои сновидения, есть направления, по которым они уходят от нас. Выслеживая последние, мы ищем возможности сфокусировать свое внимание, и, тем самым, увеличить «силу притяжения».

6. ДВИЖЕНИЕ В СНОВИДЕНИИ

*Господи, дай мне смирение для того, чтобы принять то,
чего я не могу изменить; силы, чтобы изменить то, что я могу
изменить; и мудрость, чтобы отличить одно от другого.*

К.Воннегут

Вопрос о том, как двигаться в сновидении, возникает, когда для сновидца ощутима разница между сном и сновидением.

Пока мы спим, во сне движутся только образы и иллюзии, и хаотично перемещается взгляд от одного очага напряжения к другому. Спящий как бы лежит в собственном

физическом теле, окутанный туманностями своих фантазий, намеренно зафиксированной или направляемой психической силой других людей и не людей.

Реальное сознательное движение возможно только для рожденного тела сновидения или пробужденной сущности. Это движение может создаваться:

а) ветром Силы, который забрасывает сновидца в самые неожиданные пространства, миры. Все, что в данном случае требуется от «клиента» — это не цепляться за среду обитания, к которой он привык, держаться за ощущение собственной целостности, полноты и быть самим собой; не вовлекаться — чем меньше внимание «цепляет» проходящее, тем дальше и точнее мы двигаемся по неисповедимым путям этого ветра.

Когда он несет нас, мы похожи на огонь. Во всяком случае, так себя чувствуешь, и это одна из самых всепроникающих, тотальных радостей.

б) накоплением силы намерения, создаваемого нами не в сновидении. Задаваясь какими-либо целями, достижение которых в сновидении мы считаем посильной для себя задачей, мы создаем заряд воли, который рано или поздно пробудит нас в искомым пространствах. Точность достижения при этом зависит от истинности и целостности наших притязаний, а также от их соответствия «сверхзадачам» духа, то есть от их естественности.

в) воля к действию, осознанная в сновидении. Ее непредсказуемости мы можем учиться только уже в путешествии. Просто, но до конца трудно осознается то, что «там» не только открывающиеся пейзажи — другие, но и сам смотрящий — другой. Отличить эту волю от «взбрыков» неинтегрированных в целое личности каких-либо аспектов психики — задача интуиции, «нюха» на реальность.

Инстинктивное чувство опасности — не самая бесполезная вещь для сновидящего. Чем больше риск -- тем быстрее мы учимся. Тени наших страхов бродят вокруг нас и выбор путешествующего — «бежать как можно быстрее» (если то, что приходит действительно опасно), или «стоять насмерть» (когда это разрушительно только для Эго). Этот выбор становится в сновидении вопросом жизни и смерти, как нигде стремительно.

ГЛАВА ВТОРАЯ ВОЛЯ ДРУГИХ

Женщине снится, что ее преследует по пустым улицам ночного города огромный голый негр. Она бросается в один переулок, в другой, третий — и в отчаянии застывает: тупик. Будучи в такой безвыходной ситуации, она разворачивается и яростно кричит:

«Ну, что вам от меня нужно?».

На что негр, недоуменно пожимая плечами, отвечает: «Я не знаю, мэм, — это же ваш сон».

У каждого из нас свой способ позволять себе прыжок в неизвестность. Этот способ есть персональный миф.

Его присутствие — это вкус создаваемых нами историй. Поводом ощутить вкус историй, извлекаемых из небытия другими сновидцами, может стать сильная эмоция (например, любовь) или непривязанность к энергетике собственных историй.

Магические реальности, создаваемые разными людьми или группами людей, «сосуществуют», пересекаются как в нашей повседневности, так и в наших снах. Увидеть, как это происходит и насколько это обуславливает наше поведение «там» и «тут» можно в «дальних» сновиденческих путешествиях. Дальние они только относительно тех общеличных «шумов», которые производят люди и днем, и ночью.

Любое присутствие, будь то человек, животное или тонкоматериальная сущность, изменяет направление сновидения, скорость его протекания и скорость, с которой мы это сновидение забываем.

Чем более глубокими знаниями обладает «другой», тем больше шансов у нашего сновидения на присутствие Силы и высвечивание того, к чему мы стремимся (или могли бы стремиться, если бы могли хотя бы предположить, что нечто подобное существует).

И, наоборот: пелена иллюзий «другого» становится нашей частью (обычно ненадолго), если мы достаточно полно прожили темы этих иллюзий.

Вопрос «в чьем присутствии спать?» не менее тотален, чем вопрос «с кем общаться?».

Конфликт между вашим миром и внутренним содержанием видения другого обостряет восприятие только на начальных этапах сновидений и в дальнейшем становится «помехой или чем-то излишним».

Сновиденческая задача, непосильная для одного, может быть решена несколькими объединившимися сущностями. Конечно, если «общая» задача является естественно общей для них, то есть поставлена духом.

Основная трудность такой работы — сохранить чистоту и остроту восприятия, поскольку число имеющихся проблем умножается на число присутствующих. Также труднее «отпустить» от той ветви древа жизни, на которой мы «сидим», поскольку тотальное доверие к другому действительно не заменимо искусственными суррогатами, а само по себе встречается не так уж часто.

Зато общие, резонирующие друг с другом в намерении роста, приобретают особую силу.

2

Внешние влияния, создающие сны и сновидения — будь-то полная луна или изменение эпохи, приближение природного катаклизма или намерения ваших родственников относительно вас, — интересны как шанс почувствовать себя частью мироздания, услышать «гул волны» целого над той частью берега, которую вы видите.

Для того, чтобы услышать что-то извне, нужно выйти из «своего», отрешиться от собственных шумов. Чувство открывающегося пространства, с которого начинается выход из снов, сотканных нашими чувствами, мыслями, желаниями, в реальность сновиденческих событий, — чему то в нас необходимо как глоток свежего воздуха. Мирок, в котором мы занимаем основную часть, мирок, замкнутый в скорлупу, дает «течь», когда сновидец ускользает в открывшемся направлении, в неизвестное Силы и пустоты, и полноты.

3

Воспринимая что-либо, мы придаем явлению вкус собственного присутствия, накладываем отпечаток своего типа гармонии. Встречаясь с энергетическим потоком, которому кто-то уже придал «форму», мы встречаемся с чужими снами.

Можно смотреть сны других людей так же, как слышать чьи-то мысли. Такие сны легко смешиваются с открытиями собственных иновременных потоков (например, впечатлениями прошлых существований).

В повседневной жизни мы легко поддаемся влияниям других людей, пока в нас не созрело свое, достаточно отчетливое и целостное понимание происходящего. Также и в «ночном» дыхании наших тел смешение с другими существами возможны. Они происходят, только пока мы недостаточно знаем вкус самих себя.

Пока мы опосредуем реальность снами, такие смешения почти неконтролируемы. Когда рассматривается опыт уже сновидений, можно говорить о больших шансах истинных восприятий по сравнению с бодрствующими состояниями сознания (во всяком случае, это наверняка так — для определенного типа людей). Более широким правилом является то, что пробуждения «там» и пробуждения «здесь» — взаимосвязаны.

4

С осознанием присутствия следов других существ в тех областях, которые принято называть «внутренним миром», появляется проблема разделения на «мое» и «не мое». Возможно наиболее целесообразен здесь следующий подход: чтобы к вам ни приходило

(будь то игра существования как встреча с другими или как открытие самого себя) в любом случае оттенок загадки

будет действителен. Если вы поймете увиденное абсолютно точно, вы «растворите» образы сна.

И все же, в самой глубине предмета исследования (или уже за ним) всегда будет оставаться воздух неизвестности.

Усилия по разделению на «мое» и «не мое», как и любые трактовки вообще, всего лишь адаптационная работа, сопутствующая видению тайны творения. Для сновидения это особенно справедливо, так как сновидение не есть опыт ума — это опыт зрения-ощущения, зрения-знания. И чего-то еще.

5

«Я просыпаюсь во сне от чувства, что в темноте комнаты, где я сплю, есть кто-то еще. Это тот же дом, его формы совпадают с физическим домом, в котором я уснул, здесь тоже ночь. Присутствие существа или силы, пробудившее меня, не пугает но слегка тревожит, как и весь этот мир, безграничный и неизвестный.

Из смежной комнаты выходит моя бабушка. Наяву она дав но умерла. По-прежнему темно, но тело и одежды вошедшие\ светятся ровным золотым свечением, и я прекрасно ее вижу\, Краем глаза замечаю, что мое тело тоже обьято подобным свечением.

Я понимаю, что сам мир, в котором мы с ней бодрствуем таков, и если ты здесь, то у тебя такое тело. Или если ты знаешь, можешь знать свое тело таким, то ты проснешься здесь. При жизни моя бабушка была христианкой. Здесь это видно — ее тускло-золотые одежды, ее свет — они из того же источника, что и мистический заобразный свет христианства. Она подходит ко мне. Я ей доверяю и чувствую ее мудрость. Она покрывает мне голову какой-то тканью типа парчи. Я понимаю, что происходит некое таинство, может быть она благословляет меня.

Позже она объясняет и показывает: люди идут разными путями и эти пути не сводятся к одному, они действительно различны и до конца. Следование каждой религии — это придание своему светящемуся телу определенной формы и проявление специфичного, присущего этому пути света. Я вижу это как разные направления светящихся борозд-волокон тела человека на уровне живота...»

«Мы чувствовали приближение опасности и готовились к ней — складывали в дом оружие и продукты, потом все заперлись в этом доме. Каким-то образом, в последний момент я остался вне дома. Сначала по улицам, с той стороны, откуда мы ожидали приближающуюся силу, пошли танки и другая военная техника. От них я легко прятался за домами. Потом я увидел, что с той же стороны идет сплошная цепь солдат. Сразу стало понятно, что от них никуда не уйти. Я сел на корточки и стал ждать их приближения и того, что это повлечет за собой.

Страха не было — от солдат исходило ощущение, что они — не совсем люди. Это никак не проявлялось в их форме. Какая-то специфическая холодность и безразличие их взглядов наталкивала на мысль о их внеземном происхождении. Они были начисто лишены золотого свечения, присущего живым существам.

Всех людей, попадавшихся им, они арестовывали — не агрессивно, как бы выполняя работу, и перепроваживали в бараки и подвалы на территории своей базы.

В этих помещениях (озирая их изнутри, я назвал бы их целыми «уровнями мира», т.е. слоями психики и жизни, способом мироощущения, в котором можно пребывать неограниченное количество времени), располагались обширные производства. Здесь трудилось множество и множество людей. Все они довольно хорошо содержались, регулярно питались, нормированно работали, нормированно отдыхали. Пребывание здесь давало им уверенность в завтрашнем дне, но не оставляло им выбора. Они были рабочей скотиной, жизнь которой строго регламентировалась. Здесь не было воздуха свободы. Большинство людей это, видимо, устраивало. Они довольно сносно принимали отсутствие движения и познания взамен на уверенность в завтрашнем дне.

Пока меня вводили в курс дела, где я буду питаться, где спать, что делать — я заметил, что привели мужчину, который чего-то настолько испугался, что даже не мог самостоятельно идти. Где-то в более закрытых от людей помещениях у них была игра, и в ней был шанс обрести свободу. Мужчина, которого привели, видимо, едва не спятил от страха, и его, с тем же безразличием, вернули на работу, как не прошедшего игру.

Я вызвался пойти поиграть, посмотреть, что же там делается, и меня взяли. Часть комнаты, в которую меня привели, занимала беговая дорожка, упирающаяся в экран, на котором изображение дорожки продолжалось. По условиям игры, я должен был вбежать в экран и далее реагировать уже на непосредственные изменения местности. Предварительно было известно только, что нужно подняться на какую-то гору и, оббежав статую, спуститься по другому склону.

Замысел игры можно выразить как проверку на отрешенность от чувства собственной важности (статуя) и скорость изменения состояния сознания, — непредсказуемость развития сюжета сопровождалась смертельной опасностью выйти за пределы программы и оказаться в абсолютной пустоте. Хотя, как показали дальнейшие события, там — не так уж пусто.

После недолгого путешествия я все-таки вышел за пределы программы, и наблюдающие за моими движениями решили, что игра окончена. По их мнению, человеческое сознание должно в подобных условиях погибать. Вокруг все исчезает, и я остаюсь во тьме. Далеко внизу я вижу луч света, благодаря хоть какой-то плотности его потока относительно окружающей пустоты я «приземляюсь», возвращаясь к экрану и выхожу из него. В моем сознании нашелся режим работы, отношение к миру, гармоничное для этого пространства. Поэтому я остался цел.

В комнате программистов никого не было. В глубине коридора один из них готовил два шприца, — на тот случай если я все-таки вернусь. Уколы, видимо, предназначались для стирания памяти о происшедшем. Я выскочил в окно слева и побежал к воротам. Опоздавший смотритель прокричал мне вслед, что у меня нет никаких шансов.

В зоне никого не было, только у самых ворот из вагончика вышли часовые. Мне удалось миновать их и выбежать за ворота. Я ожидал погони, и, действительно, вскоре по дороге пошла военная техника. Когда первые машины прошли мимо, я понял, что это не относится непосредственно ко мне.

Я отошел на обочину и стал наблюдать. Это была какая-то необычная «флуктуация» зоны. Необычной она была потому, что вскоре за военной техникой пошла множество машин, в которых сидели очень хорошо одетые — смокинги, вечерние платья — «они», мужчины и женщины.

Ошеломляла грандиозность происходящего — будто муравьи, услышав нечто вне муравейника, устремились на зов. По всем дорогам множество машин (я как-то видел разом все эти битком забитые машинами дороги) везли их к некоему месту сбора, — кажется, это было кладбище.

Чувствовалась отдельность того, что происходит с ними. Это была совершенно их игра, мистерия, в которой люди были только свидетелями. Со стороны кладбища пошла волна силы, вспышка невидимого света, беззвучное эхо взрыва.

Когда я поднялся на ноги, на обочине стояли еще несколько человек, и мир неуловимо изменился. «Их» нигде не было.

Они исчезли в результате взрыва — полностью аннигилировались.

— Где они? — спросил я у стоявших рядом. — Их больше нет на земле, — ответили мне».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ВОЛЯ НЕИЗВЕСТНОЮ

«Переходя из одного мира в другой, ты становишься дорогой,

которая идет через этот мир, и дальше другого, которая неизвестно где начинается и неизвестно где заканчивается. И это движение и покой — это полнота».

«Брат света»

Когда приходит реальность, все, что мы делали до этого, все, что мы будем делать, — не имеет значения. Мы ничего не можем сделать, чтобы приблизить ее. Относительно света той Реальности, о которой я говорю, мы только наблюдатели и материал для ее работы.

Это не повод не делать того, что мы делаем. Это достаточное основание, чтобы не держаться за наши творения — будь-то мысли, поступки, чувства или знания.

Есть три способа отношения с Силой. Это — борьба, бегство и приятие ее как естественного в мире и в себе.

Борьба с Силой создает лже действие, истерику непрекращающегося движения, суету.

Бегство приводит к бессмысленности и прозябанию, смерти при жизни, никчемности замкнутого страхом существования.

Приятие означает открытость дыханию Силы и оценка себя как ее материальной части.

Для одних давление Силы имеет характер постоянного ровного ветра, для других оно становится школой быстрых изменений направлений исследования. Нет несомненных, общепринятых правил реагирования на Силу, только некоторые закономерности.

Выбор — это продолжение каждого существа, и только глубоко в себе каждый знает, куда он действительно продолжается.

«... вокруг холма бегают красивые лошади. Она хочет взбежать на холм, но ей мешает невысокий забор вокруг него. Она бежит вдоль забора, пока не перепрыгивает его.

После этого все исчезает и остается только ощущение гудящего тела, открывавшегося потоку...»

«...я слезил руки лодочкой, и в них плещется какая-то густая жидкость, просачиваясь между пальцев. Рассматриваю эту жидкость и не могу понять, что это такое. И ужасно жалко видеть, как она стекает по рукам, капает на пол и сразу исчезает. Тогда когда ее осталось совсем мало, понял — в моих руках плещется время, когда упадет последняя капля — я умру.

Я закричал, рванулся и тогда сообразил — это сон. Посмотрел на ладони — они были мокрые. Провел ими по лицу и по-чувствовал, что щеки тоже мокрые. Наверное впервые в жизни я плакал во сне».

ИСТОЧНИКИ И ПРОЕКЦИИ

1

Источник сновидений — это Сила. Обычные сны создаются опосредованными источниками энергии, аккумуляторами энергии — желаниями, страхами, комплексами. Все подобные творения Силы, как правило, считают личными или личностью.

Когда волна накатывается на берег, мы слышим гул, видим белую линию гребня, на берегу остается мусор, убывающие водные зароды, — менее всего мы видим саму воду.

Как бы человек ни удерживал внимание на личных источниках снов, кружении песчинок, иногда оно открывается, теряет навязываемую перспективу и видит нечто большее — волну времени, молчания, одиночества, воздух и свет над океаном жизни. Каждый иногда встречается с целым и хоть немного помнит это, — иначе он бы не смог жить.

У вас могут быть тысячи иллюзорных снов, — это не значит, что вы, хотя бы иногда, не уходите в более далекие перспективы сновидений. Их ценность не в том, что это вещи

видения, не в изменениях направления жизни, даже не в силе жить, которая остается после таких пробуждений, — это встреча с Иным.

«...мы поднимаемся из глубины вод-воздухов (это неопределимая среда, которая есть время, меняет плотность, цвета, становится все прозрачнее и легче по мере подъема). Мы — это я, видящий этот мир таким, и незнакомая женщина. Она поднимается в удалении от меня, но синхронно моему движению. Можно сказать, что она как моя половина, но отношения между нами не так однозначны, потому, что это отношения не «отсюда». Они из более дальних перспектив, поэтому «здесь» они могут видеться по-разному и все это будет верно — в частности. В этой женщине есть что-то очень родное, близкое и совершенно непостижимое для меня.

Мы одновременно оказываемся над водой-воздухом и видим солнце. В этой пустоте над — его лучи резки. Спокойная, отрешенная суровость — вот, чем мы дышим здесь.

Когда солнце заходит, поднимается буря. В разрывах между огромными волнами иногда даже обнажается «земля», и тогда безжалостный свет этих высот становится виден и «там».

Чтобы укрыться от бури, мы ныряем во время и уже где-то там теряем друг друга. Я оказываюсь в какой-то группе людей, видимо это пригород большого города, мы идем по улице. Незаметно оглядывая их, я «учусь» их манере поведения, стилю одежды, разговору — приходится быть очень внимательным,

чтобы соответствовать среде, за которую ты держишься. К тому же если это не столько среда общения, сколько весь этот воздух начинающегося города, запах заводов и подворотен, крики из баров — вкус времени.

Впоследствии, уже в повседневной жизни, я иногда ловил себя на том, что очень тщательно играю свою стопроцентную принадлежность тому, чем я занимаюсь, местам, в которых живу, воздуху, которым дышу — воздуху времени».

2

Что может дать сновидцу осознание цикличности его внимания к сновидению или Силе?

Ответ: точность намерений, основанную на верной оценке сил, которыми он располагает (изменяющихся в каждый момент настоящего), и их природы. Ощущение единства накопленных индивидуальных энергий и их мировых источников, то есть знание дорог, по которым приходят различные силы в него - из него — через него.

Когда мы засыпаем, образы прошедшего дня или нечто вроде них приходят волнами. И сны, и сновидения озаряются вниманием «волна за волной». Внимание, как маяк, периодически гаснет и, припоминая сны, пробуждаясь, мы неподвижно ждем, когда через мгновение снова исчезнут во мраке Ничто, растворятся в свете наступающего дня и продолжающегося пути.

Уметь ждать, не забывая, зачем ты этого ждешь, можно только будучи в «центре» самого себя, будучи живым в глубине.

Цикличность сновидений и связанная с этим ограниченность исчезает, перестает работать по мере роста Силы и мастерства сновидца.

Вслушиваясь в течения своих глубин, осознавая их, мы можем идти с ними, совпадая в устремлениях всех «этажей» своего существа. Идти при таком совпадении мы можем гораздо «дальше», чем тогда, когда мы ничего не знаем о своих сущностных направлениях жизни и, скорее всего, мешаем их становлению множеством лишних вещей.

Научиться слышать настоящее в самом себе не так-то просто, хотя это также естественно, как дышать. В ситуациях смертельной опасности мы на какие-то мгновения различаем, как мало остается действительно нужным при приближении конца.

Настоящее, дух стучится к нам через сны. Сила вбирает нас в сновидениях, наполняет, приводит либо к более глубокому видению наших проблем, либо к тем силам и

пространствам, которые нам нужны, — которым нужны мы. Воля и любовь идти за духом куда угодно, — возможно, это и есть свобода.

3

В основе нашего типа жизни, с точки зрения сновидца — золотое свечение намерения этой жизни.

На взгляд автора, «наш» тип это то, что называют «твари господни». Сновиденческие встречи с другими «типами» всей своей остротой и смертельной опасностью высвечивают простые истины, к которым мы приходим и другими дорогами.

Золото жизни — это не метафора. Чтобы не вопить на исходе дней своих о глупости прожитого и о бесполезно потрачен-

ном времени, честнее было бы с любого места наших путей вглядываться в то, что мы тратим.

Золотое время жизни слишком высоко и достаточно, как пища для наблюдателя, чтобы тратить его на нечто лишнее. Необходимость, диктуемая глубинами духа, рвущегося к тому, что мы называем свобода, дает нам в каждый момент времени настройку на настоящее. Не питая ничего или как можно меньше лишнего своей жизнью, мы «собираем» сновиденческое внимание, очищаем его. Изменяя наш образ жизни, мы изменяем наш дух.

Сновидца на каждом новом, более высоком, с большими возможностями этапе преследует соблазн многих необязательных действий. В силу этого ему необходима настройка на давление ведущей его Силы. Намерения, созидającego из него нечто. Ему необходимо безмолвие пред сквозной мелодией его жизни.

4

Главное, что может сделать сновидение жизненно необходимым, — это поиск свободы. Поскольку ее присутствие чувствуется в любом мало-мальски пробужденном сновидении, а по мере дальнейшего пробуждения сила и трезвость ее присутствия возрастают, не оставляя никаких сомнений, то можно сказать, что нет каких-либо конечных и оформленных целей для сновидца. Любая из них «хороша» на какое-то время, как способ соблазнить нашу собственную силу присутствовать в присутствии духа.

Не нужно «вестись» своими концепциями сновидений. Наши представления — какими-бы они ни были — сотворены и составляют часть плотности «этого», «дневного» внимания, от которой, вдоль которой мы и совершаем свои реальные «внутренние» путешествия.

Такие путешествия это не только переход внимания от одного объекта к другому. Это путешествие в отпущенности постоянного изменения, ибо то, что изменяется, есть лишь «почва», дороги, поверхность «внутреннего» ландшафта.

5

Вера сновидца — это страсть к бесконечности, к воздуху путешествий, к точности и простоте слежения охотника за огнем внимания, за духом и «внутри» себя, и «вовне».

Сно видение подразумевает отход от тех позиций, которые занимает зрение большинства представителей человечества в состоянии как бы бодрствования. Для этого используется сон как естественная возможность осознания собственной сущности, духа, выхода из физического тела и ограничений законов плотноматериального слоя мира.

То, каким обычно видим мир, только один из вариантов, часть «спектра» реальности, выделенная нашими чувствами. Для того, чтобы осознать множество других — равноправных, реальных — позиций внимания, нам нужно преодолеть частность,

частичность имеющихся в нашем распоряжении органов чувств, а также пробудить и «натрудить» новые. Опыт, который дают сновидения, в каком-то смысле — бегство от мира. Бегство не ради чего-либо другого, нового, чертовски интересных распахивающихся миров, — а ради тотальности света бытия.

Ал.Панов

Школа сновидений

КНИГА ВТОРАЯ

«Я сижу на стуле в освещенном центре огромной сцены, и в темноте вокруг не видно ни кулис, ни зала, и кажется — их нет. Откуда-то сверху ко мне спускается микрофон, и я понимаю, что буду говорить в этот микрофон о снах. Я помню, что когда-то я говорил в этот микрофон стоя и говорил о другом. Но сейчас я предпочитаю рассказать о снах и что-то во мне считает это наиболее необходимым в данный момент. Я начинаю говорить и думаю, что для зрителей, которых я не вижу, это кажется немного нудным и слишком сложным, но продолжаю тщательно описывать подробности качеств сновидений. Потому что считаю необходимой в говорении о сновидениях скурпулезность и внимательность ко всему, ко всем деталям, из которых обозначается и проявляется смысл того другого способа быть живым, который и есть сновидение. С какого-то момента у меня на коленях появляется открытая книга, и я уже читаю её вслух.»

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ КНИГЕ

К сожалению, язык второй книги сложен не так, как того хотелось бы автору. Вместе с тем, автор надеется, что эта особенность текста не осложнит жизнь читателям.

Во-первых, эта усложненность — не более чем уловка, посредством которой можно указывать на вещи невыразимые и не всегда безопасные в прямом соприкосновении, — в том, например, смысле, что намного практичней читать о повадках и свойствах электрического тока, нежели испытывать некоторые из них своим телом. Здесь автор, как и все люди, использует защитные свойства речи как поводыря в бесконечности возвращения в Неизвестное, вновь возникшей с появлением языка.

Во-вторых, сам характер второй книги определился опытом изучения не только сновидения, но и исследования осознания, а в этой учебе невозможно без должного внимания отнестись к тому факту, что многие особенности и свойства нашего восприятия, мышления, сознания, а также условия общественной жизни неразрывно переплетены, а зачастую и созданы с прямым участием языка и речи.

Об этих вешах невозможно писать просто, потому что они большей частью относятся не к бытию и к вешам такими как они есть, а к тем запутанным до невменяемости описаниям мира, которые человечество создало, путаясь в языке, речи и в своем восприятии, и которые являются тем, что — иногда защищая — отделяют нас от присутствия и натиска Неизвестного во сне и наяву, совершая наш выбор за нас задолго до нашего рождения. И это не самый лучший, а главное — далеко не единственный выбор, потому что то, в чем не

участвует наше осознание, не есть выбор и не есть наше решение, а есть лишь бессмысленно красивый танец пушинок на ветру.

В миги, когда нас настигает ослепительное величие подлинной жизни живого, подобное начало рассвета на горных вершинах, становится видно, что дух наступающего времени так отпускает наклонение речи и выпрямляет осанку хребта, что воздух вольной воли и золотое сияние мудрой любви уже не просто ощутимы, а — присутствуют и зовут с непреложной силой, и тело становится жадным ко всему, что в подробностях может помочь выскользнуть из обыденного и вернуться в путешествие жизни в бесконечность и неизвестность.

ЧАСТЬ I

СЕТИ РЕЧИ И ТЕЧЕНИЯ СНОВ

Тайна, называемая сновидением, каждую ночь, как волны бескрайнего океана, уносит искры нашего осознания и в чудесное путешествие в безграничное и неведомое.

Тем, кто не помнит, нет возможности объяснить, что это происходит всегда, каждую ночь со всеми или почти со всеми: каждую ночь открываются эти врата и что-то за ними зовет и ждет нас.

Те, кто помнит об этом, не могут объяснить, как в их дневную жизнь просачивается волшебство и чем отличается это от тяготы повседневности; но они ни за что уже не откажутся по доброй воле от путей сообщения с неизвестным и от возможности помнить.

Неизвестное прежде всего значит — вне расписания. Слабая, но неугасающая до конца надежда, что все будет не так, как должно быть и как рутинно бывает. Вне повседневности, вне дурной предсказуемости и исчерпывающей монотонности. Проще говоря, в неизвестности есть надежда, что все будет по-другому. И похоже, дела обстоят таким образом, что не мы проецируем в неизвестное свою потребность в чуде, а Неизвестное порождает в нас такое эхо. И распространенность этого чувства вызвана непосредственной близостью Неизвестного, в котором мы находимся, пребываем и даже просто-таки купаемся на самом деле.

Сновидения — естественный оплот свободы потому, что его основное свойство и одновременно условие проявления — это разлучение и разлука восприятия с предрассудками и ограничениями повседневности и её языка, это — свободное плавание в множественности миров, смыслов и действий. В этом смысле один из основных якорей человечества — речь и её сетевая структура, слишком мелкая для рыб нашего восприятия. Перефразируя поэта:

Слово — невод,
рыбы — мы,
боги — призраки у тьмы.

Сновидение — одно из доступных нам и доступное для Неизвестного действие, высвобождающее наше восприятие из ячейки собственно восприятия и расширяющее, возвышающее и сливающее его до воли и действий свободы, дающей ему иную, большую чем биологическую и общественную, направленность и цельность.

Суть коммунизма на самом деле стара как мир, — она кроется в обобществлении нашего сознания посредством соглашения, которое мы принимаем под давлением речи воспитывающего нас общества.

Трудно предположить, каким был род обобществления человечества до возникновения языка и каким образом в том невообразимом прошлом осуществляли себя биологические законы продолжения и сохранения человеческого вида на нашей планете.

Можно предположить, однако, что краеугольный камень общественных соглашений новых времен — идея наказания (и её производное — идея греха) не является бытийной, она является социальной, и что её единственное назначение — энергетически удерживать восприятие человечества в известном социальном. Это соглашение по поводу наказания является важнейшей проявленной частью идеи бога как энергетического ограничителя восприятия и действий человека.

В целом идея бога как фиксатор и ограничитель восприятия есть, возможно, производное биологического состава, связанного с возникновением человека как биологического вида.

Энергии страха, поддерживающие эту фиксацию на наказании, ограничивая сферу действия, автоматически ограничивают и наше восприятие. Идея наказания имеет своим местом прикрепления чувство личной значимости человека: Бог лично пристрастен ко мне, Ему есть личное дело до меня. С другой стороны можно сказать, что идея бога есть доведенное до абсурдного логического предела чувство значимости самого человека и человечества, т.е. идея бога — это венец человеческого эгоцентризма, и только потом антропоцентризма.

Безразличие и безразличность Мироздания, с другой стороны, является уравновешивающей по отношению к идее личности (личной важности) и всему конгломерату (Бог, наказание, поощрение), составляющему генетический биологический клей для человечества как вида.

Психологический парадокс личностных военных действий заключается в том, что наиболее отстаиваемая как своеобразная и правомерная наша часть — личность — на деле есть то, в чем мы неотличимы по сути и по подробностям от всех других людей, потому что личность есть в основном продукт наших общественных соглашений, и на самом деле не нуждается в отстаивании. Вся интенсивность становления личности в основном иллюстрирует негибкость биологических законов продолжения человеческого рода, — именно это стоит за агрессивностью нашего самоутверждения.

В то же самое время индивидуальность — то наше возможное будущее, которое бытийно не может быть ни утеряно, ни приобретено, и которое никому, кроме нас, не принадлежит и ни на кого, кроме нас, не похоже, — она имеет силу того - опять парадокс — что мы воспринимаем в себе как безличное и не имеющее непосредственное (личное) к нам отношение.

Подобный дефект зрения человечества есть результат обобществления сознания путем соглашения, и видимо, является не врожденным, а приобретенным вместе с возникновением языка и тех форм мышления, которые породили способы воспитания новых времен.

Сновидение относится к пространствам проявления индивидуальности, потому что там в большей степени прерывается и становится непостоянной наша корыстная обусловленность, и устройство нашего хищного эгоистического зрения претерпевает возмущения от столкновения с неизвестным, неманипулируемым, неуправляемым. Имеются в виду непосредственно сны, потому что уже при пробуждении истолкование их личностью

всегда более или менее спекулятивно. Сновидения как зона деятельности индивидуальности есть одновременно и зона другого языка, другого синтаксиса.

2

Запуганности сознания и несусветность наших обычных снов есть следствие захваченности речевой социализацией, неадекватной реальности. Имеется в виду не необычность снов, а бредовый алогизм и неразбериху неясности в них. А точнее, обратим внимание на один из источников сути и логики бреда.

Основной источник, он же и смысл бреда: переживаемое и воспринимаемое не соответствует реальности. Это несоответствие содержится в дистанции и рассогласованности между речевой реальностью и деятельностью и реальностью бытия. Основа этого закладывается в глубоком детстве.

«Я ехал в купе поезда. Ребенок 4-5 лет, ехавший со своими молодыми родителями, не по годам хорошо разговаривал -легко и живо его речь перетекала от одной вещи к другой, не теряя при этом слитности и проявленности смысла и связей с реальностью. Видимо, у него было врожденное чувство речевой гармонии. Чувствовалось, что родители немножко гордятся развитием сына, но не показывают ему этого.

Мужчина лет 50, ехавший с нами, вдруг начал разговаривать с мальчиком и стал говорить с ним как с маленьким. Поезд ехал к морю, дело было в декабре. Мужчина сладким и насмешливым голосом стал расписывать мальчику, как тот с родителями будет загорать на пляже. Мальчик съезжился и слегка офигел, потом попытался объяснить дяде, что уже зима, на пляжах снег и вообще они не за этим едут к морю. Мужчина как-то нехорошо распалился (он даже покраснел) и ещё более настойчивым и лживым голосом стал говорить: нет, это здесь снег и холодно, а там на море (на Черном, между прочим) жарко, горячий песок и плавают вот такие огромные киты и они даже выползают на берег, чтобы на них могли кататься такие вот мальчики как он. Мальчик совсем смешался и стал беспомощно поглядывать на родителей. Мужчина ещё больше расходился и стал молотить кучу всякой чуши, плавающей в его вредных мозгах. Время от времени мальчик ещё пытался спорить, когда мужчина нес совсем уж несусветное, но все больше робел — молодые родители тускло молчали — его речь стала рваной,

угловатой, потом с какого-то момента он стал подавленно и неискренне поддакивать пожилому идиоту, который получал странное удовольствие от подминания младшего и ясного, от коверкания его представлений о мире.

А я стал вспоминать всю бредятину, существующую только в лживом языке взрослых для детей, которым потчевали нас всех с самого детства — от бук и бяк, которой приходят к тем деткам, которые не хотят спать, до всех ответов в сердцах на детские «почему».

Вспоминая самые ранние детские сны, можно добраться до времени, когда в восприятии реальности и снов не было существенной разницы: и то, и другое было пузырями времени и света событий и действий, имеющими внутреннюю логику и ясность равной чудесности и свежести.

Ещё более полные формы бреда и абсурда закладываются в восприятии в период активной социализации. Это опять таки происходит в силу несоответствия реальности и её дел речевым рядам, сопровождающим в подростковом и юношеском возрасте обобществление сознания.

«В училище с первого же дня жизни в общежитии воспитатели нас стали будить в б утра ударами ноги в дверь. Если дверь не открывалась, её часто высаживали. Они орал, что мы сволочи и тунеядцы и что нас исключат. Почти каждый день также проводились линейки, на которых замдиректора или декан по полчаса и более исходили криком в том же смысле. Они вели себя с нами как с преступниками, хотя мы не успели ещё сделать ничего ни плохого, ни хорошего...»

Такого рода обобществление, в котором основным инструментом является речь и агрессивная периодичность наездов по поводу не существующих в конкретное время в реальности действий, порождает очень глубокое, тонкое и иррациональное восприятие реальности как полной бессмысленности и бреда. Это ощущение, меняясь, просачивается и в сны, обретая форму алогизмов, бессмысленности, беспомощности, обреченности на уровне образов, видений и их взаимосвязей.

Есть принципиальная разница между иной логикой Неизвестного, которое проникает в наши обычные сны, оставаясь цельным в своей инаковости, и между алогизмом, бессмысленностью образов и взаимосвязей нашего сознания с его разбитой социализацией целостностью.

Исследуя и меняя свою речевую деятельность и историю речевого обобществления своего сознания, ищущий может очень глубоко очистить и восстановить свою цельность как наяву, так и во сне. Наиболее добротная позиция в этом процессе — как и во всем остальном: тщательно и бережно перебрать все, чем вы располагаете и чем вас напичкали, и оставить в языке, синтаксисе и общении то, что вы ощущаете как несомненно живое и достоверное.

Когда достаёт свободы собрать себя цельным высоким взглядом, видна неслучайность и плодоносность нашей встречи с Неизвестным. Наша жизнь с неизвестным в крови дальше чувствуется и ощущается в меру меняющейся глубины памяти. Приливы и отливы достоверности, приносящие время от времени неуют и забвение, происходят не столько от близкого дыхания Иного, сколько от того, что та область внутри нас, которая рождает все богатство оттенков света доверчивости, доверительности, доверия, веры с одной стороны и благорасположенности, благожелательности, благонамеренности и благодеяния с другой, — эта область внутри нас сжата. Не так важно, каким жнецом были сжаты эти поля в нас.

Важно то, что работы и усилия, совершаемые, чтобы оградить эти самые тонкие и нежные поля в нас, не нуждаются в самооправдании и правомерность их глубоко естественна, — они имеют смысл. В отличие от хищного произвола вседневного течения смутных людских дел, естественных поначалу и бессмысленно гибельных в итоге.

Плодотворность этих усилий не имеет ничего общего с предъявлением счета миру или с ложно понятой и сомнительно вошедшей в обиход идеей жертвенности, — эти работы не имеют вообще ничего общего с торговлей или наказанием-поощрением.

В основе нашей жизни с Неизвестным может быть только согласие, рожденное однозначностью и непреложностью свободного выбора: как известно, дух в нас питается только свободой.

На самом деле никто не знает причин возникновения речи. Известно только, что когда-то её не было в употреблении.

Но очевидно, что каково бы ни было происхождение Слова, эта была самая болезненная и мутагенная прививка человечеству, давшая много страшных и прекрасных плодов, необратимо изменивших его судьбу.

Речь создала иллюзию смертности человеческого тела. Речь же создала иллюзию Бога. Речь создала много других вещей, которых на самом деле нет нигде, кроме как в самом языке и в нашем уме. Но почему же эти несуществующие вещи с течением времен становятся единственной реальностью и судьбой многих и многих, и многих поколений человек?

Иногда речь и язык представляются таким троянским конем, разрушившим истинную судьбу человечества и толкнувшим его в бездну заблуждений. Почему речь обрела ведущее положение в общественных способах познания и обмена знаниями и информацией? Есть ли в этом смысле у речи преимущества по сравнению с деятельностью наших невербальных центров восприятия, общения и обмена знаниями — от генетических до жестикуляционно-пластических и эмоционально-энергетических? Если исходить из ценностей свободы и целостности, на этот вопрос придется ответить отрицательно. Путаница и конкурирующая подмена функций речи и более древних центров восприятия и действия произошла в силу недавнего присутствия речи и речевых центров, в том числе мыслительных, в человеческом.

В силу каких-то обстоятельств основной функцией речи стало создание и воспроизведение нового общественного порядка. Наиболее поразительным в таком общественном порядке (и соглашении) является то, что социальные структуры почти в точности воспроизводят синтаксис, т.е. порядок и последовательность речи: сетевая структура как бы всеобъемлющих и всепроникающих ассоциаций смысла, линейная однонаправленная последовательность разворачивания времени, неизбежно приводящая к иерархичности.

Это наводит на странную мысль о том, что первоначально синтаксис языка был внедрен в человеческое сознание или был заимствован им из источника, в котором язык отражал определенные типы обобществления сознания, на которые указывалось в первой книге.

Невозможно с достоверной полнотой говорить о причинах возникновения матрицы и парадигмы сознания, известной как «синтаксис древних видящих» или как использование сил и знаний для достижения эгоистических и властных целей. Определенно можно констатировать лишь то, что уродство и абберации смысла и судеб в синтаксисе древних видящих были обусловлены и относительной недавностью возникновения речи на планете как средства общения, обращения и повелевания. Узлом заблуждений стало соотношение волевых и действенных аспектов речи с деятельностью более древних волевых и действенных центров человеческого тела.

Образ и слово генерирует иллюзию своей самодостаточной жизни, во всяком случае, для нетрезвого восприятия. Иллюзии во сне порождаются через восприятие образов вещей и действий, заслоняющих реальность. Иллюзии речи порождены экранирующими свойствами слова относительно смысла реальности. На взаимопроникновении и пересечении образов и слов возможность заблуждений для восприятия и действий многократно увеличиваются.

В живом синтаксисе человеческой судьбы много лакун. Из них иногда сквозит непостижимым, иногда — неожиданной свободой иного выбора. Темноты не означают бессмысленности, - чаще это иные смыслы, как сны, которых мы не помним. Не так важно сделать выбор. Важно видеть и знать, что неизбежность — не единственное, что есть в судьбе, что это — лишь одна из возможностей. Настоящий выбор рождается только свободой сознания. А свобода была прежде всего остального, чтобы мир был живым.

Очарованные речью и смертью, человеки повернуты спиной к своей большой и бессмертной — к своей иной судьбе.

Но нигде в мире нет ничего предопределенного и неизбежного, — оно существует лишь в уме и речи. Лакуны судьбы и лакуны снов напоминают о свободе, а не о Роке.

4

Каково же настоящее назначение языка и речи?

Впрочем, складывая так вопрос, мы невольно попадаем под действие самой фундаментальной иллюзии, порождаемой Словом и последовательностью языка мышления: иллюзии сотво-ренности Мира по незыблемому Слову Божьему, предусмотревшему расписание всего прошлого, настоящего и будущего. Но такой незыблемой матрицы предписаний и расписаний, вопреки всем Священным Писаниям, все же не существует: мир находится и в состоянии постоянного становления, развития и поиска.

Поэтому говорить можно скорее о тех возможностях, которые скрыты в силе речи и языка.

Неверно, что свободу речи, в том числе и от общественного порабощения, можно отыскать в её прошлом, в праязыке. Речь — сравнительно недавнее приобретение человечества, и тот небывалый градус возвышенной свободы, ощущаемый нами иногда как бы в ней, находится не в её прошлом, а в её будущем, которое, может быть, рождается на наших глазах и в наших телах.

Есть основания предполагать, что речь — это область действия, так же как сновидение, но человечество пока не развило возможности речи дальше подмены действия думанием и обескровливания воли к свободе.

Может быть, подлинной функцией речи является не создание, укрепление и воспроизводство общественного порядка и государства, а — толчок сознания в Неизвестное, выход из прежнего распорядка.

Может быть, основа действия речи — не общение, а производство энергии для толчка, освобождающего восприятие неограниченной свободы сообщения с Неизвестным, находившимся до этого в запретных зонах. В этом смысле естественные возможности речи таковы, как и у сновидения. Речь — это сновидение наяву.

Вспышки подлинных возможностей речи остаются в лучших и возвышенных поэтических произведениях и мистических текстах, создатели которых внутренне не претендуют на большее, чем приглашение в неизвестное достоверное.

Может быть, слово — это благодать Известного и зов Неизвестного. Наша внутренняя речь энергетически, скорее всего, это способ бросить якорь в известном и способ направить себя в Неведомое.

Время, воспринимаемое через речь и знаковые системы, -это иллюзия времени, составленная мерностью, линейностью, цикличностью, однонаправленностью. Вспышки времени за тактом, обратное и иные течения и состояния времени, —первые признаки

несоответствия реальности и общественной речевой действительности. Но речь содержит и возможности более адекватного выражения и перемещения смысла времени, и в этом она во многом схожа со сновидением наяву.

Наиболее таинственное свойство речи, в котором она сливается со сновидением, есть её соучастие в рождении мифа, предания, легенды, которые становятся видами реальности, сбывающейся как мосты в неизвестное, реально меняя жизнь и судьбу человека и человечества. Но об этом — в свое время.

в полшестого утра оседает роса
на траву полумглы-полуяви.
уплывает ткань сна как босая ступня
за клубящийся угол веранды.
в полшестого утра дверь в туман отвори.
у подножья зари хор отчизн и трава.
где проснется сестра? сердце было в горах,
и на склоне великом встреч было три.
сердце билось в горах...

ЧАСТЬ 2

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ МИФ И СНОВИДЕНИЕ. НЕРАСТВОРИМАЯ ОСНОВА СОЗНАНИЯ. ТОКИ ДОСТОВЕРНОГО ЧУВСТВЕННОЮ.

*«Нет подлинного пути без легкости
и радости, без любви и свободы,
без выси и полей, без мудрости и печали,
без пустоты и света, — нет подлинного
пути без полноты».*

М.Падиш, «Песни живых».

Сны — это другая сторона жизни. У этой другой стороны — своя множественность предметов и явлений. Сделать присутствие этой множественности ясным и реальным в своей жизни - естественная потребность людей, склонных к сновидению как к одному из действий бытия.

Сведения о сновидении могут только спровоцировать практику, но, может быть, как ни в одном другом действии, даже временно не подменяют её. Обыкновенная информированность остается в направлениях обыденного внимания, придавая формы событиям сновидений.

Для человека, не упражнявшего себя в движениях по стихии снов, сновидения — это несколько случившихся с ним необыкновенных видений или кошмаров, как правило, знаменующих собой серьезные изменения направления судьбы и придающих оттенок смысла очень длительным периодам жизни. Общедоступность и «ясность» (как изведенность — не мной, так кем-то), характерные для современного социального мифа, применительно к снам соответствуют некоторому начальному времени роста внимания к сновидениям и, мягко выражаясь, весьма грустны как застарелые формы снобизма по отношению к неизвестному. Если же выразиться точнее, — это полный туман, в котором толком ещё ничего не известно, но уже не интересно узнавать, причем это «неинтересно» — из тех немногих, из которых складывается — «не интересно жить».

Толчок к сновидениям и их двигатель — это энергия либо не востребованная обыденным вниманием, либо не правильно усвоенная и погребенная действиями и волей к этому вниманию. Постоянная же способность к действию и пробуждению сновидений как другой стороны жизни высвобождается опытом. Энергия опыта становится необходимой

составляющей открытой жизненной силы. Разность между опытом сновидений и опытом бодрствования проявляется во многом.

Во-первых, множество коллективных форм обыденного внимания и особое качество телесной индивидуальности сновидческого. Общие части сновидений — это язык образов, мифов и иллюзий. Одним из детонаторов перехода от снов к сновидению как раз является отделение языка образов, мифов и иллюзий от собственно сновидческого бытия. Общие сновидения только ускоряют отделение своего от чужого и, в случае когда они, оставаясь сновидениями, не распадаясь на сны, не допускают смешения разных реальностей при встречах глубоко самодостаточных существ.

Во-вторых, постоянная, добровольная и принудительная, тренировка обыденного внимания и отсутствие подобных общих традиций сновидения.

В-третьих, узаконенность и социальная эксплуатация одного и почти полное игнорирование другого, во всяком случае его достоверных и трезвых форм.

В-четвертых, разные качества трезвости одного и другого. Шаблоны и стереотипы захватывают и организуют обыденное внимание. Сновидящего захватывают и организуют иллюзии. Миф это нечто существующее и для обыденного внимания, и для сновидения. Действие достоверных начал и того, и другого творит миф, и поэтому сами они не являются мифами.

В-пятых, отсутствие, с точки зрения современного взрослого человека, осознанной непрерывности мира сновидений и утвердившееся намерение непрерывности мира обыденного внимания.

Современный социальный миф использует не столько сновидение, сколько энергию, необходимую для него. В истории несомненно есть примеры гораздо более жесткого включения природы сновидящих в жизнь социума (Римская Империя, государство Инков, государство Атлантиды. Из недавнего прошлого — Советский Союз).

Сновидения по своей природе — выход за пределы чего бы то ни было, имеющего основные средства своего построения в зонах обыденного внимания. Ни одно из известных автору массовых намерений, затрагивающих сновидение, — будь то намерение оккультно-эзотерической культуры, религии или народная форма использования снов для исследования будущего, — ни одно из них не имеет точного вкуса, т.е. энергии, к свободе сновидения, но провоцирует искать её.

Жизнь во снах и сновидениях — равноправный партнер жизни наяву в создании форм Судьбы, — от форм эротического влечения до выбора религии и направлений постсмертного действия. Это равноправие существует для каждого из нас, почти не подавляясь формами бытия или небытия, которыми заслоняется современный социальный миф от жизни сновидений.

Почти все общие мифы имели и имеют скрытой частью своего намерения утверждение чувства известности, исследованности мира во всех его основных, заслуживающих внимания чертах. Такой способ становления законченности и целостности

успокаивает и обедняет. Человек получает то, что он хочет. Но он хотел и мог хотеть большего, нежели то, чего он лишается после того как получает ту часть, которую он успел осознать как желаемое. Иногда он получает достоверную часть, иногда - подобную достоверному.

Современный социальный миф в своей попытке всучить чувство окончательной ясности, которое в основном сводится к корысти, — не нов. Сновидение, явно или неявно, рассматривается как удовлетворение интересов его клиентов, во всяком случае, к этому оно «должно» стремиться. Но, поскольку жизнь во снах и сновидениях — равноправный партнер жизни наяву в создании форм судьбы, — таким получился ребенок чьих-то дурных снов, — дурных потому, что, погружаясь в жизнь современного социума, в силу его мифа и мифов, трудно помнить другие сны, другое видение жизни, другие судьбы.

2

Человек как социальная единица защищен от событий сновидений общими щитами, которые учат скорее как не воспринимать происходящее, чем исследовать его. Заслоны относительного знания или полного активного незнания не эффективны именно потому, что в них нет достоверного Знания, которое только и дает подлинную защищенность, либо отменяет вопрос об опасности вовсе. Личные барьеры между сознанием и сновидением зависят, в силу естественного индивидуализма дорог сновидения, от личной удачи и других качеств сновидящего.

Риск заблудиться, забыть, потерять себя или какие-то свои части есть и наяву, и в сновидении. Для людей с природой сновидящих неверный выбор в сновидении влечет за собой неверный выбор наяву, но начала этого выбора и возможности его пересмотра остаются в том внимании, из которого было сделано сновидение. Неправильный же выбор наяву может быть локализован и изменен силой обыденного внимания и физических действий. Он не обязательно разрастается до лавины бреда событий плюс бреда снов, конечно если нет желания следовать дурному ходу вещей настолько далеко. События дурных снов же локализируются в последовательности только снов гораздо труднее, особенно для сновидящих. Незрелые магические или психологические усилия в этом направлении часто провоцируют возрастание мнительности и враждебности к окружающим и к самим себе. Справедливости ради надо отметить, что делать события дурных снов только дурными снами можно. Можно, только осторожно. Кошмары — колыбель человечества.

Для того, чтобы сделать кошмар, сновидящему нужно:

- бояться;
- иметь энергию, которая на данный момент времени не видит ничего более занимательного для себя, чем страх;
- подскользнуться на рискованном переходе сновидческой судьбы;
- не уметь или не иметь возможности выразить собственную силу, т.е. не знать самого себя;
- сделать неправильный выбор или войти в контакт с силами разрушительными по своей сути. Особенно эффективно с точки зрения созидания кошмаров вступать с такими силами в долговременное соглашение;
- медлить с отбрасыванием изживших себя форм и способов существования, долго не покидать старые здания самого себя или общие дома, которые разрушаются и должны быть оставлены;

- не желать смотреть на факты прямо, но мудро;
- предоставлять право выбирать за себя тому, кто недостоин такого доверия;
- недоедать;
- насмотреться низкосортных боевиков или фильмов ужасов;

— хвататься за несколько разнонаправленных намерений сразу. С тем же кошмарным эффектом можно открываться и доверяться человеку, группе людей или социальному институту, чье направление не совпадает с направлением сновидящего;

- дрочить в кустах без подлинного удовольствия или заниматься другими формами эротического времяпровождения, при которых энергия тратится безрадостно и опустошительно. Особенно ощутимы такие посторгазмные кризисы для людей, у которых силы задействованы в каких-то долговременных намерениях, переходах, напряжении этапов жизни. От таких отливов энергии проседают фундаменты домов, которые ещё не закончены или живут очень напряженной жизнью;

- врать самому себе, т.е. редко заглядывать или не смотреть вообще в закоулки собственного подсознания и складировать там мотки колючей проволоки, старые трусы, оружие, трупы или отдельные части тел и другие предметы;

— оказаться свидетелем дурного времени или дурного сна и хотя бы немного подставиться под поток этого времени или сна;

- нарушать запреты без осознания сил, их создающих, тем самым не «обесточив» их. Поскольку мы существа не настолько свободные, как хотели бы, шаблоны, стереотипы и другие блоки восприятия, помимо функциональной нагрузки, используются как щиты между сознанием и неизвестным. Преждевременное отталкивание таких щитов вместе с вмонтированной в большинство из них идеей наказания, выходя за дозволенные пределы, искажает вкус как врывающегося воздуха Неизвестного, так и лучших качеств, правил и законов, выхваченных когда-то человеком ли, обществом ли из света и Смысла и отягощенных репрессивными силами;

- отстранять от себя собственные живые части, требующие проявления и осознания.

А так же, для того, чтобы прожить кошмар, нужно идти к свету и смыслу и, по мере приближения, выблевывать из себя кошмарами следы, которые оставляют на сновидящем социальный распорядок, люди и др.

3. НЕРАСТВОРИМАЯ ОСНОВА СОЗНАНИЯ

Открытие мира через сновидение восстанавливает опустошаемое современным социальным мифом направление жизни человека. Дыхание сновидения, данное ли от рождения, возвращенное или существующее как возможность, требует крепкой основы в теле, в мировоззрении, в чувствах, — основы, отстаиваемой и способной сохранять трезвость сновидца как в сновидческом бытии, так и при сличении с самыми разнообразными давлениями наяву. Сказать об этой основе как о сущности — значит остановиться на имени того, что в достоверности дистанцируется от языка и от ума и сопротивляется скрадыванию этой дистанции. Способом говорить об этой основе, отдавая должное указанной дистанции, видится способ говорить о настроении или качествах того, что открывается.

1. Во всех движениях этой основы, во всех её явлениях миру есть мера подлинности, неподдельности.

2. Нерастворимая основа сознания отдельна от любой среды, в которую сознание способно погружаться, а осознание этой отдельности, как и глубокой родственности с реальным миром, проявляется подлинной свежестью и по/шинным здоровым одиночеством.

3. Тела людей, живущих по мерам основы — это физические ориентиры реальности, поскольку они живут и выбирают, видя реальный мир. Выбирают и двигаются, соответствуя реальной индивидуальности своего тела.

4. Глубинная основа сознания физически может проявляться особой пластичностью и уравновешенностью, а также самобытностью походки. К физическим проявлениям основ сознания можно отнести особый род физической драсоты, почти не связанной с чертами лица или пропорциями тела. Это — суггестия действительно существующего тела.

5. Как проявление основ сознания понимаются такие человеческие качества, как чувство вкуса и психологическая прочность, сочетание непредсказуемости и надежности — уверенности в том что человек именно тот, за кого он себя выдает, даже если видно только то его лицо, которое он показывает. Явная или скрытая внутренняя честность, которая не всегда декларируется как внешняя искренность, но готова к этому и предпочитает открытость как способ существования. К этим же качествам относятся самобытность восприятия и поведения, — будь то свобода от амбиций, будь то покореженность ими; проявленный вкус присутствия человека, его особой бытийности, - равно как и особое, приводящее в недоумение, чувство его отсутствия, даже когда он рядом с вами.

6. На присутствие основ сознания в сновидении, как и на отличие сновидения от сна, указывает в первую очередь объем пространства сновидения, — его огромность, полная открытость или довлеющая, резко обозначенная ограниченность. Другими признаками этого присутствия в сновидении являются:

- природный ландшафт (горы, море, равнина, подводный мир, пещеры, реки), а также растения и животные;

— отсутствие барьеров и естественность дистанции между тем, кто смотрит и объектами сновидения;

- чувство полноты и гармонии: это — то, что ищется;

— острое переживание несвободы восприятия, ясно ощущаемая ограниченность;

— истории с камнями; драгоценности и драгоценные камни (кроме тех случаев, когда подобные видения вызваны алчностью);

- находки, открывающиеся пространства; узнавание чего-либо;

- архетипальный язык и язык мифов, на котором говорит наше сновидение;

— источники света и сгустки тьмы;

- реальность происходящего.

Мы запоминаем то, чем умеем интересоваться, хотеть или бояться. То, чем мы живем, дает направление снам. Сновидение формирует направление жизни. И сны, и сновидения принимают участие в оформлении наших чувств, мироощущений и действий. Например: я забочусь о судьбе кого-то. Я вижу его во сне, в котором он идет по изрытой канавами и полузатопленной равнине. Я говорю ему: «Зачем ты идешь здесь? Вон там есть сухая дорога. Эта дорога проходит по холмам.» Я поясняю, что если он не захочет идти по дороге, то там есть и много тропинок. В любом случае это будет лучше, чем брести по колено в фязи, рискуя потерять обувь или упасть в канаву. Через некоторое время тот, о ком был этот сон, нашел себе дело по душе. Как-то он заходит ко мне в гости, и, глядя друг другу в глаза, мы с ним замечаем, что стали понимать друг друга в том, в чем не понимали раньше. И сны, и сновидения используются нами для взаимодействий с другими людьми. То есть ткань отношений, как и ткань всей жизни, соткана из «объективных» оценок яви и «субъективных» форм знаний и соглашений с миром и Другими, образуемых во сне. Это перспективы безграничных возможностей иллюзий, чем, с какой-то точки зрения и является наша жизнь с тех пор, как мы принимаем решения сами за себя, и до тех пор, пока нет одноприродной пробужденности и свободы восприятия и во сне, и наяву.

5. ТОКИ ДОСТОВЕРНОГО ЧУВСТВЕННОГО.

Согласно воззрениям толтеков, источником энергии для сновидения является половая энергия. Единственный ли это источник, есть ли другие, — так или иначе, как показывает практика, тот клей, которым скрепляется время и пространство сновидения, та сила, которая делает восприятие во сне непрерывным, пополняется нашей половой силой. Высвобождение этой силы из чувственных иллюзий во сне и наяву — из чувственной несвободы — меняет как все поведение человека в целом, так и вкусы его снов. Распространенное заблуждение — высвободить чувственную силу значит перестать трахаться — приводит, как правило, к задвиганию на задний план или куда нибудь подальше именно насильнических по отношению к собственной природе намерений сновидеть, а не самой чувственной жизни. Чувственность, как сок жизни, будучи вовлечена в конфликт с намерением сновидеть, обедняется и дурно упрощается, лишаясь своей возвышенной стороны, которая существует в свободе и в формах любви. Этот конфликт обедняет и сновидения, потому что энергия нереализованных желаний, насилуемая нашей дурной волей, не высвобождается, а отягощает, портит память, лишает нас живости и вольного интереса к жизни. Так как это

нехорошо — обеднять себя и терять интерес к жизни, - лучше высвободить чувственную силу из форм её существования и захваченности другими силами, целями и людьми.

Социальное регламентирование чувственного начинается с того, что половые органы должны быть скрыты под одеждой, — какая-то часть чувственной силы в действии, поведении вне зон только эротических интересов, фантазиях, ухаживаниях за теми с кем хочется заниматься любовью, или в речи подразумевается естественно скрытой. С точки зрения автора, ходить голышом по улицам городов и деревень не прагматично по ряду причин. Поэтому автор считает здоровым выбором исследование и знание социального регламента чувственного ради возможности уйти от формирования своего тела и судьбы этим регламентом и ради удовольствия отложить его вместе с одеждой. В детстве чувственность — это довербальная цельность, и использование этой цельности пробуются самими детьми для достижения целей маленьких, но конкретных (конфета, игрушка), или для отстаивания естественной свободы восприятия, поведения и направления исследования мира. Взрослыми эта сила используется для отодвигания их собственных уже заостривших шаблонов восприятия и бытия. Характерно, что взрослые «в обмен» считают своим долгом предложить, а как правило — навязать, в силу привычки к самоограничению и насилию над собственной волей, собственные знания правил и порядков жизни в социуме.

Подростковая чувственность — это исследование форм эротического. Выбор этих форм не имеет принципиального значения, и энергией мечты и юности наполняются те из них, которые попадают в зону исследования силой обстоятельств. Чистота подростковой и юношеской чувственности происходит и из исконной загадки человеческого существа, и от отсутствия социального давления, принуждающего к полному принятию той или иной формы чувственности со всем историческим флером, который есть у каждого социального способа близости. Тело ещё только «примеряется» и обычно почти безболезненно реагирует на места, в которых «жмет», и на то, что можно будет узнать только в процессе «ношения» той или иной формы. Шансы встретиться с махровым мраком рано проявляются у современных молодых людей, и эти встречи меняют направления мечты и жизни, занижают область проецирования и свободы, но, кроме тех случаев, когда что-то ломается, это все ещё мечта, даже если у неё уже блатные замашки. Принуждение к социальному регламентированию чувственного в основном репрессивно, поскольку радость чувственного продолжает нашу природную силу и изначально принадлежит ей. Услуги социального регламента и форм чувственных соглашений с другими людьми состоят в способе организации нашей энергии и, -пока мы забываем разбудить в себе того, кто глубоко поймет и нас самих, и других, — в способе равновесия наших отношений с другими людьми. Социальный регламент чувственного — очень дорогостоящий посредник, и обычно цена этого посредничества оправдывается тем, что зоны, к которым он дает или навязывает нам карту, есть зоны жизни и смерти и выбор в этих зонах — это выбор судьбы. Основным недостатком такой карты в том, что какую действительность вы бы ни выбрали во всем разнообразии её ландшафтов от двуйцевых до одноматочных, вы должны прирасти к той последовательности событий и снов, которая, по указаниям этой карты, начинается с прожитого вами опыта, а поймать вам придется последствия уже не столько чувственного, сколько воли потоков общественной энергии.

С другой стороны, каждая социальная среда пользуется определенными формами эротической жизни и чувственных отношений с природой и миром и, включая такие формы в свои писанные и неписанные правила, привязывает к себе, схватывает нашу энергию, награждая и разрушая в масштабах своего существования. По мнению автора, одним из самых эффективных способов использования половой силы для строительства социальной лестницы является обещание высшим социальным слоем большей чувственной свободы. С некоторой точки зрения, основным средством построения социального намерения является воля к свободе. В структуре смысла, организуемого социумом, частности личной свободы — от лагеря и тюрьмы внизу до вершин политических, финансовых и культурных — сопровождаются ценой несвободы. Во всяком случае похоже, что так было в прошлом и ещё

есть в настоящем. Другие, зарождающиеся формы и смыслы общественного бытия, ещё в чем-то сродни нитям смысла, которые создают множество наших сновидений и непрерывности других потоков нашей высшей Судьбы.

Собственно принуждение к социальному регламентированию нашей чувственной судьбы начинается с 22-25-летнего возраста. Существующее социальное намерение стремится остановить последовательность любого опыта в тех шаблонах личности, которое у него есть на сегодняшний день, и продолжить в известных этому намерению направлениях.

Брак как чувственная форма жизни в обществе, даже в модификациях новых времен, стремится ограничить объем снов объемом видения и качеством понимания мира тем социальным слоем, с которым, через действие брака, соотносят себя участники союза. Если это сны с общим домом, то это и местность, в которой построен общий дом, где дом — это сам брак, его намерения. Если это сны с родственником одного из супругов, то это и сны о тех снах судьбы, которые снятся родственникам. Поскольку приближение к другому человеку — это проявление смысловых и сновидческих местностей основного места жительства, то, в случае брака, это и овеществление этих преобладающих сил в судьбу. У каждой супружеской пары свое качество постоянства супружеских отношений, но сама идея такого постоянства является, как известно, частью смысла брачных отношений. От того, насколько благородно это постоянство, зависит полнота или опустошенность как снов, так и восприятия вообще. Биологическое намерение воспроизводства становится поставщиком энергии для той общественной формации, которая существует на данный момент и которая дала свое разрешение на право любить и заботиться о другом, об общем потомстве и вести, как это называется, совместное хозяйство. Та достоверность и красота, которая встречается в семейных отношениях и укрепляется этими отношениями есть производное глубокого золотого постоянства чего-то главного в человеке, более скрытого, чем способ организации быта и мотив удобства постоянной возможности совершить половой акт.

Брак, как и любая другая социальная оценка опытов жизни, укрепляет поверхность энергетического существа человека. Как и другие длительные временные действия, он формирует и глубину человека, но делает это, продолжая логику сосуществования вещей в той части материального мира, с которой имеет дело социум. То есть, это логика поверхности. Брак — один из основополагающих общественных шаблонов, и подразумевается, что в его создании никогда не участвуют только два человека, желающих быть вместе, а и все родственники с обеих сторон, все соседи по месту жительства родственников, все гости на свадьбе, размах которой должен соответствовать питающему социальному слою. Общие сны никогда не становятся сновидениями потому, что когда они открываются в сновидении они перестают быть общими. Качество жизни сгущается со временем в форме физического тела. Брачные узы, как видится автору, придают физическому телу некоторую грузность, иногда выражающуюся в характерной физической полноте — расширение таза, как у мужчин, так и у женщин, отвисший живот — или не выражающуюся физически. Те качества, которые мужчина или женщина использовали для привлечения к себе сексуального интереса и которые они извлекли из глубин своего существа на поверхность, показывая себя потенциальному супругу или супруге с лучшей стороны, должны быть, согласно смыслу брачного намерения, не просто оставлены за ненадобностью, а скрыты — как то, что уместно обнаруживать только с какой либо практической целью. Эта смысловая структура проявляется потерей остроты интереса к жизни вне пределов собственного дома, оттенком неопрятной профанации в оценке как собственной жизни, так и жизни других людей, отсутствием свежести.

То, что делает брак идеалом, направлением намерений и характером жизни множества людей, находится вне зоны общественных договоров потому, что является частью другого смыслового порядка, — порядка, с которым соотносится наша сущность, а не личность как продукт взаимоотношений с другими людьми. То золото, которое есть в рекламе брака и намерении стабильности и благосостояния общества вообще, срисованно со света нашей цельности, для достижения которой только брака или только социального

опыта, как техники высвобождения из эгоистических моделей поведения, — недостаточно. Все схемы браков, которые есть в социальном опыте, все расписания движений от причин к следствиям в силу инерционности общего внимания оказывают сопротивление переходу из одной колеи событий в другую, а также выходу из таковых.

То, что в браках свершается «на небесах», может совпадать или не совпадать с «земными» социальными описаниями и допускаемой ими свободой, но оно имеет свой распорядок другой Игры и других доличностных и внеличных дорог, оно сделано из другой силы, другого внимания и имеет собственное качество свободы.

Одиночки чувственных просторов, оставшиеся в пределах двуполой сексуальной ориентации, в свете общего внимания становятся старыми холостяками, старыми девами, шлюхами, кобелями, алкоголиками, фригидными, импотентами, непутевыми, деловыми (применительно к чувственному это означает, что он/она все свои чувственные силы направляет в дело и, странно, не трахается или не придает этому значения), странными — в случае каждого из этих и подобных описаний подразумевается известность и понятность для социального поля смысла того, что происходит и, даже в случаях когда социум обучается и ассимилирует новую форму чувственной судьбы, это происходит как втягивание индивидуального опыта и сущностной силы мужчины или женщины в «общий котел» смысла, поле смысла, силу общего существования. Это втягивание максимально потворствует смешению своего и чужого и оставляет минимальные шансы для тонкости вкуса и способности различать как особенности опытов, так и инаковость опытов, не похожих ни на что, а так же к способности отличать подлинное от не являющегося таковым. Это вытягивание наших глубоких сил вовне и закрепление их в личности, то есть на периферии нашего существования, делает возможным:

- социальную оценку нас как чего-то определенного: шофер — это шофер, министр — это министр, умный — это умный, но в любом случае мы — уже кто-то;
  - использование нас в социальных структурах в меру нашей предсказуемости;
  - нашу несамостоятельность, жесткость, хрупкость и доступность;
  - забывание снов и сновидений, а также кошмары с разрушениями;
  - типичность и схожесть с другими и невнимательность к другим;
  - старение, особенно лица;

- инерцию событийных рядов, последовательностей снов и судеб;

- социальное регламентирование чувственности, снов, желаний и направлений жизни;

- антропоцентризм и ту бытийную привычку воспринимать в мире только происходящее с людьми, которая является составляющей определенных фаз старения человека или социума;

- затруднения в принятии решений, неестественную медленность восприятия, мышления и эмоциональных, волевых или других реакций на происходящее, физическую неповоротливость.

«Я стою в глубине пещеры в темноте. В центре пещеры разостлана шкура белого медведя, и на ней сидят мои друзья. Откуда-то сверху, из невидимого проема на них льется прозрачный аметистовый свет. Я хочу обойти их и выйти из пещеры, потому что мне тяжело стоять в темноте — у меня закрываются глаза, и я могу упасть.

Из спальни моих родителей хочет выйти белый медведь. Я закрываю перед ним дверь, и он мягко, настойчиво и просительно толкает её лапой. Я говорю ему. «Подожди, я тебя выпущу чуть попозже. И осторожно — ты можешь разбить лапой стекло и пораниться.» Дверь почти вся стеклянная.

Потом я сижу у постели моей мамы и смотрю на огромного ньюфаундленда, лежащего на постели. Он немного грустный, и я его уговариваю пойти со мной».

Человек — существо чувственное, поэтому он существо социальное. Чувственность как особую энергию, свойственную органическим существам (человеку в частности), ищут во вселенной многие. Из этой энергии производится восприятие во сне и восприятие наяву, из этой же энергии производится и восприятие по социальным стандартам. Подлинная свободная чувственность — это свободное восприятие, свободное, для начала, от социальных направлений его использования, а это означает, как видится автору, уравновешенность между восприятием социальных напряжений, использующих чувственность, и восприятием иных, нерегламентированных современным социумом, стран.

«Этот сон мне приснился в первую мою ночь в незнакомом городе и в незнакомом доме. Так получилось, что никто из моих друзей и знакомых не знал, куда я уехал. Во сне я поднимался в горы, там все было будто из золотого света разной плотности, и это было где-то далеко впереди влево и вверх от моего физического тела. На склоне одной из гор я увидел дом рода Р., женщины, которую я любил. Во дворе дома за деревянным столом сидела вся её семья, но мне запомнились только бабушка и её дядя. Я сел рядом с ними за стол и немного грустно подумал, что я нахожусь в этих горах и рядом с ними пока люблю Р. И я не знал, окажусь ли я здесь и примут ли они меня, когда это пройдет. Рядом с их домом текла горная речка, очень чистая и прохладная. Далеко-далеко внизу виднелась излучина этой речушки. Хотя речка и протекала возле самого фундамента дома, в их доме не хватает воды. Я показал матери Р., что из камней можно сложить небольшую плотину, и мы с ней это сделали. Ко мне подходит Р., мы обнимаемся. На ней короткое черное платье, и, рассматривая его, я узнаю (или вижу одновременно) смешную историю, которая приключилась с Р.: однажды, когда она переходила дорогу в этом коротком черном платье, ей начали сигналить какие-то мужчины восточной наружности, сидящие в автомобиле. В ответ она приподняла платье и продемонстрировала то ли свои белые трусики, то ли свою задницу. Р. это сделала для того, чтобы претенденты на любовь увидели то, что они хотели увидеть, и чтобы была ясность с интригами вокруг половых органов. Мужчины не делали больше попыток познакомиться.

— Я по тебе скучала, — сказала мне Р.

— А я по тебе.

Мы стали отдаляться от сиены сновидения, и вот уже нас отделяют от золотого воздуха над теми горами какие-то бетонные стены, и мне жаль, что мы обнялись уже во сне».

6

Сны, которые мы понимаем как сновидения, воображаемое, которое мы считаем видением достоверного, как и неполные вспышки осознания, искаженные субъективностью нашего личного языка, создают неверные системы интерпретаций снов и событий. Выходить из реальностей таких интерпретаций тем сложнее, чем глубже и сильнее была встреча с реальностью, оставившая после себя неверное понимание или бессмысленные действия. Имея опыт недостоверных и опустошающих, обескровливающих действительность способов воспринимать происходящее, становишься способен отдать должное нежеланию выходить из сложенных описаний мира, маленьких домов в безбрежной ночи, построенных для нас нашими родителями, обществом, Другими и, отчасти, нами самими, — нежелание это растворено в смысле социального существования. То есть, нежелание без необходимости отправляться в дальнюю дорогу, не имея достоверного ориентира или надежного проводника. Впрочем, мы не принадлежим этим промежуточным домам, и реальность состоит в несомненном родстве с нами, и что-то в нас это знает.

Естественным качеством восприятия, обусловленного сетью социальных напряжений, является корыстная избирательность. Из всего происходящего отбирается лишь все нужное и достижимое с точки зрения силы обжитой социальной среды. Так же как и недостижимое и полностью неприемлемое. Конечными целями социальных намерений и создаваемых этими

намерениями школ жизни является личное благо. Насколько известно автору, ни одна из таких общественно культивируемых реальностей, скрепляемых соответствующим качеством языка, не согласует себя с индивидуальными смыслами жизни людей, с их высшими и необщественными судьбами, с тем в людях, что не имеет никакой корысти в целях, излагаемых этими реальностями. У общественных реальностей нет таких задач, поскольку их основной практикой является делание вещей воспроизводимыми, — будь то половой акт, разговор о погоде или начинающиеся задолго до предполагаемой смерти приготовления к похоронному ритуалу. В этих реальностях нет такого смысла, который бы сделал возможным и учил бы памяти о том в судьбе человека, что не может быть немедленно использовано для достижения известных целей, конкретных настолько, чтобы их можно было брать известной волей. В употребляемом значении слово «смысл» используется как «то, зачем». С точки зрения сновидящего же достоверно применение этого слова как «то, из чего делается нечто», — будь то слова, сновидения или жизнь. В этом склонении языка свобода — это род времени, которое не существует где-то там, а проявляется, когда есть собранность и ясность всех наших где-то там, к которым мы вольны стремиться или не стремиться.

Подлинные желания людей гораздо лаконичнее и конкретнее, чем те хитросплетения хотений и фрустраций, которые мы привыкли считать своими желаниями. Мы захватываем то, что не является нами, поэтому нас захватывает то, чему мы не принадлежим. Но основы сознания бескорыстны, и это всегда шанс и способ выпутаться и из тех странных охот, которые устраиваем мы, и из тех, которые устраивают другие на нас. Энергия бескорыстности, подавляемая или корыстно используемая современным социумом, практична для каждого из нас в отдельности хотя бы потому, что отбрасывает социальные захваты и высвобождает наши подлинные и неэгоистичные стремления, как и подлинные отношения с другими людьми и с Другим. Бескорыстность чего-то главного в нас не отменяет сети наших непрожитых корыстей и, к тому же, очень редко верно интерпретируется обыденным вниманием, а чаще не взыскивается им вовсе и проявляется только в действии. Его отсутствие дает о себе знать чувством, что что-то не так, а узнавание достоверного зависит от расположения другой удачи, в которой нет места для корысти и насилия над реальностью. Похоже, что свободолюбие ныне существующими обществами поощряется в большей степени своим репрессивным характером, чем провозглашением ценностей, имеющих отношение к свободе (деньги и власть как свобода), которые уже естественно даются либо ценой несвободы, либо, в лучшем случае, строгой самодисциплиной Клименки. Вместе с немодными в наши дни и недекларируемыми общественными институтами способами «быть хорошими», что, должно быть, закономерно по дороге к трезвому восприятию, почти не осталось общих практик отстаивания и возвращивания той золотой части в человеке, без которой, с точки зрения автора, нет точного вкуса к свободе, к её общей и личной практике. Только ли раскрепощения принесут недавно примеренные обществом и обкатываемые ныне способы «быть плохим», как благами и ценностями, или это надолго скурвит социальное бытие и у новых поколений уже не будет возможности тотально отстранить мерзость, растворенную в этом бытии, — покажет время. Свобода иметь любые бесплодные желания, лишённые или отделённые от своей самой ценной части — высокого смысла — тоже, как видится, промежуточна, и что быстрее исчерпывается — усвоенные, чуждые по сути формы судьбы или энергия и жизнь человека, — зависит от удачи встречи с другим, и крепости изначальной воли к жизни. Душам, заблудившимся в сетях гибельных мироописаний, никто не вернет года блужданий во всяческой херне, но что-то главное всегда рядом с нами и всегда есть шанс пробудиться во встрече с подлинным и узнать «то» после удручающего «не того» со всей несомненностью сути, рванувшейся навстречу когда-то забытому. В нас таких, какими мы пришли в этот мир, что-то отсутствует, — по крайней мере иммунитет к усваиваемой идее эгоизма и способность отстаивать свою свободу. Когда мы начинаем понимать, что нас надули, меняется и изначальное в нас, приобретая новые черты и энергию опыта. Сновидящий плывет в воздухе

в просвете между рядами черных занавесей справа и слева, слегка огибая их выступающие края. Далеко впереди поднимается огромное холодное солнце.

Но подлинный мир гармоничен.

Безумие его гармоний включает в себя конфликтующие пространства и множество некомфортных для человека бездн, как июньский воздух над долиной включает в себя грозные облака и вспышки молний, — и солнечный свет. Подлинный мир открыт на нечто, относительно которого слово «гармоничное» уже не видится уместным. Так же как любые другие слова - даже «Ничто», «пустота», «невыразимое» кажутся не о том, они как невозможное продолжение человеческого и, любой степени, тонкости явленного.

«Мой друг полунесет меня на себе, поднырнув под мою руку, и я иду шатаюсь от слабости. Мы проходим ночной двор его дома, и в дверях нас встречает его подруга. В темноте кухни они разглядывают меня, и она говорит моему другу взглядом о золотом огне, который я высвободил в себе, и я тоже его вижу как огонек свечи, легкий и неуловимый. Она мне говорит, что, если я сделал это, практикуя эзотерическую технику «промывание» или «поток», то это просто посредственный результат. А если я сделал это через обычный жизненный опыт, то это очень большая удача».

Лучший способ отстаивать свою свободу — точно актуализировать её. Поскольку энергия не исчезает бесследно, а только переходит из одного состояния в другое, будучи недоброкачественно несвободными в том, в чем мы можем и должны быть свободны, мы видим преувеличенную потребность свободы в том, что на самом деле не является областью реализации нашей свободы, и у нас нет для этого соответствующей этой части мира энергии или её нет в количестве, соответствующем нашим неверно ориентированным запросам. Желание реванша за несостоявшееся, несбывшееся отягощает любую жизнь, - будь то направленную на поиски свободы, будь то ориентированную на обыкновенное благополучие.

«В шесть часов тени от вершин елей доходят до середины круглой асфальтовой площадки, на которой я загораю. Этим летом солнце мягкое и ласковое, как ягненок. Скоро я пойду домой — по тропинкам парка, где уже сейчас разлита особая тишина заката, мимо бара и кинотеатра, по переулкам города, в котором прожил много лет, и из которого скоро уеду. Я люблю видеть сны. Сегодня мне снился второй этаж школы, в которой я учился, залитый солнцем. Кто-то открыл дверь в левом крыле, где я прятался, и этого кого-то уже не остановить, и воздух полон солнечного света. Я проснулся от привкуса пыльного солнечного света».

Человек есть время.

Возможно, каждый человек привносит в мир дискретность своего времени, как и вкус своей жизни, своих историй — своей судьбы. Естественная магия человеческих

взаимоотношений в просачивающейся в неких точках не принадлежащей «этому» силе, действующей по иным, неопосредованным законам, — в удаче встреч, пробуждающих действительно неизвестное. Суггестивность временных потоков и качество их разности, как и качество человеческого обаяния, зависит от характера и положения той невовлеченной точки света (наблюдателя), которая создает ясность времени и его обаяния.

То, что дает силу, определяет качество времени.

Можно забытья во времени другого человека или общности людей целиком. Можно затеряться во времени окраины или вскормить своим пребыванием какое-то время, когда-то неотразимо прекрасное, и стать его рабом, можно быть бродягой, забывшим действительно свое время, кочующим по временам других и Другого. Множественность — это риск и свобода, несомненная действительность избирающего Иного.

Человек есть форма.

Иное и его дороги — это не все, что человеку нужно. Качество действительного желания света и несомненное присутствие действительной цели в меньшей степени провоцируют настроение «ухода», чем желания и цели, выдающие себя за таковые, а по сути остающиеся фрустрациями более частых потребностей.

Тот, кто возвращается из Другого — другим, — видит как полнятся неизъяснимым светом предметы «здешнего», и человек — один из них, так как форма его не закончена. Сила, происходя через форму, укрепляет форму, но Сила не есть форма: сила способна изменяться, а форма — только умирать. Действительное формы знает об этом, и это делает форму неподдельной, — временной, неизъяснимо прекрасной и смертной.

«Вновь возвращаясь в ту дальнюю ночь на родину летней проселочной дорогой, мимо озера, среди пологих холмов и родников; в ту безлунную густозвездную ночь с соловьиными брызгами мы возвращались домой. Между нами и сквозь нас протекало время июля. Токи нежности и свежести пронизывали время нашей дороги, намагничивая наши тела шелковистой дрожью. Время дорожной пыли беззвучно теплело псом сна. Время придорожных трав перевернуто вниз небом, и с нами вместе идет кто-то ещё и это были мы, и мы шли с собою вместе, когда звезды оказались вокруг нас и везде, как частицы тумана.

Капли света бесчисленно входили в наши тела и парили внутри нас, как ослепительные поденки в столбе света под фонарем, и они пролетали в нас, как пушинки в пустоте меж холмов. Искры звезд проникали в нашу кровь, как электрические пузырьки,

и темно-золотой, стекающий с пустоты свет и янтарный матовый свет тех, кто был с нами, словно светильник за плечами освещал нам дорогу, и мы шли дальше, и наши тела повлекло друг к другу, и дальше мы шли обнявшись,

и пальцы мои под одеждой скользят по твоему животу, и дальше наши тела исчезают и мы идем, как гроздь созвездий, и пахнет ночной рекой, и дальше пахнет разлукой, потому что нам с тобой по тринадцать лет той дальней ночью, время которой проросло сейчас и живет за звездами.»

ЧАСТЬ 3

СНЫ СУДЬБЫ И ФОРМЫ СУДЬБЫ. ПУТИ УДАЧИ.

То трудно определимое, что именуется судьбой, видимо, и есть основное действо каждой жизни. Это действо не сводится и не обобщается просто в тот или иной сюжет. Ибо бытийная ценность любой судьбы определяется не столько сюжетом, сколько силой,

заключенной в неподдельном личном риске, придающем умонепостижимый смысл и цену каждому человеческому и другому живому существованию.

Те силы и твари, которыми грандиозно дышит грозное время перемены судьбы, поворота её хода, пугают наше тело и жизнь своей, как нам кажется, несоразмерностью с доморошенностью нашего существования. То, что пугается в нас и боится в эти времена, оглушает полноту нашего восприятия и заглушает нашу способность различать действительно дурные предчувствия разрушений живого и необходимого от редкостных и невероятных движений к расцвету уникально высоких возможностей нашей судьбы. Невероятно трудно представить а тем более практичным образом понять, к примеру, соотношение генетического (видового), запрограммированного в генах при выведении породы волей человека, внесенного хозяином в процессе воспитания и собственно индивидуального в действиях, составляющих судьбу ньюфаундленда. Ещё труднее предположить понимание преломления всех этих мотиваций в конкретной жизни Арса.

Это вещи, не предположенные вычислению, а — ощущаемые всем существом, и состоят они из решений и действий, принимаемых и свершаемых также всем существом.

«Во сне я увидел мужчину, навзничь лежащего на земле. Он был мертв или почти мертв. Я как будто бы знал его, но во сне боялся узнать. Недалеко от него так же лежала собака, овчарка. Она вроде тоже была мертва. Между ними двумя мерцала сфера величиной с мяч, к ней шли светящиеся линии, как вены или артерии из груди мужчины и собаки. Сам шар немного пульсировал, как будто в нем билось сердце.

Может, это был мой дядя, которого я очень любил в детстве, — он умер в расцвете сил при странных обстоятельствах:

его нашли мертвым в лесу, недалеко от болота, и никаких таких следов рядом с ним не было...»

Перемена судьбы может предчувствоваться и сниться очень по-разному, нередко обретая пугающие очертания. Сам же момент перемены, как правило, ощущается как прерывание одной последовательности и обнаружение себя в другой, — как разрыв во времени.

Перемены судьбы бывают, как известно, обратимые и необратимые.

«Во сне кто-то мне рассказывает о судьбе, в которой железнодорожные пути, уходящие далеко вправо к океану и через которые поддерживалась постоянная связь с океаном, были разрушены вздыбившимся и разверзнувшимся материком. И в разломах материковой плиты оказались океанские воды и огромные рыбы океанских глубин».

Более тонкие и внимательные люди способны сохранить блеклое воспоминание о последовательности событий, как бы могших произойти в непрерывной, неизменной судьбе, — или, постфактум, в бывшем варианте судьбы. Новая последовательность всегда имеет и новое качество, о котором в быту говорят достаточно просто: судьба изменилась к лучшему или к худшему, хотя это «лучше» или «хуже», по сути, относится не к отдельным событиям, а к направленности в целом, к настроению судьбы, которое все же ощущается как полнота или неполнота сбывания самой глубокой мечты, а не только как благополучие во всей его цельности.

Отстраняясь и выходя за общественные системы ценностей, тем не менее имеет смысл остановиться на таком качестве удачно сложившейся судьбы, как ощущение счастья у её основного действующего лица и на его спутнике —ощущении благополучия. Субъективно именно это и остается основным признаком сбывшейся или несбывшейся, простой или освобожденной судьбы. На взгляд автора, ощущение счастья (пусть не в постоянстве его самых интенсивных проявлений) и телесное ощущение благополучия являются

неотъемлемыми признаками истинности проживаемой судьбы. В энергетическом смысле это — проявление адекватности форм судьбы и тела, соразмерности шанса и благодарности действий.

Автор останавливается на этом лишь потому, что века дуализма, а также пара тысячелетий, пропитанных весьма и весьма сомнительно изложенной и вошедшей в обиход жизни идеей жертвенности, а также саморазрушительные устремления мировой и особенно отечественной культуры, не мыслящей себе творчества и жизни без самоубивания и самосожжения с якобы альтруистическими и некими духовными целями, сложили шаблон, в котором предположение о счастье и благополучии как о признаке истинности проживаемой судьбы кажется нелепостью и непростительной наивностью.

Хотя это и не входит в задачи книги, здесь хотелось бы указать на то, что, на взгляд автора, является корнем рокового заблуждения человека. А именно: освящение смерти, произошедшей с возникновением речи и религиозных описаний мира. Точнее, речь идет об освящении смерти человеческого тела. Идея метемпсихоза (переселения душ) и подобные ей идеи жизни чего-то после смерти тела, в первую очередь, и в этом атеисты и материалисты безусловно правы, — обслуживают общественные цели. При более глубоком рассмотрении становится видно, что эти идеи преследуют и цели биологического выживания человечества как вида, в ходе эволюции обретшего новые грани сознания благодаря возникновению речи и способа мышления, при котором человек стал проецировать себя мысленно в будущее. В этом смысле, безусловно, возникновение идеи о посмертной жизни есть новая модификация биологического инстинкта самосохранения перед той неизвестной доминантой, которая возникла с возникновением в сознание человека речи и мышления.

Сновидящий сидит во дворе родительского дома со своим отцом.

— Я читал твои письма, — грустно говорит его отец, — ты человек непонятных мне правил, ты хоть похоронишь меня, когда я умру?

— Папа, не беспокойся, у тебя будет красивый венок, весь ритуал будет соблюден, как ты того хочешь.

— Тогда хорошо, тогда я спокоен, — грустно кивает старик, от этого ноет сердце, и перед сновидящим куда-то вправо и очень далеко открывается дорога и чуть пасмурное небо над ней.

Парадокс здесь в том, что вторжение речи и мышления в человеческое настолько кардинально изменило направление развития человечества и это произошло настолько давно, что мы почти целиком утратили память о том, что смерть тела — не обязательное условие нашего дальнейшего развития. То есть парадокс состоит в том, что речь и мышление изменили биологическую природу человечества, сделав его более и по-другому смертным, и в то же время язык и мышление организовали тот способ, которым были временно нейтрализованы возможные массовые самоубийственные исходы неокрепшего нового ума человечества, развернутого лицом к ставшему конечным существованию своего тела в условиях сетей речи и мышления, поймавших его.

Краткая археология вопроса смертности человеческого тела наводит на мысль о том что полная (телесная) смерть не является все же единственным и неизбежным итогом жизни человека.

Забвение этого является, по всей видимости, следствием той резкой перемены судьбы человечества, произошедшей после внедрения речи и ума.

Говоря собственно об археологии свободы, можно сказать, что степень (способ) смерти определяет степень (способ) последующей свободы сознания. Способ смерти в свете необязательности телесной смерти определяется смыслом смерти того в человеке и в его нынешнем теле, что определяет природу его ограниченности и самоограничения.

Филогенетически момент принятия ребенком общественного соглашения о смерти человеческого тела является кардинальным в процессе социализации его сознания посредством речи и ограничения возможности выбора тела как единственной реальной целостности.

Вспоминая бывшее до этого момента знание о вечности тела, мы можем перекинуть мост понимания и возвращения в родовое и до конца неотъемлемое человеческое свойство, шанс и дар ему не умирать. Профилактическое религиозно-мистическое обучение шаблону принятия смерти не отменяет того факта, что любой искренний человек, оставшийся в живых после достоверного и реального столкновения со своей непосредственной смертью, безусловно знает о ней, что это совсем и совершенно не то, чего он хотел. Не будем обольщаться и утешаться рассказами людей, переживших клиническую смерть:

во-первых, никто из них, тем не менее, не хотел бы по доброй воле повторить этот опыт; во-вторых, кто знает, не длятся ли те мгновения, о которых они рассказывают как о неизъяснимой благодати, не более чем мгновения; в-третьих, не будем говорить ничего хорошего и плохого о тех светлых сущностях, которые встречают их там, вернее, не будем говорить о них ничего определенного, т.е. даже того, что это — сущности, — скажем лишь о хорошем религиозном воспитании переживших это людей. Вместе с тем автор не утверждает, что не существует такого рода мостов, калиток и лазов в бессмертие, — автор говорит всего лишь о степенях смежности смерти и о степенях свободы.

В смысле сведений об этом сновидческая жизнь человечества всегда была и остается источником первостепенной важности, и в этом же смысле все знания нынешнего человечества о потустороннем добыты из сновидений.

«Мы с мужем и с детьми находились в цокольном этаже какого-то небоскреба, а вокруг — мы знали это — рушилось и гibly все и вся. Когда мы решились выглянуть наружу, оказалось что мы находимся на крошечном островке, окруженном безграничным серым океаном. Это было все, что осталось от нашего мира. Из здания я вышла одна. Потом я увидела огромную птицу, сеvшую невдалеке. Она сказала мне и какому-то мужчине, оказавшемуся рядом со мной, что она спасет нас, если мы сядем к ней на спину, и будем крепко держаться: она унесет нас из этого погибшего мира туда, где будет наша жизнь. Она сказала, что держаться нужно будет очень крепко и ни в коем случае не оглядываться. И она говорила, чтобы мы решались быстрее, потому что она больше не прилетит за нами, — она прилетает только один раз...»

Создается впечатление, что некая сила судьбы человечества веками и тысячелетиями напоминает каждую ночь людям о том, что их судьба может сложиться совсем по-другому.

На самом деле то место в нас, куда направляет свое сообщение эта сила, есть наша способность соблазниться, и хотя действие этого сообщения адресовано нашему телу и памяти, та его часть которая понимает его как соблазн есть наш ум. Со стороны Силы это — единственный способ обмануть наш ум, сделав его союзником, потому что он (ум) непреложно любит соблазняться, как любой азартный игрок.

Сила большая, чем законы Слова и смерти, как бы использует уловки и хитрости, чтобы нейтрализовать избыток своевольного ума, строящего реальность несравнимо более безрадостную и убогую, чем тайна, сотворенная Ею.

Можно сказать, что за нашим рождением мы начинаем просыпаться в судьбе после того, как проглатываем, как рыбы, приманку, вслед за которой из смутной и нечеткой непроявленности мы оказываемся в полной и такой дикой ясности и твердости дня, — и здесь ихтиология заканчивается, — для человека здесь впервые проявляется непосредственно телесная судьба, — начинается Большое Приключение.

Веши, которая в этой аллегории обозначена как приманка, соответствуют в жизни самые разнообразные формы человеческого времени. Их объединяет общее назначение — соблазнить, т.е. посулить, пообещать что-то лучшее, большее, выгодное, Иное, чем то, что уже доступно, — позвать, выманить из привычного. Если отвлечься от ассоциаций типа «соблазненная и покинутая», то сама способность человека соблазняться, побуждаться к действию поиска иного, есть может быть, наиболее иррациональное и таинственное их свойство. Это особенно ощутимо при рассмотрении тех судеб, в которых что-то выманивает людей из домов и положений, высоко ценимых в обществе, — что-то выманивает их туда, где отсутствует «уют» и все остальное.*

Но даже в варианте «соблазненной и покинутой» обнаруживается тот же механизм, тот же инстинкт, то же звено, через которое внешняя (до этого) сила Судьбы начинает свое многообразное сращение с телом и временем человека.

У «непассионариев» (обывателей) — свой соблазн**, — соблазн постоянства и стабильности.

Соблазн — не потому, что «посулили золото — дали самоварное», а потому что тот смысл, который человек первоначально слышит в зове — обещании — выманивании никогда не соответствует впоследствии рождаемому смыслу судьбы.

По той хотя бы простой причине, что, рождая этот смысл, человек меняется сам, меняются его потребности и система ценностей, меняется его тело, время и любовь.

Я свет все позже не гашу,
чего-то жду, чего-то жду.
Смерть подметает пыль в углах.
Судьба листает мой журнал.
Потом судьба и смерть уснут.
Я им подошку подоткну,
А сам не сплю, в окно курю,
чего-то жду, чего-то жду
и свет все позже не гашу.

2. ФОРМЫ СУДЬБЫ И ЛОКАЦИЯ БУДУЩЕГО

Многие люди, особенно в юности, предчувствуют свою судьбу. Предчувствие принимает разные формы: от снов, которые так или иначе сбываются, и предсказаний,

---

□ Например, жизнь и судьба протопopa Аввакума, М.Ю.Лермонтова и т.п., включая тех, кого Л.Гумилев назвал «пассионариями».

** См. в Приложении: «О типологии соблазна»

приходящих волей случая как высказывание предчувствия извне, — до необъяснимого волнения и нервной дрожи предвосхищения чего-то необычного и значительного в будущем, иногда с разрозненными и бессвязными подробностями и частностями.

У некоторых людей это Предчувствие носит характер полумечты-полусна наяву.

«...мне было тогда года 22, и в будущем я видел себя только поэтом и прозаиком. Как раз появились первые мои публикации, и никем другим я себя представить просто не мог.

В конце августа я приехал в деревню к родителям на каникулы. Однажды в полдень я вышел во двор и, направляясь к воротам, вдруг замер: необъяснимая волна обрушилась на мое тело и внезапно каким-то неведомым до того мне образом я без тени сомнений узнал, что я буду не поэтом и моя судьба будет связана с деятельностью необычной, и что она — судьба — будет такой, что по сравнению с этим быть кем бы то ни было — просто хлам, посытанный нафталином.

Через годик так оно и стало выходить. Спонтанно открылись мои, как это тогда называлось, экстрасенсорные способности, и — пошло-поехало... Был я и магом и прочей хреноте-нюю (вот уж странная работа для бывшего секретаря комсомольской организации, доложу я вам!), и моя судьба на сегодняшний день с точки зрения «быть кем-то» представляет собой что-то совершенно невообразимое, и похоже, что самое интересное в ней только-только начинается. И, поверишь ли, ни разу не пожалел я, что не стал писателем, хотя пишу до сих пор...»

«...в классе 9-10 у меня часто бывали такие состояния, особенно по вечерам, когда я возвращался из Дома Культуры... шел ничего не замечая, и то ли мечтал, то ли видел какие-то вещи... помню точно: однажды шел так и как то так вижу себя фабрикантом, и свою собственную фабрику в лесу... потом думаю: стоп, какие фабриканты при Советской власти? Иду дальше и опять: я фабрикант, моя фабрика почему-то в лесу... Машинально, не видя ничего вокруг, вхожу во двор дома в темноте и вдруг... чувствую две огромные лапы на своих плечах и нечеловеческое дыхание в затылок... (смеется) ...чуть не обделался, подскочил на месте и заорал дурным голосом, и тут смотрю — а это наш пес — кавказская овчарка, здоровенный гад был, в полный рост! Вот... а теперь, через 10 лет, оказывается я фабрикант, и фабрика моя, как вы знаете, — в лесу... (смеется).»

В том, что мы обычно называем предчувствием, есть скрытая сторона, как правило, не осознаваемая нами: в ходе предчувствования мы не только узнаем нечто о возможном будущем, но и, если можно так выразиться, гарпуним его, т.е. совершаем безотчетное действие, создающее либо возможность вхождения в зону нашей досягаемости определенных потоков времени-события, либо иногда даже (при насильственном складе природы) непосредственно захватываем некоей нашей силой конкретные формы времени и подтягиваем себя к ним, либо их к себе.*

Сила, позволяющая нам делать это, находится в нас, за плотиной, шлюзами которой служат наши конкретные желания, точнее, те из желаний, которые имеют особое нутряное напряжение, те, в которые мы временами способны вложить всего себя.

Родство, а может и единство того в нас, что рождает и воплощает наши сны и мечты, позволяет одним людям реализовывать мечты, а другим — кошмары. Почему так

□ Подробности такого стиля жизни точно описаны, например, в новелле Сэлинджера «Хорошо ловится рыбка бананка».

происходит, со всей точностью объяснить невозможно, но если под судьбой понимать не неизбежность и фатальность причинно-следственных связей, а рост и путешествие осознания, то можно предположить, что сбывание кошмара — это болезнь роста сознания. Правда, у автора нет никаких достоверных сведений о том, что есть шансы этим переболеть у тех, чья жизнь обрывается воплощением их кошмара, но кто знает, кто знает...

Линейное время, существующее только в нашем воображении, порождено линейным синтаксисом новых языков. То есть наше восприятие последовательности мира и судьбы как однонаправленного развертывания от жизни к смерти порождено линейным синтаксисом речи и больше ничем. К сожалению, на взгляд автора, это как раз пример самого массового и самого плачевного коллективного сновидения-кошмара всего человечества, сбывающегося на протяжении многих веков.

В этом смысле распространенный вариант судьбы — это всегда лента фильма, в которой кадры расположены в самой плоской из всех возможных последовательностей относительно реального бытия живого. Те намеки на нелинейный синтаксис мироздания, которые мы находим в сновидениях и воплощаем в поэзии и мифах, — всего лишь намеки.

Для того, чтобы освободить последовательность своей судьбы, человеку необходимо родить другие отношения тела со временем, необходимы другие цели для нашей живой воли, иные направления любви.

Силы судьбы не сводятся лишь к силам жизни и силам смерти, — это всегда ещё и сила свободы. Судьба — это всегда путешествие, и в этом её отличие от просто жизни.

Я чувствовал время простора,
как простынь сползает во сне
с бедер и слева, — и скоро
рассвет многокрылый, и мне
легко и щекотно, как перед
счастливой дорогой. Порядок
простора нескорый...

3

Не рискуя впасть в ложную ясность, более или менее достоверно и конкретно можно говорить лишь о тех пластах судьбы, которые состоят из действий и событий, вызванных к жизни желаниями, воспитанными системой ценностей обществом в целом или отдельными слоями общества. Сюда же следует отнести действия и события, вызываемые желанием нарушить общественные запреты, с той разницей, что за такими действиями изредка дышит возможность тех форм судьбы, которые менее уловимы для общественного познания. Но в этой книге нас прежде всего интересуют те свойства судьбы, которые позволяют соотносить с ней пространство снов и сновидений, область мечты и достижения её.

В тех языках, в которых слова «сон» и «мечта» обозначаются одним словом, связь между человеческой способностью порождать виды реальности очевидней.*

Может быть, одним из свойств, которое отличает человечество от животных и которое соответствует какому-то более высокому назначению человека в мире и есть его способность порождать из силы, дающей ему жизнь, сновидения, мечты, мифы, предания,

---

□ Англ. «Dream», рум. «Vis» и т.д.

легенды, которые становятся видами реальности как мосты в Неизвестное, меняя судьбу человека и человечества.

Во всяком случае, изучение истории человечества с такой точки зрения позволяет предположить, что, после биологических инстинктов, создание мифов и предсказаний и их частных подвидов — религий, верований, политических систем и искусства — есть самая сильная потребность и способность человека. И именно эту способность человечества автор чаще всего и имеет в виду под сновидением.

Что-то в природе развития человечества позволяет предположить, что, вопреки распространенному мнению, производство и рождение мифов как мостов в иные виды реальности происходит не путем восприятия и компиляции как бы первозданно существующих в своей целостности матриц сакрального (архетипов, эйдосов и т.п.) и последующего воплощения их здесь в силу форм мифа. Более правдоподобно то, что, мифы рождаются непосредственным действием приливов и отливов вселенских волн достоверности, — они рождаются непосредственно в телах людей ходом бесконечных проб и ошибок, свет опыта которых из поколения в поколение, столетиями относится и откладывается в слои реальности, подобно перламутру в жемчужине, рождая слои и качества человеческого бытия, форма

«...в возрасте 7 лет в детстве я заболел. Была высокая температура. Видимо, в бреду, мне привиделось, что с неба, как дождь, начинают сыпаться пустые деревянные катушки от ниток. Когда их поток обрушивался лавиной, я начинал кричать от ужаса. Почти просыпаясь, я слышал утешающий голос моей бабушки, затем с неба опять начинали сыпаться пустые нитяные катушки.

Этот сон остался самым сильным ночным впечатлением моего раннего детства. Из-за чего-то громадного и безжалостного в нем я всегда вспоминал его только краешком памяти, не забывая однако его с годами. Я знал, что нити на катушках до их опустошения были черными, хотя не видел этого.

Я никак не истолковывал этот сон до недавнего времени, до моих почти 34 лет. Опустошение моей судьбы в период этого моего сна было действительно большим: незадолго до этого в очень молодом возрасте умерла моя мать, затем для нашей семьи последовал длительный и многолетний период столь же малоприятных и тягостных событий. Вспоминаю сейчас, что перед переездом в новый дом, который стал последним для моей матери, в нашем старом дворе произошло тягостное и по-своему страшное событие: наша кошка сошла с ума и съела всех своих котят. Мое тело помнит ужас при виде любимой кошки, которая забилась в дрова, где её невозможно было достать, и с утробным безумным урчанием пожирала своих двухнедельных котят.

Будто какое-то проклятие безжалостной опустошенности и неюта жизни преследовало меня почти до моих 25 лет.

Затем был другой сон, который я тоже помню до сих пор: я стою на высоком берегу реки, текущей справа налево. Внизу — бурная большая вода: мощная, свинцовая справа и выше по течению, затем янтарная, в водоворотах и ярких отсветах грозового света слева и ниже по течению. Я знаю, что мне нужно броситься в эту воду. Не чувствую страха, но почему-то медлю. Высокий берег подо мной начинает осыпаться в воду, и я неизбежно оказываюсь в реке. Но перед этим — опять с неба и опять как дождь — начинают падать караваи свежее испеченного домашнего хлеба, какой пекла моя бабушка.

Мои мучения и терзания, доходившие до попыток самоубийства, в период между этими двумя снами, внутренне были вызваны тем, что я не мог, а потом уже и не хотел стать своим и таким как все в тех личных и общественных отношениях, из которых оказалась соткана повседневная жизнь людей. Я всегда чувствовал себя чужим среди них, а необходимость быть как другие и мои попытки преуспеть в этом вгоняли меня то в полную безнадежность, то в полное бешенство.

В жизни второй сон предшествовал моменту, когда я вдруг нашел то, что всегда искал и не находил. В 86 или 87 году этим оказались чьи-то краткие и разрозненные конспекты того, что имело отношение к свободе. Моя судьба и устремления как будто приобрели естественный и желанный для меня смысл. И много лет спустя, вдруг вспомнив тот детский кошмар, я неожиданно ощутил необъяснимую радость: я вдруг понял, что он был совсем не кошмаром, — он был о судьбе, которая и есть моя настоящая судьба, — это был сон о свободе. И было нелепо и невозможно искать и обрести в обычной жизни взаимосвязанных людей то, от чего я стал свободен ещё в детстве, потому что это моя единственная жизнь и единственный шанс стать свободным. Но перед этим был третий сон, который ещё рано рассказывать...»

В этой истории врожденная склонность рассказчика к крайностям и бескомпромисности в поисках себя является определяющей в формировании его индивидуальной судьбы. И остается надеяться, что третий его сон хотя бы в какой-то степени связан со смыслом и ролью уравновешенности и гармонии в движении судьбы.

Обостренная чувствительность наших современников к любому давлению извне и инстинктивное отторжение его, происходящая в ответ на агрессивность общественного формирования сознания и тела, может быть одной из причин заблуждений относительно своей настоящей судьбы, шансов, удачи. В этом случае взаимодействие безличных и неизвестных сил судьбы с телом безотчетно воспринимается как чуждое давление и может длительно отторгаться.

Именно подобного рода ситуация порождает и т.н. «ядерные сны», описанные в первой книге.

Но во взаимодействиях с силами судьбы и удачи бытийно наибольшее значение все же имеет свобода. Здесь автор имеет в виду то, что наши достаточно сильно высказанные самим себе чистые желания и мечты, особенно в юности, находят отклик в Неизвестном и все же имеют тенденцию сбываться. Парадокс, однако, заключается в том, что когда это происходит, общественное воздействие, как правило, настолько меняет нашу систему ценностей и сужает зону возможных действий, что события сбывшейся мечты оказываются не ко двору или даже могут восприниматься как неприятности. А так как наиболее сильный компонент в наших мечтах безусловно состоит из предполагаемой и желанной свободы (ибо это желание и устремление в человеке неотделимо от желания жить), то лучше все-таки найти понимание и силы повернуться лицом к неиспорченной судьбе, которую, в конце концов, как выясняется, мы достаточно свободно когда-то выбирали сами, — выбирали здесь, а не в какой-то там прошлой жизни.

«Один доблестный человек попал в мир, где нет теней. Там Владыка миражей удерживал его в огромном чане с вином. Человек должен был нести наказание за какую-то свою ошибку. В этом мире не было солнца и, поэтому, не было тени. Владыка окупал человека в вино с головой и, когда тому не хватало воздуха, отпускал его. Все это он делал, не прикасаясь к нему. Мать человека попросила волшебника, чтобы он доставил её к сыну.

И в тот же миг она очутилась там и видит, как её сын вынимает меч из ножен, чтобы зарубить Владыку. Она хотела крикнуть сыну: «Не делай этого, иначе ты навсегда там останешься!» Но волшебник сказал ей: «Молчи! Ты своим криком погубишь сына, потому что, обернувшись на твой крик, он замрет навсегда, — ты вне правил того, что происходит, и вне этого мира. Ты можешь только смотреть.» Мать вернулась в свой мир. А человек, поддавшись какому-то инстинктивному чувству, вложил меч в ножны и вышел из полутемного дома во двор, залитый солнцем. Он сошел с порога этого дома в своих светлых одеждах, сел во дворе на скамью и подумал: «Может, хоть поесть даст.» И тогда, глядя на стол перед собой, на котором была еда, он увидел тень, а потом своего слугу, который шел к нему. Он понял, что свободен, что он снова в своем мире. Он встал, поднял голову и долго смотрел на солнце. И кругом были тени от множества предметов. Человек пошел на базар, где была его мать, и спросил её:

— Ты была там?

— Да, — ответила она.

— И как тебе тот мир? — спросил он.

— Страшное зрелище.

И, отвлекшись на какое-то мгновение, она снова занялась своими делами.»

4

Говоря о силах судьбы, мы приблизились к самой таинственной и трудноописуемой из них — к удаче.

Присутствие этой силы в создании судьбы обычно неочевидно и воспринимается человеком как нечто само собой разумеющееся. Возможность понять роль удачи появляется лишь в сравнении: т.е. когда она почему либо исчезает. Человек начинает понимать, что кроме его трудоспособности, решительности, настойчивости и даже безупречности, был ещё какой-то фактор, без которого все его усилия осуществить с полнотой себя не дают результатов, т. е. не проявляются в должной, по его внутренним ощущениям, мере. Удача с этой точки зрения воспринимается как состав, необходимый для успешности всех действий, для придания благополучной направленности всей разрозненности и множественности его действий.

В смысловых полях высокой судьбы сама способность того или иного человека воспринять возможность чего-то большего, чем расхожие типы судьбы, есть, на взгляд автора, само по себе проявление удачи. Это становится понятным на фоне жизней множества людей, которые, даже впрямую сталкиваясь со знанием о возможности иной судьбы, остаются глухи и слепы к этому.

В сновидческих практиках отсутствие удачи проявляется как фиксация внимания на угрожающей стороне миров, т.е. как преобладание кошмаров. Преобладание кошмаров во сне и соседствование сознания с ними наяву вообще говорит и о некоторой более или менее глубокой деформации судьбы человека и человечества в целом.

Говорить о градациях в связи удачей нелепо, но, на взгляд автора, существует определенная разница между удачливостью, везением и удачей. В случае с последним труднопонимаемы две вещи: во-первых, предрасположенность, если можно так выразиться, к удаче чаще всего существует или не существует с рождения в виде дара, хотя иногда она может быть приобретена и позже. Во-вторых, касается как раз этого «позже»: трудно понять,

что и безупречность человека не является достаточным условием для удачи с великим шансом бессмертия, хотя она является безусловно необходимой для этого. Тот толчок, каковым является удача в смысловом поле большой судьбы выглядит все же как внешний и относится к дарам силы, явно относящейся к неизвестному.

Большая удача приходит как волнение, тонкая щекотная дрожь глубоко в теле, как состояние «внутреннего визга» от предвосхищения того, что получится все, чего хотелось; она приходит как ощущение и видение слитности и ладной упругой сцепленности слов, действий, событий, как отсутствие сомнений. Почти каждый человек так или иначе пытался эмпирически «вычислить» механику везения и удачливости. Намерение этого исследования породило распространенное восприятие жизни и судьбы как азартной игры. Но удача — это не приз за умелую игру, это не просто благополучие течения жизни и судьбы, и сила её не относится к механизмам, скроенным человеком, — она как будто приходит извне, она родом из Неизвестного и дышит, где хочет и как хочет. Её родина там же, где свобода, риск, вольность.

Сны о потере и обретении удачи многообразны, удача в них может выглядеть как птица, сокровище, перемена места жизни, новая одежда, редкостный ковер, просто как свет, заполняющий опустошенность жизни. Сновидящим, которым сопутствует удача, удается гармонично и достаточно легко, хотя и не без усилий, найти свой индивидуальный путь в миры сновидений и сновидческий опыт глубоко развивает и усиливает их целостность.

Вещами, приводящими к утрате удачи, являются, кроме непостижимых движений судьбы, все обычные отягощения человечества: эгоизм, особенно с какой либо интенсивной доминантой, подминающей под себя всю остальную целостность жизни, судьбы и тела; общесоциальная порча судьбы; слабость духа человека. Такого рода упорствования в своих заблуждениях создают ситуации, когда, как говорят на Востоке, даже благословение становится проклятием. Кстати говоря, благословение как социальная форма передачи социальной удачливости, действенна в основном лишь в тех шаблонах, частью которых она является. Такого рода благословения при свободном поиске иных направлений судьбы могут создавать событийные ограничения и ограничения сознания, которые, впрочем, преодолеваются волей к освобождению.

«С кем-то, кого я воспринимал как своего близкого друга, мы внезапно оказались в трудноописуемом месте: я знал, что мы в другом мире. Вернее, это было место, откуда брали начало многие миры. Это было очень далеко, как бы на краю восприятия. По плоской равнине тек неглубокий ручей с прозрачной темной водой. То, что я принимал за деревья, не было деревьями — я знал это. Это были как бы плоские живые обрамления света. У источника был некто, весьма отдаленно напоминавший человека, — древний и легкий. Я видел его, как и деревья, только в непостижимый профиль. Он без слов сообщил нам, что в источнике — мертвая вода, которая удаляет все наносное и омертвевшее с тела человека. В этой воде можно находиться очень недолго, — она, или то, что живет в ней может повредить, если переусердствовать, живое тело. Мы должны были спешить, потому что в этой местности мы могли находиться очень недолго, — у нас не хватало сил.

Я вошел в воду. Она была густой и текучей в то же время, темно-прозрачной с какой-то звенящей светло-золотистой изнанкой. Я знал, что она растворяет, подобно кислоте. Я окунулся и уже выходя из воды увидел её опасную силу как мелких темных рыбешек-пираний. На берегу ручья я увидел свое тело — это было тело подростка, налитое темно-золотой ровной легкостью. Потом все исчезло...»

«Опять с кем-то, кого я воспринимал как своего близкого друга, мы на машине поднимались в горы. Было светло, как бы очень солнечно, хотя я не помню теней.

Мы остановились у скопления больших скал. Там был колодец, который и был целью нашего путешествия. Выложенные из старых темно-золотых камней, его стены уходили под почти невидимую воду. Вода в нем была живая — я узнал это сразу, как только увидел её. Нет слов, чтобы объяснить, чем была эта вода —она была живая...»

5

Мы подходим к тому, что можно назвать высокой или высшей судьбой, — в том смысле, что в такой судьбе реализуются и воплощаются высокие и высшие шансы свободного развития, рожденные в человеке и существующие для него. Соблазны здесь выглядят как едва ощутимая радость будущей полноты света и неограниченности, как обещание небывалого и единственного путешествия в живую и многообразную бесконечность.

Просачиваясь сквозь общественные представления, этот соблазн принимает вид возможности, а в какие-то мгновения и полной и несомненной уверенности в уникальной и громадной предназначенности своей жизни для небывалых и значительнейших свершений, в которых максимально полно раскрывается внутреннее человеческое величие и благородство.

Несмотря на частое слышание этого общественно распространенного соблазна, жизненный опыт большинства людей, испытавших его в той или иной форме, складывается чаще всего в судьбу, очень мало напоминающую пробудившее её возвышенное.

Кроме уже указанных общих социально-речевых условий и причин, искажающих соотношение индивидуального, личностного и сущностного и занижающих в результате степень свободы и величия реализации шансов, здесь имеет значение и искусственное разделение в представлении людей, пытающихся высоко реализоваться, вещей в мире и внутри мышления на материальное и духовное, низменное и возвышенное (горнее). Это мысленное разделение рисует непреодолимую пропасть, воображаемо проходящую через их целостность, без которой полная и высшая реализация невозможна, а оказывается раздираемой противоречиями. Обращаясь к ядру возвышенного в человеке, приходится констатировать, что распространенные в обществе представления о природе возвышенного достаточно смутны и недостоверны.

По-видимому, первое из состава возвышенного, что действительно присуще человеку, есть его светоносность, начинающаяся здесь с того, что человек рождается как сфера яркого света — сфера чистого и ясного света. Далее можно отметить в числе возвышенных свойств присущую человеческому подвижность и живость его света на фоне пейзажа мироздания. Это каким-то образом связано с родовой склонностью человечества к странничеству и путешествиям, которые благоприятно сказываются на его свете. Подвижностью человеческого света определяется и своеобразие его осознания как во многом сформированного сущностью движения. То есть, род осознания человека — кинетический. С этим же связана матрица достижения, неотделимая от человеческого. Далее, данность вертикальной оси осознания, по всей видимости, является основой основ возвышенной стороны человека и определяет своеобразие его сознания. Особенность светимости человека, которую можно обозначить как облегченную и подвижную способность давать и принимать свет в отношениях с другими существами и силами, так же можно определить как

исходящую из этого состава, так как именно это порождает человеческую способность к любви, благодарности, благоговению, которые имеют своей чистой смысловой матрицей бескорыстие и соучастие.

Говоря о матрице бескорыстия, следует отметить, что частью её основы является опять таки облегченная способность генерировать и распределять собственный свет, а так же то несомненное свойство человека, делающее его существом социальным, то есть испытывающим потребность в общении, жизни и путешествиях вместе с себе подобными.

Затмение матрицы бескорыстия в современном обществе связано со многими вещами и имеет глубокие последствия, сильно затрудняющие возможность свершения высокой и высшей судьбы.

Если не останавливаться на мотивациях и структуре «эго», основную причину этого затмения опять таки можно найти в тех особенностях мышления, которые были сформированы религиозным мифом, а именно — в способе речевого выражения той его части, которая описывает Господа как хозяина человеков, в руках которого находится рождение, счастье, смерть и посмертное человека. Ощущение себя «собственностью» кого-либо, скорее всего не истинно не только для нашего «эго», но и для настоящей природы, то есть для происхождения человека.

Человек по происхождению своему не принадлежит никому и, может быть, именно поэтому, хотя бы в своем мышлении и речи, пытается кому-то принадлежать. Но то в человеке, что в момент рождения не принадлежит ему — жизненная сила и шанс свободы, — он получает в качестве дара. Матрица дара в мышлении человечества, искаженном новым языком, некоторым образом трансформировалась в матрицу жертвы и жертвоприношения, имеющих отчетливую корыстную подоплеку в условиях реальности, описанной очарованными речью и смертью тела. Хотя смерть в этой новой позиции сознания человечества служит надеждой для воспоминания полноты шансов свободы, получаемых человеком при рождении в виде дара. Именно характер этого дара — полной свободы — и позволяет понимать то, что у человека нет Хозяина, и он — как биологический вид — уже вольноотпущенник вертикального времени, образующего форму его рождения в мире, форму тела и форму возможной судьбы.

Затмение матрицы бескорыстия в человеке шаблоном корыстного жертвоприношения неизбежно затрудняет реализацию высшей судьбы человека, так как оно вызывает особенное видоизменение течения света в той части человеческого, куда из возвышенной его основы проецируется кинетическое ядро достижения, — это выглядит как нарастание глубокой обездвиженности и затемнение в этих центрах тела, а так же как нарушение их беспрепятственной связи с токами большого времени и силами большой судьбы в Мироздании. Способы и цели обобществления сознания и судьбы, господствующие ныне в цивилизации, почти неодолимо влекут людей к помещению своих тел в некоторое подобие энергетических «нор», которые по сути своей глубоко отличаются от более естественного человеческого способа организации энергетической ниши в виде «дома», а тем более от свободного перемещения по жизненным полям. Гипноз неподвижности и тяга к покою как к уровню безопасности есть и результат скученности жизни, и той плотности информационного потока о жизнях других людей, которая так высока, что под её давлением с неизбежностью формируется бессознательное самоотождествление с усредненным шаблоном. Этот шаблон подменяет акт личного выбора уступкой социальному давлению. А основой границ, формирующих его, как уже указывалось, является безличный страх опыта

как бы других людей, — ограбленных, обманутых, разоренных, униженных, избитых, убитых, расчлененных или просто наказанных.

Но скука и однообразие усредненного шаблона вместе с тем очевидным до неясности образом вступает в противоречие с избыточностью, присущей и языку, и реальности. Несоответствие между щедростью жизнетворения и скупостью и скудоумием обобщественного осознания судьбы могут послужить одним из толчков для внимания сновидящего, чувствующего приросту основ бескорыстия человеческого.

По мере исследования сновидения и путешествий освобождающегося сознания эта разница между общественным земным и со-бытием в энергетической вселенной все меньше воспринимается как пугающее и тревожащее, потому что незыблемость и окончательность, как бы сквозящая из социальных распорядков, воспринимаемая в начале как естественная и родная, все больше понимается как результат игры слепых и достаточно ограниченных сил, порождающих интенсивные, но случайные — и равные между собой в этой случайности — доминанты человеческого восприятия, единственное реальное значение которых связано с их способствованием или препятствованием продолжению человечества как биологического вида.

«Поток сцепления. Просыпаясь, я приближаюсь к потоку вещей, порядку сцепления которых меня научил мой отец. Этот порядок закрепила какая-то часть моей самостоятельной жизни и другие люди. Недостаток этого порядка — в обязательном конфликте между чем-то и чем-то, во сне я не знаю, что именно должно вызывать конфликт. Я не хочу входить в этот порядок и отстраняюсь, возвращаюсь в поток порядка, который мне видится естественно моим. Я обращаю внимание на энергетическую ровность этого порядка и полное отсутствие необходимости быть враждебным к чему-либо».

6. СНОВИДЕНИЕ И НЕИСТРЕБИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ.

«Во сне я прихожу в деревенский дом, в котором жил в раннем детстве. Внутри дома неожиданно для меня все предметы оказываются цвета сухой земли, и я не хочу туда входить. Я долго сижу на глиняной завалинке перед домом и смотрю на скользящие в воздухе и в солнечных лучах паутинки. Во сне и наяву конец августа. Потом я начинаю что-то писать и будто перебираю или собираю в слова кончиком авторучки летающие паутинки».

Опыт сновидений — это прежде всего опыт бытия в реальной Вселенной, лишенной той твердости, однонаправленности, неизменности и отягощения, которые присущи нашему обобщественному сознанию повседневности. Полеты настоящего тела во сне, радость которых не сравнима ни с чем в детстве и позже, отворяют память о истинном счастье и смысле человека, как о путешествии в безграничное.

Легкость как то свойство бытия, которое откликается на желание свободы, и освобожденность как особый вид света, — эта легкость позволяет лететь навстречу самым

жестким стальным ветрам, дующим в мироздании, не изменяя направления свободного движения и творчества.

С другой стороны, особенностью человека современного, а может быть и человека вообще, является противостояние окружающей среде как одна из основ существования человека. Суть этого не столь очевидна, как это кажется на первый взгляд, и не объясняется лишь обозримыми особенностями эволюции. Затрудненная, в сравнении с животными и растениями, приспособляемость к изменениям природной среды, может быть лишь следствием чего-то более глубокого в природе человека. Намного более выраженную, чем у других биологических видов, необходимость в действиях по сохранению равновесия внутренней среды и тип человеческого противостояния иллюстрирует то, что летом человеку необходимо охлаждаться и замедлять обмен веществ, а зимой — согреваться и ускорять обмен веществ в своем теле. Кроме очевидности самосохранения, это необходимо и для способности действовать, действовать свободно от разрушительных факторов неравновесия — болезней, переутомления, преждевременного старения. То есть свобода действий человека каким-то образом связана с типом его противостояния окружающей среде.

Противостояние не обязательно означает воинственность, хотя её так много в человеческой жизни. Противостояние — это способ получения энергии равновесия, и в отличие от других живых существ земли, это — равновесие вертикальной оси сознания, свойственной в полной мере только человеку. Этот способ противостояний и связанное с ним усилие увеличивает тягу мышления к созданию негибких, неизменных и неживых конструкций, поддерживающих для него жизнь и мир. С другой стороны, сновидение хотя и может совершаться при известной сноровке и стоя, тем не менее обычно происходит при горизонтальном положении человека, и именно сновидение, как указывалось, есть основной источник памяти о легкости бытия.*

Хотя сам характер легкости бытия и полетов в непознанное, о которых напоминает сновидение, и не имеет в дальнейшем черт, напоминающих земное противостояние силам, видится, что именно опыт противостояния позволяет накопить энергию равновесия и освобожденности делающими возможным полет осознания для человечества, развивающегося после прививки ума и языка. Об энергии равновесия и освобожденности здесь можно сказать просто как о желании, становящимся достижением этих свойств бытия в результате индивидуального выбора и перераспределения своих внутренних сил. Ещё проще это можно выразить как желание не умирать и путешествовать в бесконечность свободы, желание, переходящее в действие судьбы по тому реальному мосту, который в состоянии породить наша способность сновидеть.

То жизнестроящее, что дает опыт противостояния, видимо, есть сила, позволяющая восстановить утраченную или загрязненную связь тела с высшей человеческой судьбой.

Ощущение достоверной легкости бытия утрачивается вместе с обычной утратой легкости тела, так незаметно привычной в детстве и отрочестве. По мере того, как общественный шаблон распределения жизненной энергии (имеющий форму рассеивания её от центра нашего тела на периферию и к топологическому низу тела), схватывает наше

□ Это исходное для начала пути положение вызывает к жизни и странный, но достаточно практичный совет для ищущих: проснувшись, попытайтесь вспомнить свои сны лежа, а вспомнив их, попробуйте не потерять память, принимая вертикальное положение.

сознание, меняется и отягощается наше тело, схваченное неживыми для него связями и разделениями императив ума. Суть центростремительного рассеивания на периферию тела такова, что она вызывает постоянное нарастание усилий и затрат энергии, необходимых для поддержания равновесия и противостояния. Критический порог величины такого усилия индивидуален, но, в любом случае, за этой гранью шансы тела на обретение своей достоверной целостности прогрессивно уменьшаются. В таких жизненных ситуациях только та сила судьбы, которую называют удачей, и внутренний дух человека могут помочь вернуть гармонию или хотя бы скомпенсировать саморазрушительное неравновесие и противостояние, обернув их подлинным равновесием вертикальной оси судьбы.

Другими словами, по мере проживания жизни социального шаблона и его общих путей, все больших затрат энергии требует именно удержание равновесия вертикальной оси сознания.

Бросающая вызов уму щедрость и избыточность жизни и языка, проявляющиеся множеством одновременно существующих способов и средств выражения одного и того же смысла, указывает на щедрость как на свойство силы, дарующей жизнь человеческому.

То в человеке, что при рождении не принадлежит ему, — жизненную силу и дар свободы, он, в силу характера этого дара, либо возвращает своей жизнью и смертью, либо продлевает с благодарностью в бесконечность. Потому что принятие дара есть принятие ответственности за сам дар, но не за дарующего. Так же — для дарующего: возможна ответственность лишь за род дара, но не за судьбу одариваемого.

Естественная щедрость, присущая и ядру возвышенного в человеке, актуализируется в матрице бескорыстия как орган, восстанавливающий беспрепятственную двустороннюю связь с большими потоками света в Мироздании, делающих возможной легкость путешествия индивидуального сознания в безграничности. И, видимо, лишь глубокое затмение матрицы бескорыстия умом и его линейными законами торговли вынуждало и вынуждает ищущих в древности и в наши дни прибегать для осуществления большого путешествия к услугам тех сил во Вселенной, для которых корысть, возможно, является основной неразстворимой матрицей их сознания.

«Во сне я оказался на правом берегу реки. Мир сумерек, переходящих в ночь. Контрастирующие и главенствующие цвета — черный и красный. Быстро переместившись от берега реки к подножию стены (правой стены) каньона, оглядываюсь в ожидании чего-то. Прямо передо мной в скале вырублено много небольших помещений, очень напоминающих скальный моно-стырь в Ц., но расположенный не так высоко, а сразу у места смыкания равнины и горы. Множество помещений-келий и почти в каждом — люди (по одному, по два, не больше трех). Между помещениями — множество ходов, всякие лестницы в две-три ступени, небольшие арки или столбы ворот без створок.

От места, где я стою, и до начала горы с кельями (хотя это не кельи, а какие-то комнаты для торговли), — метров 30-40. Слева от меня — большой одинокий камень, отесанный как квадратная опора для моста, высотой в два-три человеческих роста. Из-за этого камня выходит женщина, подходит ко мне, мы вместе идем к «кельям». Я знаю, что должен ей что-то показать. Женщине около 50 лет. Азиатский тип лица, черные блестящие волосы до плеч, не полная и не худая, подвижная. На ней светлый длинный плащ, на правом плече небольшая коричневая сумка на длинном тонком ремешке. Мы подходим к «кельям». В ближайшей сидит «продавец». Он сидит на небольшой подушке, скрестив ноги по-восточному. Все небольшое помещение убрано коврами: пол, стены, потолок. Перед

«продавцом» — небольшой сундук или ящик со стеклянной крышкой, она откинута в сторону. Сам «продавец» — толстый, лоснящийся, одет в просторные шаровары, рубашку и небольшую жилет

ку, очень богато расшитую. Лицо хитрое, с крупными чертами, глаза навыкате. Увидев нас на пороге, он быстро извлекает что-то из сундука жестом, каким вытаскивают и показывают платки и ткани на базарах. Судя по его жестыкуляции, он что-то демонстрирует, а моя спутница это разглядывает. Но я не вижу что: руки продавца пусты, на мой взгляд. Хотя и не совсем: иногда как будто проскальзывают очертания каких-то предметов, но они размазанны, словно не наведена резкость.

«Продавец» и моя спутница оживленно общаются. Но я ни звука не слышу. Между ними стоит небольшая свеча (единственный источник света в этой «келье»). И на их лицах играют блики. Окончив диалог, мы уходим. Покупка-делка не состоялась.

Помню, что мы заходили ещё во множество подобных помещений, и все они были чем-то схожи. Все они освещались свечами. Вокруг сновали люди (или нелюди), — различить их было невозможно. Длинное — до пола — серое одеяние, заканчивающееся сверху большим остроконечным капюшоном, закрывающим лицо. Ног из под одежды не видно, шагов не слышно. Поодиночке или группами по двое-трое они переходили, пере-скальзывали от «келье» к «келье». Не помню момента, когда моя спутница исчезла, вернее, пошла по своим делам. Просто стало легче дышать. Я шел один мимо множества открытых помещений с сидящими в них «продавцами». Все мне что-то предлагали. Но я не обращал на них внимания, их товар меня не волновал.

Пару раз чуть не упал из-за развязавшегося шнурка ботинка. Завязав шнурок заново, я двинулся дальше. По дороге ко мне ненадолго примыкали люди, приходившие со стороны реки.

Я их также провожал к «кельям» (они сами будто не могли туда дойти), и дальше они исчезали, как и моя первая спутница.

Я двигался вдоль течения реки, находившейся слева от меня, и вдоль «келий», мелькавших справа.

Становилось ещё темнее. Потом, вдруг, местность стала быстро удаляться от меня. Земля ушла вниз. Я был в воздухе, перемешаясь, словно кто-то тянул меня за затылок назад и вверх. Тела я уже не ощущал.

Потом я вновь завис в точке пространства, откуда была видна вся долина с каньоном: оба берега, обе стены и река внизу. Все было залито золотистым светом, цвета золотой осенней листвы. Лишь в месте, где был город «келий», на правом берегу у подножья стены, лежала темно-серая тень, — там все было в серой непонятной дымке. Я почувствовал, что покидаю это место, и тут я услышал голос: «ТРЕНИЕ ЕСТЬ НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ДЕЙСТВО ЭТОГО МИРА».

Когда неуловимое и манящее воспоминание о чем-то настоящем сияет ровным светом смысла и чистоты и очевидно мелькает в памяти, но остается недоступным как золотая крепость за рвом без мостов, — самое время отправиться в путешествие, которое начинается отсюда и навсегда, — в путешествие, которое называют и сновидением (хотя это и не самое точное слово для того, что никак не связано со словами хотя бы потому, что для этого нет нужды спать), — достаточно ощутить нечто большее в том присутствии, которое есть мы и мир, и позволить этому начаться и произойти и, ощутив странное дуновение, раствориться с легкостью в путях и потоках, ветрах и течениях, сообщающихся между собой и

отворяющихся в световые просторы и бездонную немоту живой Вселенной, пронизанной токами пронзительных и достоверных чувств и большой судьбы Происходящего в неизвестности, имеющей иной, нежели наша речь и мысль, порядок и последовательность; и, снимая покровы местного языка, как раздеваются перед морем, обнажая живость и слитность смысла, простота которого не отражается ни в одном из зеркал, потому что у него нет второго — он не симметричен, а жив, — распугав и распустив сети речи до огромных зияний, несговорчивых к туземным наречиям, наше тело радуется досягаемости невыразимым, доступностью для великого, возвращению и возобновлению Путешествия, которое и есть то, что так неуловимо манило и сияло в нашей подлинной памяти.

«МНЕ СНИЛОСЬ, ЧТО ИЗ БЕЗГРАНИЧНОСТИ, В КОТОРОЙ СУЩЕСТВУЕТ НАШ МИР, СПРАВА НАДВИГАЛАСЬ НЕОПИСУЕМАЯ ТЕМНО-СИНЯЯ БУРЯ. ЗАТЕМ ВРЕМЯ ЕЁ НАСТАЛО. И МЫ ВСЕ ПРЕВРАТИЛИСЬ В ЛАЗУРНЫЕ ОГОНЬКИ ПЛАМЕНИ В ЗОЛОТИСТОМ ОРЕОЛЕ.

И ПОТОМ ОТТУДА, ИЗ ОГРОМНОСТИ, В КОТОРОЙ МЫ ОКАЗАЛИСЬ, МЫ ВИДЕЛИ ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ НАШЕГО МИРА: НЕСКОЛЬКО АРХИПЕЛАГОВ КРОШЕЧНЫХ ЗОЛОТЫХ ОСТРОВКОВ НА БЕСКРАЙНЕЙ И НЕПОСТИЖИМО ТЕМНО-СИНЕЙ ПУСТОТЕ, — И ЭТО БЫЛО ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ НАШЕГО МИРА».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Язык образов и присутствий сно видения не сводится механически к языку слов и видения, организующегося и развивающегося через него. Потому что сно видение это: минимально — видение мира с другой позиции, при другом свете, из других пространств, максимально — видение других миров и Иного.

Это не значит, что язык снов и сно видений имеет исключительный доступ к Иному, но он обладает особенной — собственной ясностью, собственным качеством материальности и красоты, собственными сновидческими культурами стран, народов или других сновидческих общностей, и собственной историей и, может быть, Историей. Сно видение есть действие.

ТРАНСПОРТ

В различных снах достаточно часто фигурируют средства передвижения: от велосипеда и автомобиля до корабля и самолета. Их значение достаточно прозрачно: они символизируют сумму способностей, сил, знаний, которые позволяют ускорять продвижение к цели, т.е. сокращать расстояния или сжимать время.

В конкретных случаях интерпретация всегда зависит, естественно, от конкретных особенностей сна и индивидуальности сновидца. Прежде всего необходимо попытаться осознать более или менее абстрактную структуру сновидения: от чего, к чему, посредством чего.

Затем, если интуиция или безотчетное или внутренний голос еще не подсказали на безмолвном уровне основное значение сна, продолжаем рациональный анализ.

Например, существенное значение в снах с транспортом имеет факт исправности или неисправности, к примеру, автомобиля; ваш он или чужой, его цвет и т.д.

По поводу средств передвижения добавим лишь, что особенно важны сновидения с коллективными видами транспорта — самолетами, кораблями — в них зачастую решаются

узловые моменты посю— и потусторонней судьбы (особенно если речь идет о корабле, построенном вашим отцом, а отец ваш — плотник).

Кроме того, следует иметь в виду, что персональный транспорт в сновидениях имеет в своей символике оттенок искусственности, он, если угодно, выполняет роль костылей, протезов, в нем есть момент использования внешних структур и сил.

Более желательны модификации внутренние, позволяющие ускорять продвижение. Поэтому достаточно редко встречающаяся у сновидящих серия снов с инволюцией средств передвижения (от автомобиля к велосипеду — к детскому велосипеду — к передвижению посредством ног)* может расцениваться только позитивно (в смысле углубления последствий посещения и становления, так сказать, на собственные ноги).

АВТОМОБИЛЬ, ВЕЛОСИПЕД, КАТЕР (личное транспортное средство) АВТОБУС, САМОЛЕТ,

ТЕПЛОХОД (общее транспортное средство) — способ самоорганизации, если речь идет о личном транспорте сновидящего или другого человеческого существа. Это способ действовать и, отчасти, способ воспринимать события. Необычность транспортных средств (ковер-самолет, космический корабль) говорит об экстраординарности опыта, что, впрочем, для кого-то может быть делом привычным, и для таких людей это только свидетельство дистанции между их жизнью и жизнью большинства людей.

Качества всей этой техники есть уже качество событий и свобода относительно нее — это свобода выбора правил собственного существования. В случае с общим транспортом — это видение силы в большей степени организующей ваше (и не только ваше) восприятие и бытие. Взаимодействие с этой общей принадлежностью может быть позитивным и негативным (как для вас, так и для общности или «хозяина» этой общности).

На практике трудно знать всегда (стремиться к чему весьма желательно) полную структуру механизма и что он или его «хозяин-управляющий» берет за услуги. Лучше знать, что вы хотите дать обществу и есть ли у вас это, чем вы обязаны обществу и, чем вы ему не обязаны, какие у него, по вашему мнению, долги перед вами и как, на сегодняшний день или вообще, соотносятся направления судьбы — вашей и общества. Уточнение: «общество» — это, как правило, то, что вы знаете об общем и те его части, которые вы принимаете или не принимаете.

КОТЫ И КОШКИ

Эгоистические сексуальные намерения (захваты). Иногда так видятся силы, давно уже не принадлежащие никому из людей в конкретности. Вряд ли возможно назвать их самостоятельными сущностями, но имеющими свою волю — несомненно. Силы, стоящие за подобными образами, не любят ясности и даже агрессивно отстаивают свою питательную среду — ложь и двурушничество — буде таковые имеются как во внутреннем мире человека, так и во внешнем. Они ненадежные товарищи и попутчики, так как *всегда* преследуют собственные цели, стараясь сделать это за ваш счет. Они избегают людей ясных и целостных, среды смертельного для них внимания (если слово «смертельно» применительно к тому, что никогда не существовало *действительно*). Будучи растворенными в личном или коллективном несознательном, эти силы ощущаются с некоторым отвращением, доходящем

□ Иногда инволюция (упрощение) транспорта в этой серии снов совпадает с возрастной инволюцией, что служит также знаком весьма позитивных перемен, которыми, однако, поначалу достаточно трудно научиться пользоваться.

до физической тошноты в периоды их проявления. При трактовке образа имеет значение — дистанция между сновидящим и «кошкой», ее цвет, направление взгляда, ее действия, откуда она пришла и куда ушла, а также эмоциональное и физическое самочувствие сновидящего в течении последующих полутора дней.

КРОЛИКИ — сексуальность. Энергия, еще не ставшая намерением, волей. Всегда предшествующее в светимости существа качество, о состоянии которого можно судить по внешнему виду «кроликов» или им подобных и по способу организации их «жизненного» пространства (ограды, пастбища, клетки, сараи и т.д.). Хорошим признаком является трансформация этого образа в нечто другое, например в птиц, поскольку это свидетельство свободного перетекания энергии из одного способа существования в другой.

НОЖЫ, МЕЧИ, САБЛИ, ВИЛЫ, ПИКИ и прочие колющие и режущие предметы — агрессия, разрушительные намерения. В этих предметах в сновидении есть сила, которая может принадлежать действительно овладевающим ими (а не наоборот). Холодное оружие может быть знаком воинственной целостности, боевого духа сновидящего или видимого во сне. Для сновидящего имеет значение уровень проходящих или сопутствующих ему сил: ножи темных личностей из подворотни и меч воина, чья безжалостность — как ледяной души (это не только разное качество сил, но и разные направления творимой судьбы). Если нужен враг, и если вы вольны его выбирать, то враг должен быть достойным по крайней мере времени вашей жизни, которое он занимает. При трактовке сна обратите внимание на освещенность пространства, в котором вы увидели эти предметы, их положение, качество их как вещи, и на действия, совершаемые ими.

ГРУЗ (чемоданы, сумки, рюкзаки, корзины, пакеты, грузы, которые вы перевозите на личном или общественном транспорте) — энергия какого-либо действия, чувства или мысли; то, что должно быть разрешено или оставлено (что тоже означает решение отношений с чем-то, отжившим свое). То, что было когда-то только Силой, пробуждается к тому, чтобы потерять или изменить свою форму, и в видении тяжести — шанс легкости, в осознании старого — присутствие другого, наступающего.

МАШИНА (в широком смысле) — установленные правила, порядок.

Полностью закономерные процессы ограничены и поэтому видение машины целиком, предположительно, ближе к бытийности свободы, чем срастание живого с каким-бы то ни было механизмом. Наблюдающий закон — вне закона, ясность и загадка — его единая точка жизни.

ПТИЦА

С человеческой точки зрения птица — это прежде всего парадокс свободы перемещения плотного в тонком (разреженном) в сторону топологического «верха» Мира. «Как птица в небе» — степень свободы большая, нежели «как рыба в воде», которая, в свою очередь, больше, чем «зверь на воле».

Крылатость ангелов и иных архетипических «тонких» сущностей есть особенность их формы, неотделимая от их большей степени свободы. Энергетически, возможно, крылья соответствуют «крыльям восприятия», «энергетической спирали дуплекс-сферы» и т.д. В любом случае качество, отождествляемое с крылатостью, для человеческих существ возможно лишь как результат внутреннего преображения.

Выделим четыре основных типа птиц, врывающихся время от времени в наши сны:

— птицы-вестники, приносящие вести из будущего и иных миров (во снах это часто голуби);

— птицы, уносящие сновидца с собой в небо, в высь, к счастью, к свободе (чаще всего во снах они не похожи ни на один земной вид);

— птицы, несущие наказание, возмездие как бы сакральных сил, просто разрушение (обычно это темные птицы, падающие сверху, иногда — иные мерзкие крылатые твари, например, «птица, питающаяся человеческими глазами»);

— птицы, о которых можно сказать, что они отражают то, что мы называем нашей душой (обычно это небольшие белые птицы, хотя возможны вариации).

В целом сновидческая орнитология — достаточно обширная область, и некоторые сновидения о птицах давно вошли в культуру и мистику всех народов (Гаруда, Сирин, Феникс, Гамаюн, Майастрэ и т.д.).

Реальные птицы в сновидениях* достаточно часто, по всей видимости, являются зондами других миров и измерений.

Можно предположить, что за время существования человечества образовались некоторые устойчивые каналы, которые можно определить структурным анализом исторических архетипов зондов и их изменений соответственно разворачиванию модальности времени, т.е. при помощи ксенологического исследования.

В случае птиц, разные птицы приходят из разных миров за разной добычей. Они могут дать различное знание и различные изменения (восприятия) реальности, взывая соответственно различную «плату».

ПСИХИЧЕСКОЕ И СНОВИДЕНИЕ

Старый, больной наркоман, уснув в грязном, полузатопленном водой подвале, просыпается на огромной, ослепительно белой кровати. Он оглядывает высокие потолки, покрытые прекрасной мозаикой, огромный зал, видит в глубине зала огонь в камине... в общем все очень роскошно и изящно. Вдруг рядом с собой, на постели, он замечает записку. С содроганием сердца он берет ее и читает: «Прощай! Уехала навсегда. Твоя крыша».

1

Работа снов — это естественный способ возвращения целостности. Работа сновидений — способ постоянного расширения сущностной целостности, которая уже есть, осознается, которая достаточно устойчива и незакончена.

Есть мнение, что здоровому и психически уравновешенному человеку сны не снятся. Согласно этому мнению, для спящего естественно быть закрытым от пространства и мистерий, происходящих в прошлом, настоящем и будущем. Здесь здоровье понимается как гармоничная ограниченность.

---

* т.е. во снах, не являющихся иллюзорными

Появляется разделение на здоровье* растущего сознания и сознания, остановившегося в своем обучении. И для того, и для другого болезнь, это закрепленная энергия, это фиксация тела на тех энергиях, которые оно не в силах сгармонизировать, просветить. Нет полностью остановившегося, умершего для познания человека — и здорового. Ибо это и есть самая страшная изначальная болезнь. Даже мертвые, не видя снов — видят жизнь Иного.

Уравновешенность лежащего камня, под который вода не течет, и уравновешенность летящей стрелы — примеры, одни из многих, типов психической устойчивости.

Как бы сильно — инстинктивно — наше существо не стремилось к уравновешенности и покою, для непрошедшего мистерии времени и пространства, Игру жизни до конца, до обретения права и знания выйти из этой игры, уравновешенность — только прикосновение к окончательному. Принятие такого равновесия, равновесия в числе других состояний, и неидеализация его — есть другой тип равновесия.

2

И сны, и сновидения — это наши реакции на силы или Силу. Фокусировка на снах, свойственная психологии, подобна умению ставить паруса и забрасывать сети. Знание же характеристик ветра и возможностей встретить косяк рыбы — подобно тому знанию, открытие которого именуется магией (*подробнее тема сновиденческой магии рассмотрена отдельно*).

Вглядываясь в Настоящее, мы ощущаем и признаем неметафорическую реальность внутреннего путешествия, путешествия сознания. Принятая психическая текучесть лишает возможности однозначной оценки мира, поскольку есть знание, что любая оценка соотносится только с той частью мира, которую мы знаем. Что не означает отсутствия уверенности в существующих оценках.

Внутреннее одиночество, сопутствующее знанию Происходящего, сокровенного пути и его непредсказуемых открытий, лишает уверенности коллективной безопасности. Для отправившегося в путь (или осознавшего себя в дороге, которая «длиннее, чем жизнь») не исчезают места общей силы, но меняется его положение относительно них и они для него недостаточны. Уязвимость на этом этапе роста компенсируется теми тайными силами жизни, которые оберегают всякое рождение.

А позже открываются более удаленные источники жизненной энергии, и, как следствие, новые способы общности и новое качество желания жить.

3

Риск сновидца в том, что он оставляет привычные формы существования и получает возможность в лучшем случае не вернуться к ним таким же, каким он был, в худшем — не вернуться вообще.

□ Некоторые виды душевных расстройств подобны боли раскрывающейся раковины — еще не знающей в себе жемчужину, но уже прикоснувшейся и содрогающейся от тока Силы и пустоты между «тем» и «этим».

Незнание того, где мы бываем во сне, не защищает от подмен и искажений во внутреннем мире, совершаемых в нем силами разных качеств и миров, а также нами самими. Метаморфозы, происходящие со спящим и погруженным в собственное невежество, не всегда в интересах его самого.

Когда мы встречаемся с отнюдь не метафорическими силами, удерживающими сознание в их собственных границах, мы понимаем, что неправомерно рассмотрение по крайней мере некоторой части психических проблем, как сугубо индивидуальных. Наша обусловленность и ограниченность — это характеристики той части общечеловеческого дома, которую мы занимаем и переступить границы которой мы не можем, не хотим или не имеем права. Именно качество нашего существа или отождествление с тем из них, которое нам знакомо, удерживают нас в определенных зонах жизни, в каком-то способе жить. Удерживают как ничто другое.

4

Психология, особенно ее популистские формы, всегда делала акцент на исследовании снов как способе выискивания человеческих слабостей и их корней. В научной традиции не привился вкус к выслеживанию источников психической силы.

Поразительно, но эта «малость» — возрождение в нигде всего человека, вплоть до самых тонких его дыханий — обделена вниманием. Мы живы только потому, что существуют эти самые «закадровые» источники жизни.

5

«Я еду в троллейбусе, ко мне подходит человек, одетый в темные одежды. Он начинает меня избивать. Я помню, что это сон и считаю, что лучшее, что я могу сделать в этой ситуации — это позволить случиться всему.

Еще некоторое время образ человека сохраняется наравне с болью от его ударов, потом он исчезает и остаются только очаги боли — тут же во сне я вспоминаю, где и когда началась каждая из них.

Боль была очень конкретна — локоть, ребро, точка на ноге — и почти нестерпима. Я прилагал усилия, чтобы не проснуться.

К человеку, с которого начался этот сон, я не испытывал никаких чувств. Что-то во мне ни на мгновение не верило в его реальность. Я знал, что это лицо моего страха».

Иногда обострение внутренних проблем человека только предшествует действительным изменениям, движениям наших глубин, которые происходят под давлением Силы.

Эти напряжения — как и чрезмерные восторги, восхищение, то есть как и некоторые положительные аффекты — следствия энергетических «пробок», перекрытого «русла». Они есть то, что проходит, а движение — продолжается. Акцент на этом необходим, так как один из основных уроков сновидения — это умение отделять то, что проходит, от дыхания того, что есть всегда.

Вся эта книга — попытка указать через то, что проходит, на то, что сопутствует нам всегда и на то, как оно меняется.

В нас есть зацепки, направления множества тем, в том числе и секс*, которые давление Силы инициирует и проигрывает — и уходит дальше. Знание пройденных дорог остается в теле идущего. Перспектива каждой из начинающихся дорог, ее качество света — может вызвать в нас страх, желание или стремление к движению, может вытесняться подсознанием, сводить с ума, стать всей жизнью.

Также как в склонности пугаться и не желании открытия сексуального уровня взаимодействия, в движениях снов участвуют давление Силы, — и как воли, и как чувства, и как мысли. Не разделенное на составные части, все это и нечто гораздо большее, чем потока жизни, есть проявления чего-то, терпеливо ожидающего, или требующего пропустить его через сознание, пробудиться в нем. Как бы не называть это — Сила, дух, нагуаль — его дыхание поддерживает жизнь в явленном и ведет нас дорогой познания, бесконечных направлений.

СНЫ НАЯВУ

Некоторые люди имеют врожденную, по всей видимости, способность сновидеть наяву, в чем они редко дают себе отчет.

«Со мной происходили такие штуки: я гуляла или ходила по своим делам, обычно на закате или в сумерках, по старым районам города и там видела многоэтажные здания, которые в тот момент воспринимала как само собой разумеющееся, хотя потом — во время прогулок по тем же местам днем —убеждалась, что на самом деле их здесь нет.

Спустя какие-то годы — пять, семь, десять лет я попадала в те же места, и многоэтажки стояли там уже наяву, на месте снесенных строений».

Возможны и инверсии в прошлое (с точки зрения сновидящего) время:

« Я много лет не рассказывал этого, боясь, что меня сочтут сумасшедшим. Мне было тогда года двадцать два. Я учился в университете и на выходные поехал к родителям в провинцию. В понедельник утром я стоял у кассы автовокзала в очереди за обратным

□ Если работа сексуального центра человека как энергетического источника снов достаточно изучена, то энергии, которые приходят через другие центры (чакры, как начальная карта), либо игнорируются, либо трактуются неадекватно.

билетом. Стоял пасмурный ноябрь, лужицы были затянуты льдом. Боковым зрением я заметил смутно знакомые фигуры двух подростков. Повернув голову, я вначале похолодел, а затем во мне включилось полное безразличие, мой инстинкт самосохранения всегда так проявляется в очень опасных ситуациях.

Дело в том, что двое подростков были моими бывшими одноклассниками, с которыми я виделся последний раз в УІІ классе, когда нам было по 14 лет, —я переехал в другой городок и никогда больше не встречался с ними. Проблема была в том, что они не были бывшими — им было по 14 лет и они были одеты по тогдашней моде — расклешенные от бедра джинсы местного производства, яркие рубашки. Они были одеты по-летнему, и им, вне всякого сомнения, было по 14 лет, т. е. они в данный момент пребывали в 1976 году, всего в 45 км. от своего родного городка.

Они приблизились к кассе, пройдя в полуметре и скользнув взглядом по моему лицу. Они меня не узнали, я был близок к обмороку, и затем в течение нескольких дней старался не думать о происшествии и почти забывал его ».

ТРИ ПТИЦЫ

С криком она проснулась ото сна, в котором какие-то военные галдели и перемещались прямо у ее постели, и позвала дочь.

Последние полгода она, 86-летняя старуха, в основном провела в старинной темного ясеня кровати, купленной ее единственным мужем в самом начале их совместной жизни, — с глубоким овальным зеркалом над головой, встроенным в высокую резную спинку кровати, в захлавленной, запыленной и грязной светлой комнате с двумя окнами во двор, с белой печкой, которую иногда топила ее дочь, так походившая на своего отца, так и не вышедшая замуж.

Иногда в комнату к ней заходил и друг дочери, которого сама старуха называла своим сыном, — он был очень похож на ее мужа, и за последние два года она привязалась к нему.

За день до Нового года, пробираясь ранним утром сквозь захлавленный коридор в туалет, дочь обнаружила на полу под дверью старухи пушистое светлое облачко. Рассмотрев его поближе, она похолодела: это были свежесостриженные седые человеческие волосы, а не просто клоч овечьей шерсти, как ей показалось вначале.

Самые сумасшедшие объяснения мигом пронесли у нее в голове, но оказалось, что это не волосы старухи (у нее они были значительно блее), и не проявление колдовства (они не источали никакой дурной силы). Происхождение их так и осталось полной тайной для всех, словно они случайно упали в их коридор из иного пространства, оброненные неведомой птицей.

Спустя несколько дней прибежала взволнованная и перепуганная подруга и после долгих и запутанных извинений поведала дочери и ее другу о том, что некая ее знакомая ясновидящая на вопрос о волосах ответила, что это как-то связано с матерью, с тем, что она как бы таким образом (а также каким-то образом и ранее) препятствует дочери выйти замуж, страшась беспомощного одиночества. Версия произвела оглушительное впечатление на дочь и ее друга, поскольку совершенно не совпадала ни с характером, ни со способностями

старухи, которая в каком-то смысле безусловно была святой. В это время послышался крик старухи. Вернувшись от нее, дочь рассказала, что старухе только что приснился сон, в котором черная птица из выси кидалась на нее, пытаясь, как она выразилась *разбить* ее, отчего она с криком проснулась.

Друг стал настаивать на том, что, хотя версия ясновидящей фактически является полной чушью, тем не менее она каким-то образом коснулась реальных вещей в этом странном доме. Дочь и друг признались друг другу, что последнее время у них независимо возникло чувство того, как если бы все время в этом доме некто бесконечно мудрый, сильный и тонкий играет с ними в поддавки, подыгрывая им как детям, и делает это крайне тактично и тонко, чтобы ни в коем случае не обидеть самолюбие детей. Это чувство у обоих было настолько странно сильным и реальным, что складывалось впечатление, что этот Некто — больше чем старуха со всей ее святостью.

После сна с птицей состояние старухи резко ухудшилось. Знакомая врач, прослушав ее стетоскопом, диагностировала пневмонию. Участковый врач сказал, что речь идет о сердечно-сосудистой недостаточности. За этим последовали три недели, когда дочь и друг почти не спали: инъекции следовали одна за другой, много раз исчезал пульс и давление, спасали только уколы адреналина и сердечных.

Она хотела жить. В один из дней с полки в коридоре упал с грохотом коробок с ее белыми лаковыми, почти не ношенными туфлями.

Среди бессонных дней и ночей в невообразимо захламленном доме друг уловил некую закономерность в приступах резкого ухудшения у старухи, а затем физически проверили эту закономерность тонометром. Ее состояние остро ухудшалось с точностью до минут в те моменты, когда он, решая внутреннюю проблему о своей роли в этом доме, который, как он чувствовал, каким-то образом захватил его, склонялся к решению отойти от проблем и странностей этого жилища. В это время у старухи — у нее было три имени — Ольга, Галина, Геня — резко падало давление и исчезал пульс. Он поделился своим открытием с дочерью, и они вдвоем с тонометром в руках убедились в достоверности его наблюдений.

Тогда он принял решение до конца участвовать в судьбе старухи и изменении дома.

Старухе сразу же полегчало. Она стала говорить, что когда выздоровеет, станет делать всю работу по дому, чтобы дать возможность дочери и другу заниматься своими делами. Она опять стала с юмором прихорашиваться, когда друг входил в ее комнату, и говорила при этом, что ведет себя, как если бы он — ее первая любовь, хотя на самом деле она была последней.

Она действительно стала лучше себя чувствовать. Приехавший с портативным прибором кардиолог, один из лучших в городе, расшифровав ее кардиограмму, с удивлением констатировал, что ее сердце работает как у восемнадцатилетней девушки и, что нет необходимости ни в одном сердечном лекарстве. (Между тем, предыдущая кардиограмма пятилетней давности свидетельствовала о серьезных изменениях в тканях сердца).

Дом тоже стал меняться: комната старухи, благодаря свежим занавескам и вышитым льняным шторам стала походила на ту, какой она была, когда это был бесконечно чистый, уютный и гостеприимный дом. В коридоре снесли ненужную печь и стали готовиться к ремонту на кухне.

Дом, как парусник, стал разворачиваться во времени, беря. новый курс, вновь наполняясь светом.

По ночам уже можно было спать.

Однажды днем они услышали очень необычное птичье пение во дворе. Они вышли на крыльцо. На дереве, в профиль к ним, сидел удод, невообразимый среди зимнего города.

В один из вечеров впервые за все последнее время друг с совершенно спокойной душой ушел ночевать к себе, к друзьям, у которых он жил тогда. Он наконец, с наслаждением и промедлением принял ванну. Еще до того, как лечь спать, он почувствовал как стал заполняться безмятежностью и теплым спокойствием.

Утром его разбудили, сказав, что звонила дочь старухи: с матерью очень плохо, она вызвала «скорую», возможно, это конец.

Когда он приехал, старуха, запрокинув источенное светом лицо, уже лежала неподвижно, накрытая шубой. Левое ее плечо и грудь были обнажены. Окно было открыто. Он хотел было прикрыть ее худенькое невесомое плечико. «Не надо, ей было так жарко перед этим»,— сказала дрогнувшим голосом дочь.

Старуху похоронили через сутки по обычаю, некогда принятому ею вместе с вероисповеданием мужа. Все складывалось, будто своим невидимым присутствием она продолжала стараться не доставлять много хлопот: все успевалось вовремя, удавалось найти все необходимое, даже продавцы в продуктовых магазинах часто ошибались не в свою пользу.

В комнате и в доме не было запаха тлена. По обычаю тело старухи лежало в саване на полу, ее лица не было видно, и во всем доме было необъяснимо легко и светло.

В ночь перед похоронами другу удалось подремать полчаса. Ему полуприснилось полупригрезилось, как вначале некто показал ему древнюю глубокую книгу, и он знал во сне, что это книга бытия, и перелистали перед его взглядом некие определенные страницы и он читал их, а затем ему показали другую книгу, и она была как бы книгой судеб старухи — он перелистал всю ее книгу, и было что-то еще, чего он никак не мог вспомнить.

Приблизительно через девять дней, сидя вечером с несколькими друзьями в бывшей комнате старухи, он, дочь и приехавшая из другой страны их подруга внезапно одновременно услышали странный звук слева: реально-нереальный, громкий и беззвучный одновременно крик как бы удаляющейся чайки, улетающей навсегда куда-то на Север, пронзительный, далекий, исчезающий.

***

От всего этого его отделяет как бы прозрачный колпак, внутри которого с ним (со сновидящим) абсолютно ничего не происходит. Его начинает утомлять эта ситуация, он встает и спрашивает, запрокинув голову к небу и сложив ладони рупором:

«А мне, а мне что делать?». Сверху незамедлительно и громогласно отвечают с некоторым раздражением: «А ты — сиди! Когда надо будет — скажут!»

***

Сон был о долгом, мучительном и кропотливом труде: мы поднимались в горы — это продолжалось годами — сквозь невообразимые опасности и препятствия. Когда мы дошли до 2/3 горы, все стало легче и вдруг распахнулось в радость освобождения — высокие светлые горы, ясное благодатное небо, чувство возвращения к заветному.

Оставив здесь остальных, я с кем-то еще должны были спуститься опять вниз, за теми, кто остался там. По мере схождения время замедлялось, дробилось, уродовалось. Те, кого мы должны были спасти, были захвачены страхом: места людей занял кто-то другой, — агрессивный, изоциренный, зверски жестокий и в этом — беспредельный. Они (захватчики) пришли откуда-то с левой стороны мира у подножья.

По пути мы пробирались через адские засады и заставы. Некоторых уже невозможно было спасти: их души и светимость настолько были захвачены и поражены страхом, что они не могли уже слышать зова освобождения — они не слышали и не понимали нас, в них царствовала только жуть, они не помнили.

Немногих удавалось провести через все засады и взойти с ними в гору. С каждым это продолжалось годы. Затем я опять спускался с горы и с каждым разом это становилось все опасней, и через годы я приводил в горы следующих беглецов.

...оберни мое имя иными
дорогами. Спальни все более странных
руин золотисто-ржавых эпох
и миров. По дороге отсюда
сюда прибывают в обратном времени
рассыпающиеся слепки странников
в бронзовой пыли, как камикадзе
света. И другие Неназываемые —
древнее самих себя — проникают
в протоки, ущелья, трещины
в небесах.

Оберни мою память цветущим
жасмином, из каждого цветка
которого растет куст цветущего
жасмина, из каждого цветка
которого...

как движение ящерицы — обратное
время за тактом. В лето Господне
такое-то мы оказались совсем
не одни, — обратное переселение, пересечение
на остановках в пути население снов
варит еду на кострах. Дома
возвращаются домой, отпустив этот дым,
этот запах бродить по бескрайним ничьим полям

замедли свет твоих уроков
во времени твоём я жив
где знаю счастье и другое
какою ночью не ложись
мотаю я такие сроки
и никогда не отдышусь
не надышусь
во времена
твои
где жив я
и жизнь была
уже не школой

***

не спи на закате
среди плоских земель
среди глиняных холмов
одиноким скрип птиц
в тишине
душу
выманивает
не спи на закате
не спи
вор вынимает душу
земля крадет тело
не спи
на земле

***

... запомнив мел твоих уроков,
и земли, и в кристальное окно
текущий свет — рассветов череда,
очередность пастухов, чертополоха
пушинки воздуха. По мере
вспоминания закат все больше
разгорается над теменем, макушкой.
Гуденье света беззвучно
сгущается, твердеет. Птицы
хрустальных сфер неизвлекаемых
корней мелькают, как вспышки стробоскопа...

СКАЗКА ПОТЕРПЕВШЕГО КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

... и лишь сердце его было ему другом.
и наконец в одну прекрасную ночь

небеса расступились над сном его
и янтарные гроздья миров светились
в живой пустоте по стороне левой
неизмеримого проема
расступавшегося перед ним мироздания
и бесконечной высоты слоистые горы и плато
как на плотах плыли справа
и мерцали белизной цветы вишни
в ночных садах ведя его сердце все дальше
все ближе по тихим дорогам
по дымным дорогам по водам безмолвия
и поводыри сменяли друг друга
и вишни созрели уже
и он почти вспомнил
когда под другими звездами
август наступал звездной пылью поденок
на желтый свет фонарей
в тишине ночей
он почти просыпался
на бесконечной темной безмолвной свежей вечной воде
в одном из кругов света
расходившихся неизменно
от сердцевины света
он почти просыпался
но почти не помнил где он хотел бы проснуться
и потом он проснулся

***

как это происходит? Нечто, погружаясь в поток,
становится жизнью — например, растением
или январским вечером кто-то идет в кино,
иногда не присутствуя здесь из-за силы течения.
безмолвны начала зрения — говоришь о любви,
где ты можешь и есть, и спать, и оглянуться, сказать «вернись»,
но однажды приходит ветер и ты слышишь «фр-р-р»
после которого как бы воздушный шар
отпустив канаты, сбросив балласт устремляется прочь,
я сказал бы «в ночь», но, по-правде, не видно куда.
Говорят это путь домой и в такой дали
нечто во мне на это отвечает «да»

***

летающий в сумерках или в тумане
на малой высоте, ты сохраняешь тень
и в этом шанс вопроса о природе

летающих. Сначала вертикально,
как помнится, ты выскользнул из дома,
на некой высоте возможен интерес
к тем мастерам, что извлекают сцены
подобные твоей из ткани бытия.
Ты можешь где-нибудь на землю опуститься
учись ходить, но обходя загадки
пропеллеров и прочих турбулентов,
что сохраняет целостность тех тел,
вообще-то невозможных, но так зримы
их наблюденья местностей пустынных.
Там можно встретить девушку с приятным,
чуть отрешенным голосом. По цвету
ее глаза — как черные маслины;
учи ее летать, если захочешь,
или спроси: «Не знаешь ли какую
имеют власть здесь крики петухов?»,
но не пытайся продлевать знакомство —
с предметом, человеком или птицей —
до появления ветра. Пункт изгнания
возможно так себя проявит, ты теряешь
при этом силы, приближая возвращенье.
Узнай о чем угодно — о себе,
о времени, о мире, о баранах
наших. Важнее как вообще
ты оказался здесь, такой красивый.
Потом все меркнет — можешь попытаться
вцепиться в ощущение в даль скользящих
мгновений, что уже впадают
в другие реки, как и ты — летящий
обратно. Тайна вдоль пути,
в отличии от «там» и «тут», не расставляет
силков; тех птичек слышен «фр-р-р»,
что неизвестно где летают по ночам...

***

... там, где начинается невозможное,
где едва различимы
очертанья предметов и тел
откуда-то приходит
запах серебряных полей,
пронзительно ясных,
теряющихся во тьме,
ты движешься сквозь них,
благодаря им,
долго — как для всего настоящего,
нет времени,
которым можно было бы назвать этот срок -
и тот, кто тебя ждет
уже смотрит на твою жизнь
в твои глаза
и ты почти видишь его

когда невозможное
пребывает в золотое свечение
того, что действительно есть

...мы знали друг друга, но ночь была между нами
и кто-то еще
мы смотрели на парки и видели темноту.
тревога жила в ветвях,
в медленных дырах прогалин
открывалась тревога
и кто-то еще
я возвращался в то время когда я был молод.
Оно изменилось с тех пор, места для людей
занял кто-то другой
мир, который я вижу,
утратил прочность
ничто в нем не будет таким же как раньше
будто смерть отпустила живот мой и странный комок
в нем таял как зуммер в домах на окраине города,
как февральская ночь,
как запах,
как тот,
кого я давно ожидаю.

ПОЗИЦИИ СНА

Практика показывает, что вопреки расхожим мнениям о том, что лучше всего спать головой на Восток или на Север оптимальная ориентация тела во время засыпания — вещь очень индивидуальная и нерегулярная.

Практически это выглядит следующим образом:

— оптимальная позиция тела для отдыха и восстановления сил во сне далеко не всегда является подходящей и для практики намеренного сновидения. Прежде, чем лечь спать, лучше подумать, для чего мы это делаем в этот момент.

— наилучшее положение тела относительно сторон света зависит от места, где мы спим, от времени суток и времени года, от нашего состояния и от своеобразия нашей энергетической структуры в целом.

— для восстановления сил имеет смысл попробовать поспать головой на Юг или Юго-Восток; для глубоких и дальних сновидений — головой на Север или Северо-Восток; для облегчения контроля за снами — головой на Восток; для очищения и трансформаций во сне — головой на Запад и Северо-Запад.

— вопреки распространенному мнению, спать, дремать и сновидеть на закате можно, но для этого нужно иметь достаточно внутренних сил и хотя бы небольшой контроль за фазой засыпания. Оптимальное положение тела при этом — головой на Запад или Юго-Запад. При наличии указанных вещей сон на закате может дать много сил и глубоких знаний.

Засыпание на правом боку может способствовать исследованию скрытой стороны нашего повседневного мира и глубинных мотиваций наших обыденных отношений;

— на спине — исследованию тонких и дальних мотиваций нашей судьбы, ее происхождения, и человеческого мироздания в целом;

— на левом — столкновению со странными, неопишными, иногда угрожающими сторонами нашего мира и других миров, а так же с нашими нечеловеческими сторонами;
— на животе — исследованию глубин и первоисточников витальных сил; сны воли.

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ, ЧУЖИЕ СРЕДИ ЧУЖИХ, СВОИ СРЕДИ СВОИХ

(ксенологическая классификация человеческих типов)

Ксенология* только начинает выделяться в самостоятельно оформленную науку, хотя совершенно очевидно, что все духовные и научные искания и самопознание человечества на протяжении всей его истории, в том числе и постантропоцентристской, основывались именно на ксенологических дихотомиях: известное-неизвестное, наше-чужое, человеческое-нечеловеческое, здешнее-Иное и т.д.

Более того, рациональная история** человечества является продуктом этих дихотомий. Другими словами, во все времена своего существования человечество и люди сущностно самоопределялись при помощи отождествления себя с «человеческим» и разотождествления (переходившим, зачастую, со временем в отождествление, как продолжение себя в неизвестное) с чужим, «нечеловеческим»***

Однако, в отличие от всех остальных наук, достаточным основанием для существования которых является неочевидное в силу своей вопиющей очевидности — единство мира, краеугольным камнем для существования ксенологии, помимо этого, является истинная мера отличия человека и человеческого от всего остального мира и остальных путей,— отличие, которое при глубоком и трезвом анализе не так очевидно, как представляется и трудноотделимо, потому что именно это отличие всегда есть самоопределение.

Основанием для нашей классификации служит различие в нашем восприятии определенных типов людей и их проявлений не-человеческих, чуждых компонентов.

Эта классификация, естественно, не соответствует описанию расовых, психологических, социальных, географических, анатомических, зодиакальных и пр. отличий людей, т.к. все перечисленные особенности являются человеческими. Нас же будет интересовать не-человеческое.

Не имея возможности (бытийной) сформулировать объективное определение человеческого (т.к. в любом случае это лишь само-определение), мы надеемся, что это определение, тем не менее, косвенно, не прямо присутствует в нашей классификации, возникая как рисунок вещи возникает из карандашных штрихов, которые этой вещью не являются.

□ От xenos (греч.) — чужой, чуждый, иной.

** Т.е. история как процесс битвы человечества за свое самопознание

Другая трудность, подстерегающая неизбежно при изложении этой классификации, — объяснение причин возникновения нечеловеческого в людях, — будет в меру возможностей разрешаться по ходу повествования.

Т.е. речь в классификации пойдет о существах, имеющих физическую форму людей. Самая обобщенная ксенологическая структура человечества с этой точки зрения выглядит так:

- а) те, кто еще не люди
- б) те, кто уже не люди
- в) те, кто, несмотря на свою физическую человеческую форму, людьми не были и не будут.

ТЕ, КТО ЕЩЕ НЕ ЛЮДИ.

ЛИСЫ в повседневной жизни, как правило, обаятельны, подвижны, живы. Однако при внимательном отношении к ним всплывает впечатление некоей их внутренней застылости и ощущение, что им чего-то не хватает в их душевном составе. Причем это отсутствие воспринимается не как пустота от чего-то изъятого, а как отсутствие места для чего-то весьма тонкого и естественно человеческого или как иной способ жизни в этом месте душевной жизни. Это «что-то» в общении с ними трудно уловимо: вначале обращает внимание на себя то, что их тончайшие эмоциональные переживания и соотношения являются больше имитацией (или мимикрией) и в этом могут отчасти напоминать некоторые психические особенности формирования личности в подростковый и юношеский период.

Однако имитация лисами тонкостей сердечных, и это существенно, не носит характер отражения или лжи : они бессознательно как бы вытягивают наружу из тех, с кем общаются, определенные эмоциональные диапазоны, вследствие чего происходит некое отчуждение восприятия и это экстерезоризо-ванное уплотнение эмоций воспринимается как присущее лисам. Тогда как при внимательном взгляде на вещи можно увидеть, что лисы совершенно отделены от этого сгустка в процессе общения и впитывают в себя лишь свет интенсивности этих чувств, но не смысл и энергию их.

Характерным является впечатление (при подобном угле зрения), что лисам что-то нужно от тех, с кем они общаются, но эта нужда в сути своей не связана напрямую ни с жизненными, ни с социальными, ни с эмоциональными проблемами. Иногда создается впечатление, что лисы двурушничают, манипулируют, интригуют, преследуя скрытые цели, хотя на самом деле они большей частью бессознательны относительно того, что они хотят на самом деле. А когда двурушничают сознательно, их собственные внутренние мотивации и объяснения не основываются на осознании своих сущностных интересов, а имеют вид обычной корысти и выгоды или других общественных причин — от самозащиты до самоутверждения и соображений карьеры.

О причинах, порождающих этот тип, высказано множество предположений.* В нашем описании речь все же будет идти не о преобладании т.н. животного состава в душевной жизни и способах поведения,** (хотя некоторые подвиды этого класса и будут обозначены названиями животных), а о нечеловеческом, в сущностном смысле.

Что же на самом деле нужно лисам от людей? В понимании этого может отчасти помочь обзор версий, объясняющих причины жизни этих существ рядом с нами. Некоторые оккультные традиции, (в которых сущности, сходные с описываемыми здесь «лисами», называются «сандманы», «песчаные люди»), в качестве объяснения предлагают эволюционную идею. Со всеми модификациями эволюционная гипотеза выглядит так: в нашем мире есть сущности, которым в своем развитии лишь предстоит пройти человеческую стадию.***

Судя по типичной ситуации отношений лисов с людьми — а это ситуация неразделенной любви-страсти к лисам со стороны людей — способность любить и любовь — и есть то, что наличествует в сущности людей и отсутствует или неразвито в душевном составе лисов. Здесь своеобразны и причины неразделенности, невзаимности: лисы не могут ответить взаимностью по той простой причине, что не могут дать того, чем не обладают: им нечем резонировать в ответ человеческому, т.е. они не располагают свободой выбора. Это, однако вовсе не означает, что лисы неспособны на привязанность, — достаточно часто они по-своему очень преданны партнеру, ценят и уважают его. Более того, лисы переживают какие-то состояния, которые внешне очень сходны с психическими реакциями влюбленных и любящих людей, включая страдание и сострадание. Их отличие от таковых у незрелых и учащихся любить людей достаточно трудно уловить. Их даже не действия, а движения в сторону объекта любви слишком практичны (прагматичны), им мало — или недоступны стороны любви, связанные с безмерностью. Но прежде всего для них неуловима ясность смысла человеческой любви: формы их любви бессознательно обусловлены стереотипами — социальными, культурными штампами из житейских историй или фильмов, книг.

□ Например, представители суфийской традиции, ее постгурджиевских вариаций, утверждают, что немало людей рождаются без зачатка того тонкого органа, который они обозначают как «совесть» и отсутствие которого, по их воззрениям, исключает возможность пройти человеческую и др. формы высшего духовного развития.

** Вообще представляется, что зооморфные отождествления являются все же скорее проецированием человеческих представлений на представителей животного мира, а не собственно отождествлением в полном смысле этого слова, см. например Л.Калыкова «Исторические трансформации зооморфных представлений» в кн. «Частная ксенология».

*** Человеческая стадия «определяется по-разному и ключевыми являются обретение индивидуальной души и сознания, иной степени свободы выбора, любви и ответственности, при этом имеется в виду, что это степень не количественная, а качественная.

Сложно понять, что это опять-таки не ложь, а делание уроков при чужом фонаре. В одном можно быть уверенным: лис сумеет довести интенсивность света в фонаре до максимума. Почти неуловимое ощущение, которое специфично для ситуации лисы и любви: даже в моменты наивысшей яркости нет-нет да и виден очень внимательный ученик с немножко угловатым, но крепким телом, добросовестно и невовлеченно наблюдающий за всем происходящим.

Любовь лисов заканчивается на берегу, омываемом беспредельностью саморастворения любви, т.е. там, где заканчивается любовь к себе и начинается любовь как бесконечность.

У этого нескончаемого прибора формируется что-то, недостающее им для шага в непостижимое. Они очарованы далью, но не могут войти в воду.

С другой стороны, если рассматривать лисов вне эволюционного аспекта, т.е. не имея в виду, что промежуточная цель их развития — полностью стать людьми, тогда смысл их рождения в человеческой форме затуманивается, хотя очевидно, что в любом случае речь идет об энергетических интересах. Но при внеэволюционном взгляде очевидней становится специфика знаний, получаемых людьми при контактах с лисами.*

Лисы обладают свойством способствовать развитию прежде всего нашей волевой сферы. Они порождают очень глубокую привязанность к себе, часто ослепляющую, и граничащую с одержимостью. Взаимодействие с ними при благоприятных обстоятельствах учат однозначности и определенности наших решений. Сфера влияния лис расширилась в последние времена, по всей видимости из-за того, что местом слабости человека стала именно сфера эмоционально-половая по сравнению с теми периодами развития человечества, когда таким местом слабости была зона физических страданий и витальных интересов.

Исследуя исчезающую на время взаимоотношений с лисами грань нашей целостности — а ею будет обратная сторона привязанности, несвободы, — освобожденность, можно сказать, что лисы напоминают нам, что любовь относится к свободе как дыхание к воздуху. Совпадение же нашей любви с нашими суц-ностными интересами возможно лишь после пробуждения воли, как непреложности нашего движения к свободе.

Обладая свойством доводить накал нитей света нашей страсти до максимальной интенсивности, эти взаимоотношения рано или поздно побуждают нас совершать действия, разрушающие камерность, застойность и гнильцу наших чувств и действий, основой которых является самообман наша жалость к самим себе и страдания по поводу окружающего мира, который почему-то не желает разделить нашу пакостную любовь к самим себе.

□ В некоторых источниках метафорически оказывается на то, что лисы гораздо быстрее человека достигают бессмертия.

Не следует понимать совершенно буквально эти сведения о лисах, тем более, что в повседневной жизни встречаются не только, так сказать, чистокровные лисы в человеческом обличье, но и лисы как бы наполовину, на четверть или просто люди, в силу тех или иных обстоятельств рождения* и судьбы помеченные особой лисьей силой или способами взаимодействия. В последних случаях, кстати, нередок великолепный в своей красоте процесс перерождения в людей,— предваряемая страданиями вспышка нового уровня настоящего.

СНЫ-ЛОВУШКИ

По мере того, как в процессе неявного посвящения происходит пробуждение дремлющих сил и резервов сновидящего, все чаще приходят сновидения, несущие иную, нежели более или менее обычные сны, функциональную нагрузку. Суть этих сновидений заключается в том, что и силы, заключенные внутри нас, и силы вовне, ведущие нас к освобождению, как бы ловят нас во сне на самых острых проблемах, препятствующих нашему развитию, и проигрывают экспериментальные ситуации. Мы, вовлекаясь благодаря интенсивности эмоции, и решаем эти проблемы, переживая, проживая их. Наиболее существенное отличие этого типа сновидений заключается в том, что насколько реальным бы ни казалось происходящее в них, они не имеют никакого отношения к реальному будущему, т.е. они не содержат предсказательного элемента.

Их обычная структура сводится к тому, что после более или менее длительной экспозиции, в течении которой сновидящего пытаются поймать на какой-либо сильной эмоции — страх, раздражение, отвращение, ярость, гнев, сладострастие—действие в которое он вовлекается таким образом, доходит до абсурдного апогея, после чего во сне или уже наяву происходит катарсис и интуитивнее озарение-понимание.

Как правило, только наяву некоторые сновидящие могут оценить изобретательность и невообразимое чувство юмора сил, ведущих нас к освобождению, а также всю степень их же терпеливости, ласковости, хитрости и безжалостности.

Сновидящий в сновидении отмечает свой день рождения в ресторане с двумя близкими подругами: какая-то незначительная выпивка, легкие танцы. За одним из столиков сидят лица темных национальностей и темных профессий, производя некоторую напряженность в атмосфере. Но никаких инцидентов в ресторане не происходит, — сновидящий достаточно бдителен и безупречен чем — забегая вперед — затрудняет в этом случае работу сил, ведущих его к освобождению. Вечеринка заканчивается поздно ночью, сновидящий выходит с друзьями на улицу, оставляет подруг с кем-то из друзей и отходит в сторону, чтобы поймать такси. Внезапно атмосфера меняется, сновидящий понимает, что произошло что-то скверное, — и действительно: невдалеке на газоне в предутреннем тумане он видит двух своих подруг, лежащих в истерзанном виде. Внутри него что-то щелкает, в два прыжка он оказывается у подруг, зачем-то приподнимает одной из них

□ Генетически передача лисьих свойств, вопреки оккультным концепциям о кастах, не подтверждается фактами.

юбку, хотя и так понятно, что они изнасилованы. Он озирается по сторонам, видит пустую винную бутылку, тут же вспоминает, что именно это вино пили сомнительные типы в ресторане, что-то в нем щелкает еще глубже и громче, он тут же замечает в траве длинный узкий нож без рукоятки, мгновенно хватая его, тут же в предутреннем тумане появляются те самые типы с щербатыми рожами, как будто не видевишими солнца с самого рождения; сновидящий с ножом в руке изо всех сил бросается к ним и ...

Те же лица и он сам — в следственном изоляторе, белый кафель, тишина. Он один на один с насильниками и убийцами. Во всем действии нарастает что-то очень странное. Насильники объясняют ему, что было бы очень неплохо, если бы он расправился с ними. Они по очереди подходят к нему, он вспарывает им животы, они отходят. Одного из них, самого молодого, сновидящий просит повернуться спиной, потому что его удобней прикончить ударом в левую почку. Странность происходящего нарастает, никто из зарезанных не умирает. Тут сновидящий как бы начинает понимать, что типы вправе думать, что он сам боится за свою жизнь, что в нем есть какой-то страх — ведь он один, а их много. Чтобы рассеять их сомнения, сновидящий вспарывает живот и себе, как бы давая тем самым понять, что он не боится их и что им движут другие мотивы. Вот так, он вспарывает себе живот и — ничего. Ничего не происходит, течет какая-то незначительная кровь. А в атмосфере, как гудение, нарастает абсурд происходящего в виде вопроса: «Ну и что?», ну и что это изменило? Затем в камеру входит усатый полицейский в линялом мундире с еще одним криминалом, но как бы давно раскаявшимся и ставшим на путь истинный. Вновь вошедшие говорят сновидящему, что неплохо бы прикончить насильников, что он, сновидящий, имеет на это как бы полное моральное право. Жужжание странности нарастает. Сновидящий отвечает полицейскому, что он как бы уже вспорол животы насильникам, и себе вот тоже заодно вспорол, и — ничего. Жужжание доходит до белого света, сновидящий вдруг замечает, что полицейский и насильники с просветлевшими лицами уже давно сидят и о чем-то мирно и благожелательно разговаривают на равных — они уже неотличимы друг от друга — полицейский и преступники. Затем он замечает, что животы, которые он вспорол, почти совсем зажили, прямо на глазах начинают исчезать и шрамы. Он переводит взгляд на свой живот и видит, что там уже нет шрама, осталось только немного сухой запекшейся крови. Затем он смотрит на свои руки и видит тоже запекшуюся кровь, что-то в нем щелкает, как будто загорается белая лампа...

И он просыпается с невыносимым ощущением осыпающейся сухой запекшейся крови на своих руках — ощущение настолько реально, что он бежит к умывальнику и долго моет руки.

В этом примере сновидящий посредством сильных эмоций был втянут в очень интенсивное и глубокое переживание, связанное с проблемами его подсознательной агрессивности, которая по многим причинам препятствовала его дальнейшему росту. Такого рода проблемы рациональным способом не решаются, здесь эффективно лишь глубокое переживание, что и произошло.

Например, во время синхронизации эволюции планетарного цикла в период 1982-83гг. подобного рода сны видели и переживали все, кто обращал хоть какое-то внимание на свою сновиденческую жизнь.

Вот один из снов того времени:

Сновидящий во сне оказывается в неудобной местности: окраина, холодные пепельные сумерки. Его ждали здесь: совершенно недвусмысленного вида молодчики стоят у входа в какой-то барак или ангар. Опасная и вязкая сила, исходящая от них, имеет такую интенсивность, что сновидящий не предпринимает никакой попытки избежать встречи: безвыходность и паралич воли с такой силой наваливаются на него, что он как бы добровольно и абсолютно покорно входит в двери барака, где его ждут. Внутри так же безропотно он ложится на что-то вроде конвейера — черная каучуковая лента, на которой, находятся и другие люди. Единственное, что остается в памяти, после бесконечного числа каких-то манипуляций и операций с применением хищного вида техники — это невыносимая чужеродная вибрация во всем теле и в душе — как от гигантской бормашины. Результатом этого становится то, что сновидящий как бы перестает быть человеком — его психика, эмоции, память стерты полностью и заменены чем-то совершенно чужеродным.

Затем следует весьма продолжительное перемещение-скольжение сквозь какие-то пространства все ниже, ниже, ниже, пока то, во что как бы превратился сновидящий, не оказывается в пространстве, начисто лишенном каких бы то ни было привычных человеку свойств и форм: желтовато-серое бесконечно длящееся время, полнейшая безнадежность в каждой частице пространства, беспомыслие, смутное ощущение какого-то бесконечного сизифова труда, в котором он со всеми остальными принимает участие как бы под надзором хозяев. Проходят бесконечные века.

Сновидящий смутно ощущает свою нынешнюю форму каким-то подобием строительных козел и чувствует и мыслит соответственно этой форме. В нем дремлет лишь единственная уцелевшая частица его бывшего сознания. Когда хозяева, по прошествии множества веков, теряют бдительность, (полностью уверовав в безопасность обезвреженного и обезволенного сновидящего), несмотря на полную безвыходность и бесполезность любых действий, внезапно начинает бунт — все в этой же форме как бы строительных козел он начинает крушить и сметать на своем пути все находящееся в этом пространстве.

БОЛЕЗНИ РОСТА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ СНОВИДЯЩИХ

Болезням роста сознания посвящена вся наша книга.

Что же касается профессиональных болезней сновидящих, пытающихся неудачно практиковать намеренное сновидение, то здесь мы сталкиваемся с целым рядом деструктивных состояний, специфичных для подобной практики, а также с недомоганиями, неизбежно сопровождающими бестолковые магические практики вообще.

1) К предпосылкам, создающим разрушительные последствия для практикующих, следует отнести прежде всего наличие интенсивных и болезненных блокировок в их сознании и подсознании как результат нескомпенсированных стрессовых ситуаций в прошлом, а так же глубоко подавленных и сильных нереализованных желаний, особенно если они в какой-то мере табуированы социально.

В процессе практики эти предпосылки рано или поздно приводят к нарастанию разрушительных и саморазрушительных тенденций в психике сновидящего, а так же к уродованию истинных целей подобной практики. Это связано с тем, что, практикуя сновидение, мы открываемся реальному Неизвестному, т.к. наша сновидящая часть

относится не к социальному повседневному миру, а к нашей неизмеримой стороне, сообщающейся с энергетическим Мирозданием. Указанные деформации в сознании в этом случае можно уподобить плотным склерозированным сгусткам в эластичных кровеносных сосудах, препятствующие нормальному току крови. Когда мы в сновидении открываемся Неизвестному, его энергетическое давление в зонах этих сгустков может привести к катастрофическим последствиям. В этом случае с большой долей вероятности могут произойти все неприятные вещи, описанные в «Краткой всемирной истории одержимости», в самых клинических проявлениях, требующих чаще всего квалифицированной помощи психиатров.

Для того, чтобы этого не произошло, необходимо любыми приемлимыми для сновидящего методами избавиться от бомб замедленного действия в своем подсознании. Именно к этой проблеме относится и часто повторяющийся в этой книге призыв проснуться здесь наяву.

2) Другую группу патогенных предпосылок, безусловно связанную с предыдущей, составляют особенности состояния здоровья практикующих сновидения, которые при неправильной практике могут дать неприятные последствия.

Сюда следует отнести, прежде всего, повышенное черепно-мозговое давление, отдаленные последствия черепно-мозговых травм, судорожную готовность и другие проявления эпилептоидного синдрома. При наличии такого рода нарушений следует основательно пересмотреть техники, используемые для входа в сновидение, и тщательно проследить, не напрягаете ли вы физически какие-либо части вашего тела, а особенно область головы, шеи и спинных мышц, «помогая» войти себе в сновидение.

Необходимо усвоить, что сновидение совершается не нашим физическим телом, и уж совершенно точно оно не совершается напряжением головы или глаз, — это нонсенс. Физическое тело, какими бы техниками сновидения вы ни пользовались, не должно быть напряжено при этом.

Очень распространенная ошибка, совершаемая при так называемых «концентрациях» чего бы то ни было на чем бы то ни было, заключается в непонимании того, что необходимо концентрировать волю, а не сознание.

Сознание при этом должно максимально расширяться, а не сужаться. И совершается это не напряжением, допустим, глазных мышц и безотчетным сжиманием кулаков, а пробуждением наших энергетических аспектов.

3) Третью группу составляют нарушения, обусловленные собственно неправильными приемами практики.

Сюда во-первых, следует отнести чрезмерное увлечение практикой сновидения в ущерб целостности нашего сознания. «Бегство в сон» вызывается, к сожалению, далеко не познавательными мотивами, а неудовлетворенностью своей повседневной жизнью, страхом перед этой жизнью и бессилием изменить что-либо в своей судьбе, — т.е. потаканием жалости к самому себе. Еще одной предпосылкой бегства от действительности может быть неверное понимание ценности сновидческой жизни и деятельности. В связи с этим необходимо постоянно помнить, что сновидения не имеют никакой ценности без второй половины нашего сознания, которая отвечает за трезвость и безупречность в повседневном мире. Ценна только целостность. Ни разум, взятый в отдельности, ни глубочайшая интуитивная сторона в отдельности не могут изменить ничего в нашей судьбе.

«Бегство в сон», в силу вызываемого им непропорционального развития интуитивной стороны, производит целый набор неприятнейших психических состояний и синдромов, названный одним из исследователей «вспучивание левой стороны и депрессивные танцы на грани расщепления». Этот синдром проявляется как нарастающая угрюмость, обесцвечивание радости от общения с повседневным миром и потеря интереса к нему, необъяснимые дискомфортные душевные состояния, странные чужеродные мысли и оттенки восприятия, общая вялость, переходящая в пассивное бессилие, навязчивая фиксация внимания на угрожающей и безжизненной стороне мира, собственно депрессия с клиническими ее проявлениями.

Чтобы предотвратить возникновение синдрома «вспучивания левой стороны и депрессивных танцев на грани расщепления», необходимо:

— тщательно и честно проанализировать мотивы болезненного перекоса в сторону сновидческой жизни.

Практика сновидений — это не средство для бегства от действительности. Не нужно обманывать себя: проблемы, возникающие в повседневной жизни, нужно решать наяву, и это единственный способ стать хоть немного свободней и наяву, и

во сне. При недостаточно честном взгляде на собственную жизнь и мотивы, сны являются не более чем полубесмысленным набором наших же вожделений, страхов и фантазий и ничем не отличаются от иллюзий.

— найти равновесие в своем отношении к снам и их интерпретации: избыточная мистификация в этом, пожалуй, даже опасней, чем избыточная рационализация.

— уделить особое внимание полноценному и ежедневному общению с неприятными для вас людьми и собеседниками, не забывая при этом и о тех, кто приятен вам.

— совершать как можно чаще длительные прогулки по городу или на природе.

— найти себе по вкусу хобби или дело, в котором необходим точный и сосредоточенный ручной труд, и попытаться достичь в нем какого-то мастерства.

Психические нарушения, которые возникают собственно от неправильных техник, во многом совпадают с синдромом судорожной готовности и синдромом вспучивания левой стороны.

Эти нарушения, во первых, вызываются неправильным вхождением в сновидение. Судорожная фиксация на фазе засыпания, т.е. на моменте перехода от бодрствования к сновидению, совершенно бесполезна и, более того, вредна. Не пытайтесь перехитрить тело: для того, чтобы проснуться во сне, вначале нужно уснуть. Натужное продлевание бодрствования в область границы восприятия оборачивается обрывочными потоками невнятных мыслей и бесполезных образов и вспышек интенсивных, но неживых цветов, которые на самом деле являются очень поверхностными эффектами насилуемого нами восприятия и не имеют абсолютно никакой ценности для нашего развития.

Не стоит затягивать фазу засыпания, — риск заработать бессоницу и запутаться в иллюзиях достаточно велик.

Во-вторых, очень похожие эффекты могут сопровождать и фазу пробуждения. Обилие образов и как бы мелких снов при этом, перемежаемых странными мыслями, не должно вводить сновидящего в заблуждение: это также совершенно бесполезные состояния.

Намеренно затягивая пробуждение, вы рискуете заполучить вялость и аморфность на весь день, а при эксцессах — и многие из названных психических и нервных неполадок.

**

... приходит точкой света, у зрения еще нет имени. Затем оно звук, вибрация, еще не ставшая словом. Безмолвие явственно, пронзительно, высоко и мудро.

Рождение слова — про из несение гуда, тайны, открывшейся в деянии. Мысль, поэзия, обращенная к далям начал. Проза — настоящее и тело слова. Пророчество — нечто новое, рождающееся ныне, зрение приходящей тайны.

Человек, вернее то в нем, что не съедается временем, монада иного, — она обозначает течение жизни, зачинающей тело времени и растворяющей созданное, возможно с остатком непостижимой любви к Иному.

Рост продлевается в кувырке сознания, падении в огонь затылка, чтоб — в зависимости от веления Силы — обрести иную почву под, неподвижность в движении, путь материи, отражающий зияние пустоты, или смотреть на какое-то солнце, лежа на возможной земле.

Далее есть зрение в тайну — и присутствие в наблюдателе-наблюдаемом позволения быть всему и ничему, ибо это то, что до и после, сияние открывающейся бесконечности, где наполнение ее — отворение каждого зрения-зрачка-в отрешенности присутствия Ничто, в полноте каждого отсвета-отзвука целого, тайны.

«Эффект восприятия дня и ночи»

ПРАКТИКА ОБЩИХ СНОВИДЕНИЙ

Действо сна не обязательно принадлежит ограниченному пространству личности, хотя именно такое рассмотрение — в пространстве личной истории сновидящего — традиционно.

Итак, правильнее было бы назвать сновидения, которые мы рассмотрим, ничьими. Назовем их общими как пространства действий неопределимого количества участников; может быть, как множество звуков обозначают одно пустоты и безмолвия мира.

Сновиденческая реальность допускает самые невероятные встречи на различных планах миров и сознании. Когда же пребывание в иллюзии отдельности моего «внутреннего» от твоего и задачи самосохранения не позволяют увидеть реалии тонкого в их истинном свете, подобные касания — встречи, как и незримое присутствие пустоты — света Иного образуют причудливые градации сновидений, выражающих различные аспекты реальности с той или иной силой, где «реальный» мир обыденного сознания и его производные так же обладают только относительной степенью реальности.

Используем относительно большее пространство «мы», составленного из отдельных «я», для выслеживания некоего воздуха — большего, чем нечто конкретное вообще.

Осознание факта творчества общих сновидений не отменяет «графоманства» иллюзорных рядов. В путешествиях по их линиям и являющимся в связи с этим сложностям различения рождается мастерство сновидения.

К сожалению, мы можем использовать как материал для рассмотрения только сны людей или якобы людей.

НЕКОТОРЫЕ УСЛОВИЯ СНОВИДЕНИЙ. ВЫДЕЛЯЮЩИЕСЯ В ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕМЫ.

1. ВРЕМЯ

Явное несоблюдение линейного времени при путешествиях сновидца делает доступной видению тайну времени как таковую.

Перемещение по различным токам времен высвобождает некие начала внимания, не принадлежащие ни одному из принимающих его пространств.

Видящий сон идет по улице родного города. Ему встречается Г., последовательно — в возрасте 10-12 лет, затем в возрасте 20-25 лет, и еще через некоторый участок пути, в том состоянии в коем он пребывает к моменту сновидения — пожилым мужчиной 65 лет. Последнему сновидящий говорит: «Ты сильно изменился с тех пор, как я тебя видел последний раз». В его голосе слышится удивление. На это Г. отвечает, что никак не может получить заработанную плату и из-за этого возникают подобные казусы.

Наблюдающий сон в этот момент осознает, что под «платой» имеется в виду некая ценная энергия обобщения, которую Г. никак не может извлечь из своей жизни. Следствием этого является распадание Г. на определенном уровне на временные составляющие.

Какой-то мужчина, используя свое знание вневременного и открывающиеся чрез это шансы движения, перетаскивал из одного времени в другое продукты. В онном пространстве времени эти продукты нужны были голодающим людям.

За этими перемещениями наблюдают из очень дальнего совета безопасности (типа совета старейшин) — этот совет не запрещает подобное, но ни он, ни кто-либо другой не может предвидеть всех последствий, образующихся от таких инсинуаций. Как правило, это не поощряется.

Из пространства очень древней битвы сновидящий выбрасывается дружеской рукой в более приближенное к современности время. Здесь он встречает вождя какого-то племени и, гуляя по пустыне, они беседуют. Когда вождь узнает откуда имярек, он ведет его к храму, где засели его враги. По пути он объясняет, что в сновидящем есть нечто, способное победить его врагов. Это нечто связано с его принадлежностью более древнему времени.

Вождь уже потерял в битве своего времени, которая таинственным образом связана с древней битвой, всех своих людей и встреча со сновидящим это его последний шанс. Поэтому он без колебаний ведет сновидящего к храму, который расположен где-то в предгорьях и мерцает как угли догорающего костра...

Из приведенных примеров ясно, насколько многочисленны и неперечисляемы формы видения сновидческих путешествий во времени. Практически все сновидения являются выходом из пространственно-временного континуума, в котором люди пребывают. Онный континуум, при некоторых измененных состояниях сознания наблюдателя, также подпадает под название «общим сновидением».

2.ПРОСТРАНСТВО

Хоть время и неотделимо от пространства, мы рассмотрим сновиденческую реальность последнего отдельно для выделения разных аспектов одного.

Особенность сновиденческих пустот и форм — в их текучести, в постоянстве, которое не поддается описаниям каких-либо правил, ибо есть продолжение всегда присутствующей возможности всего — изменяться.

В этом есть сила и дыхание жизни. То, что верно для наблюдателя в положении А, может быть иным для наблюдателя в положении В и мира, который он созерцает.

Практически любой предмет, идея, настроение или намерение придает сновидению некоторую особенность — от индивидуального света до видения отдельного бытия какого-либо из миров. Здесь, как нигде, «каждое ощущение есть путь».

Сновидящий, который ранее осознал себя в сновидении и предпринял некое относительно сознательное путешествие, понимает, что энергия, создающая сновидение и пробужденное состояние сознания, заканчивается. Испытывая печаль, сновидец пытается волевым усилием удержать «ткань» сновидения.

Удаляемый какой-то силой, он некоторое время еще видит пространство, из которого он вышел, как бы одним из рукавов реки. Потом все гаснет и остается только гудение полета через пустоту...

В очень редких сновидениях теряются понятия «верх — низ». Такие путешествия понимаются как смещения в пространства, где нет планетарных тел и, обуславливаемых ими, законов.

Многослойность мира, видимая как перемещение по этажам, где каждый этаж есть особая световая гамма бесконечности, или наблюдение за сменой состояний сознания и, образуемых ими, воздухами-уровнями, где наблюдающее — безмолвие и тайна, есть одно из возможных открытий сознания, научившегося отпускать любое из пространств и себя в нем.

Позволенная отрешенность по необходимости пробуждает в сновидце осознание присутствия эманации, дышащей во всех пространствах и, возможно, обозначающейся ощущением того, что все всегда было, есть и будет.

3. ДЕЙСТВО

Выслеживание присутствия или отсутствия реальности в иллюзорных рядах снов дает пищу для роста сознания. В достоверности сновидений есть вызов. Чем тоньше пелена, чрез которую сновидец созерцает мир — тем больше силы и наполненности в образах его сновидений, тем труднее увидеть их символическую иллюзорность.

Предметный язык сновидений суть только символ, разворачивающий для растущего сознания бесформенные токи — присутствия пространств-времен-энергий. Действо сновидений как предложения этого языка. Это мифы ночного видения мира, максимально приближенные своей предметностью к нашему дневному описанию мира.

Нам снятся и другие дальние виды, где нет ни видящего сон, ни чего-либо видимого во сне. Чудо, что мы в этом всегда присутствуем, но не помним. Не помним, так как состояние «я есмь» само по себе — без подтверждений — слишком тихо и для нашего сознания как бы отсутствует.

В сновидении сознание продолжает актерствовать, пытаясь сказать самому себе образами особого языка то, что оно слышит вне каких-либо форм. Трудность заключается

в параллельном существовании действия тайны реальности и его образного отражения. Расшифровка смещений требует внутренней тишины, настойчивости, терпения и отрешенности.

4. ЯЗЫК

Это не попытка рассмотреть общность сновиденческого языка, но усилие обратиться к общности Происходящего за ночными окраинами человеческого сознания. Золотые огоньки, открываясь в безбрежность тьмы и неизвестности, оглядываются друг на друга и пробуют говорить о том, что они видят.

Видение во сне незнакомых людей.

Итак, вам снятся какие-то незнакомые люди. Вы можете объяснить их существование и присутствие —

а) они созданы вами и это некие отдельно рассматриваемые аспекты вашей личности;

б) это реально существующие люди по тем или иным причинам оказавшиеся рядом с вами в сновидении;

в) это сущности не физического плана или любые другие аспекты мира, принявшие в вашем сознании человеческую форму.

Реальность, приходящая через знание двух последних типов сновидений, есть сила, жизненность которой наполняет тела сновидца. Это же сила перемещает их по направлениям сновиденческих миров.

«Это дневной сон, который приснился мне в день солнечного затмения. Я пришла в какое-то место, свет в котором шел отовсюду и поэтому солнце в нем не ослепляло, было мягким, но интенсивным. Там было много людей. Это были незнакомые мне мужчины и женщины. У многих с собой были какие-то вещи, у некоторых перевязаны руки или другие части тел (я запомнила только руки). Одеты они были в накидки бежевого и кремового цветов, вид у всех был радостный, даже у больных. Я понимала, что они, как и я, пришли к солнцу. Мы принесли к его свету свои вещи.

Некоторое время мы как-то обращались к нему, но слов не было. Затем я принялась разбирать то, что я принесла...

... светящийся берег, будто край земли — дальше только океан и тьма. Я и другие люди что-то делаем на берегу, переносим, перемещаемся. У нас особенные тела — полупрозрачные. Поэтому иногда мы практически сливаемся со светом береговых склонов. Я вглядываюсь во тьму, пытаюсь что-то разглядеть там, но вижу только теряющийся во мраке свет этих берегов...»

Тяготение одного светящего существа к другим, ощущаемое в сновидениях с разной степенью отчетливости, не есть качество присущее всем людям. Кроме того, наблюдатель, двигаясь в пространствах, может выходить из зон воли этого зова и вновь возвращаться к нему.

В некоторых путешествиях близкие нам люди являются в новых ипостасях, со светом некоей глубинности. Сущностные взаимодействия во сне происходят независимо от наших при-вязанностей, но стереотипные личностные отношения часто искажают видение ситуации.

Родовые сновидения.

Структуры общения, в которых мы задействованы днем, отпускаются нами по ночам, что дает шанс нового взгляда на них. Появляется пустота и отрешенность, необходимая для

распознавания глубинных матриц, часть из которых реализуется в родственных отношениях, дружеских-любовных привязанностях или интуитивном тяготении друг к другу случайных знакомых.

Я иду по земле красно-ржавых оттенков, она вся в трещинах, как дно высохшего водоема. Я подхожу к дереву, кажется это дуб, и вижу рядом с ним участок свежеразрыхленной земли.

Что-то меня заинтересовало в этом, и я палкой (не помню откуда она взялась) принимаюсь разрывать землю в этом месте еще глубже. Сначала показывается голова, затем плечи, руки и т.д. Человек жив, он встает рядом со мной и начинает помогать мне. Вместе мы откапываем девушку, потом еще двух мужчин, потом женщину. Мы продолжаем работу все вместе, в воздухе появляется радость. Зарытые люди образовали круг и, когда они все освобождены, мы начинаем танцевать какой-то древний танец. От всего этого чувство чего-то родного, но давно забытого. В круге танца кто-то подходит и снимает с моей головы повязку. Я замечаю, что только у меня была такая повязка. Теперь по одежде я ничем не отличаюсь от них...

...кто-то позвал меня, и я вошла в дом. В просторной комнате за длинным столом сидели мои отец и мать, бабушки и дедушки, их братья и сестры, еще какие-то старые люди, лица которых были мне незнакомы. Во главе стола сидел незнакомый мужчина, он весь сиял каким-то внутренним светом. Такие лица я видела на иконах. Я подошла к нему, мы о чем-то долго говорили, он меня увел куда-то — к свету, но этой части сна я не смогла вспомнить. Когда я вернулась, в комнате было много птиц, наверно, голубей. Я распахнула окно и они улетели.

... из какой-то плотной среды, в которой я находился, услышал, что кто-то зовет меня. Я поднялся из этой среды и пошел в сторону моря. Откуда-то я знал, где оно находится и как туда попасть.

Спускаясь по глиняным склонам я увидел кто меня звал — на поляне сидела группа людей, типа цыганского табора, старший из них смотрел на меня. Я сказал ему, что принес им книгу. Он пригласил меня присоединиться к ним. Мы что-то должны сделать все вместе...

На разных уровнях мира существуют различные типы родства. Для каждого из них есть характерные сновидения. Здесь — одна из многочисленных возможностей смешений.

Сновидения общих действий.

Видение ноуменальной стороны мира и качественно различных его глубин открывает зоны действий многочисленных общих программ. Их можно понимать как кармические задачи, как способ существования мира людей и других эманации бесконечности — варианты зрения зависят от того, в какой точке пути находится наблюдатель и каким образом его тела задействуются в существовании онных программ.

Группа людей знакомится с новой планетой. Сновидящий отстает от «экскурсии», чтобы отойти к деревьям и полежать там. Под одним из деревьев он засыпает, но во сне его что-то обеспокоило и, не просыпаясь, он откатывается в сторону. Через некоторое время он просыпается и видит, что к нему бежит работник туристического агентства, которое доставило на эту планету его группу. Сновидящий смутно осознает структуру этого агентства и задачи по подготовке людей к переселению на новые планеты.

Служащий встревожен тем, что С. уснул под деревом. Он объясняет, что эти деревья хищные. Плоды их съедобны, но жители этой планеты не употребляют их в пищу. Во время

путешествий одной из бывших здесь групп под этими деревьями погребло два человека. Практически каждый шаг в неизвестные зоны новых планет сопряжен с подобным риском...

«...в ночном мире. Где-то внизу наш дом — без крыши. Слева от меня, это в доме — то есть далеко, но я могу опустить туда руку, — растет собака. Я чувствую ее связь с какой-то опасностью, которая находится за моей спиной.

Когда давление со стороны этой опасности увеличивается, я начинаю видеть других людей, одетых в такие же одежды как мы с мужем. Я понимаю, что это сеть астральных постов, которая призвана не дать пройти з в е р ю. Я знаю, что где-то впереди есть пустота, эволюционная лагуна, которую должны занять люди. Но то, что я чувствую как опасность за спиной — зверь, скрытый во тьме — тоже стремится занять это пространство. Если это произойдет, человечество надолго задержится в своем развитии...»

Чья же воля приходит в человека через ночную пустоту? В зависимости от того насколько глубоко способен просыпаться сновидец, настолько дальние зоны он способен различить.

Любовь и воля быть — открывает присутствие тайны.

ОБУЧЕНИЕ ВО СНЕ.

1

Образы школы, высших учебных заведений и т.д. называют присутствие устойчивых каналов между неизвестностью и спящими.

Примеры сновидений «это происходило в школе» настолько многочисленны, действия их настолько разнообразны, что затруднительно привести конкретные примеры и не сузить поле видения. Замечу, что иногда образ школы может становится

защитной реакцией на неизвестность, в другом случае — высоким уровнем обобщения процессов жизни.

Индивидуальные сны с учителями могут иметь различную направленность.

«... замок, в котором мы занимаемся, играем. Потом нас собирают в одном большом зале и выстраивают у стены. Мы все садимся на корточки и смотрим на приехавших высоких людей. Кто-то у дверей встретил их агрессивно. Они обезвреживают его, спокойно и без возмущения. Один из них указывает на меня:

«Ты пойдешь с нами.»

Они вызывают незнакомый градус чувства доверия. Когда кто-то из сидящих рядом спрашивает: «Что они сделают с тобой?», я отвечаю — «Не знаю, может быть, убьют». И, хотя это действительно так, я доверяюсь им без сомнений».

Мы с ребятами едем в поезде, пробуем что-то петь, какие-то популярные мотивчики. К нам оборачивается мужчина, стоявший у окна. У него жесткий взгляд. Потом он начинает петь, это похоже на «визг эриний» — металлический дребезжащий звук. Вагон вместе с нами летит вниз, пространство уплотняется, в окна полезли какие-то змеи. Я понимаю, что он нам показывает — те суровые стороны жизни, которые мы игнорировали. Я осознаю это, тяжесть спадает, вагон вновь начинает горизонтальное движение, но уже в другом ландшафте и в другом свете.

«... понимаю, что я в Египте. Дома незнакомой архитектуры, много мужчин и женщин, свежий ветер дует со стороны океана. Прогуливаясь, я нахожу каменные плиты, расписанные какими-то рисунками, буквами.

Знаю, что это язык, он не расшифрован и, для ныне живущих, есть тайна. Кто-то дает мне каталог с фотографиями этих плит. Я листаю его и запоминаю некоторые очертания».

Как бы ни были точны произносимые имена, Происходящее остается тайной. Приведенные примеры не столько определяют различные волны воли бытия или выходы на видения обшечосмической мистерии, сколько пытаются продолжить дыхание тех бесконечностей, в которых странствуют человеческие сознания. Это продление света радости сущностных сновиден-ческих встреч, в тех далях, где понимание неповторимости прикосновения к глубинному смыслу друг друга и мира не погружено в сон непреодоленной зауженности обыденных состояний сознания (если таковые еще обыденны).

2

Состояние непосредованного словами и образами знания встречаются даже в самых иллюзорных сновидениях. Здесь научение состоит в умении быть тише чем то, что ты хочешь услышать. Явленной частью таких знаний, чья несомненность надолго запоминается телами сновидца, можно назвать сновидение библиотек, их специфическое золотое присутствие, видение книг, особенно древних, сам процесс написания книг и прочие формы Слова.

Сюда же можно отнести феномены пророчеств «небописания», разворачивание «небесных свитков» (как правило такие знания даются одновременно большому количеству людей), индивидуальные озарения, которые также невозможно рассматривать вне истории посвящения — воспоминания знаний всем человечеством.

Есть переход количества усилий веры и стремлений в качество знания —и окончание сроков забвения. Называемое термином безмолвное знание понимается как сушностные присутствия знания — того знания, которое есть другой уровень материальности, к которому восходят имена «знание — сила» и «учение — свет». Оказывается, это не метафора.

Ветры Иного, пролетающие над островами живущих, ждут и сновидческого открытия мира из личного материального в ничью пустоту, как бы пустоту, в те дали, где тайной освещается несуществование границ между «я», «ты» и ничто — но разность.

ПОЛЕТЫ НАД ПЕРЕСЕЧЕННОЙ МЕСТНОСТЬЮ

А

Сны совершают пересмотр нашего прошлого с целью извлечения энергетических лакун, пробок, с целью объединения островков нашего опыта в необьятности прожитой жизни. Помогая решению этой задачи — сознательным пересмотром, собиранием уроков своей жизни — мы собираемся для дальних дорог сновидений, и сновидений тоже.

Общая целостность тел рождает новое качество — тело сновидения. Количество действительных сновидений переходит в качество — мы рождаемся —просыпаемся на уровне Иного, выбирая и созидаая уже «там».

Интеграция опыта и рождение тела сновидения может про изойти как стихийно, в случае нашей предрасположенности к этому способу движения, —так и стать результатом сознательных усилий, результатом наших намерений и практики.

Обучение сновидению это изменение перспективы видения собственной жизни и самого себя.

Б

Наши настроения — в какой-то степени только реакция на пространства, в которых мы находимся. Для сновидения настроения — это качества собираемых сознанием пространств, токов времени.

Овладевая искусством движения меж снов, делая сознательно выбор перспективы — мы делаем свою судьбу.

Наиболее очевидно события снов и события «здесь» связываются нашим энергетическим состоянием, настроением. Если ночью вы вдоволь наплавались в чистой морской воде, можно с уверенностью прогнозировать вам удачный день (или месяц, или год — в зависимости от того, насколько глубокие уровни вашего существа присутствовали на этом празднике). И наоборот.

Качество того, как мы спим, зависит от качества того, что мы видим во сне. Даже последовательность, в которой мы проходим наши ночные дороги, например — черное, белое, золотое; раздражение, легкость, покой—даже последовательность этих измерений сохраняется в событиях дня.

Запрограммированными оказываются не столько события, скорее — наше отношение к происходящему. Утром мы злимся, после обеда успокаиваемся и к вечеру в нас наконец-то царит мир.

Наша энергия — наша судьба.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Предполагаемая свобода проснуться однажды везде и не спать уже больше, —то есть не иметь иллюзий, — эта свобода ограничена лишь непостижимостью Мира для самого себя, что является не иллюзией, а животворной тайной Его. В языке сновидений это означало бы, что и при наибольшей возможной пробужденности сновидца, в непрерывности его восприятия будут лакуны, воспринимаемые им уже не как дискретность сознания, но как проколы (врата) высшие порядки Силы, непостижимые пока или непостижимые в принципе. Функционально же подобные лакуны суть точки покоя или даже отдыха — равноправного спутника труда.

Практически структура подобного пробуждения отражается в достаточно редких в жизни ищущих периодов, длящихся обычно от недели до месяца, когда почти полностью, а иногда и совсем исчезает потребность в обычном сне, при возрастающей работоспособности и утоньшении восприятия и весьма повышенном энергетическом уровне.* Ясность

□ Нет особой нужды отмечать, что при недостаточно проработанном сознании подобные состояния скорее означают начало маниакальной фазы маниакально-депрессивного психоза.

**Этот план сновидений достаточно полно отражен в фильмах А.Тарковского, поэтика которого естественным образом ориентирована на пробуждение духа в сумерках души.

понимания глубинного смысла происходящего в мире достигает ослепительности, в восприятии событийных рядов исчезает элемент случайности, — сновидец тотально живет в потоке живой силы, и грань между обычным вниманием и вниманием сновидения перестает быть труднопроницаемой. Происходившее ранее в сновидении происходит здесь.

Другим проявлением возрастающей пробужденности становится учащение сновидений, реальность и предметность которых мало отличается от воспринимаемой в наиболее тонких состояниях «обычной» действительности: большая глубина и покой, осязаемая ясность и свежесть перспективы, меньшая населенность и, вообще, преобладание простора; тонкое свечение, разлитое во всем, особое чувство, отличное от обычных эмоциональных состояний.* Свойством такого рода сновидений является и то, что после пробуждения они какое-то время воспринимаются как реально произошедшие здесь. Но основное различие — все же их особый эмоциональный фон, вернее, его отсутствие в форме известной бодрствующей душе.

НАСТРОЕНИЕ СНОВИДЕНИЯ

Вероятно, в общении с нашей истинной внутренней природой и силой, ведущей нас к совершенству, наиболее полное и бытийное внимание им происходит в том, что можно назвать настроением сна. Почти неслышимые для ума и обычных чувств, невыразимые словесно, эти взаимодействия как притоки времени и силы, настраивающие нашу целостность, регистрируются нашим сознанием как своего рода тонкие чувства и ощущения,** окрашивающие целые поля внимания тонами истинных структур гармонии.

Находясь за мыслями и чувствами, настроение больше походит на вкус и запах, адресуясь к самому глубокому эху сущности памяти, освещая начало и возвращение ее.

Функционально настроение сновидения — это воспринимаемая невербально тонкая настройка соответствия внутреннего и внешнего, способствующая строению целостности и восстановлению гармонии пути.

Практически настроение сна гораздо более информативно, чем большинство зримых и событийных подробностей сновидения и позволяют восстановить истинный контекст развития сновидца. С другой стороны, для практикующих искусство намеренного сновидения, настройка снов при помощи предварительного воспоминания определенного настроения часто оказывается плодотворней других способов.

П.А.ФЛОРЕНСКИЙ из книги «Иконостас»

Сновидение есть общий предел ряда состояний дольных и ряда переживаний горних, граница утончения здешнего и уплотнения тамошнего. При погружении в сон, в сновидении и сновидением символизируются самые нижние переживания горнего мира и самые верхние дольного: последние всплески переживаний иной действительности. Хотя уже предназначаются впечатления действительности здешней. Вот почему сновидения вечерние,

---

перед засыпанием, имеют преимущественно значение психофизиологическое, как проявления того, что сновидения предутренние по преимуществу мистичны, ибо душа наполнена ночным сознанием и опытом ночи наиболее очищена и омыта ото всего эмпирического, насколько она, эта индивидуальная душа, вообще способна в данном ее состоянии быть свободной от пристрастий чувственного мира.

ДНЕВНЫЕ СНЫ

Чтобы быть точным в выборе времени и необходимости дневного сна, нужно прислушиваться к течению жизни особенно внимательно. Возможно человек потому и создал традицию спать ночью (и теперь считает это для себя естественным и должным), что спать днем связано с некоторой долей риска. Ночь дает нам естественную целостность, и одно это гармонизирует многие влияния на спящее сознание. Речь идет не о возможных нападениях хищников, соседей по общежитию и не о гудках автомобилей. Мир полон более тонких вибраций, способных изменить нашу самооценку и оценку окружающих.

Когда вы спите днем, вы отчетливо можете увидеть и сравнить различные течения пространства-времени-силы и нашу зависимость-отдельность от них.

Дневные сны труднее запомнить, вы теряете их сразу по пробуждении. Их будто уносит течением или вы возвращаетесь в рассудок со скоростью большей, чем ночью, утром.

На фоне дневной энергетике очень хорошо чувствуешь силу, которую дает сон. Она становится интенсивнее, если сознание увидело-выделило ее из других возможностей силы. Те ночные пространства, которые казались пустыми и чья сила растворяла вас непримеченной, обретают в дневных снах ориентир, точку пробужденного зрения на качества ночи.

Дневные сны дают шанс видения реальной множественности нашего личностного «я». Разность персональностей, обособленных мыслей и чувств ночью значительно менее отчетлива. Общий шум, производимый миром людей, заставляет каждое состояние сознания как и каждого отдельного человека напрягать «голосовые связки», чтобы быть услышанным.

День — это время внимания, обращенного к явленной части мира. Если вас интересует география внешних событий, то у вас больше шансов сновидеть их днем.

Ваша внутренняя структура, устройство вас как дома — со всеми его многочисленными лестницами вниз и вверх, крыльями правых и левых этажей, провалами и темными закоулками строительных лесов, а также обществом, путешествующим по этим и вне «домашним» пространствам — наполняется на это время силой как ветви деревьев соком. Чем гармоничнее ваше подсознание, тем меньше будет в дневных снах явного и активного бреда. И, наоборот, — несбалансированность принятых к реализации жизненных сил дает лихо закрученные сюжеты-кошмары и головную боль по пробуждении.

НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧИ К ЯЗЫКУ СНОВ

Не все сновидения относятся к возможному будущему и к событийным потокам вообще. Хотя практически все реальные путешествия происходят на причинном уровне. Причина всех иллюзий, то есть частных, реальность.

ФОРМА

Наши глаза приучены к определенности форм. Поэтому в сновидениях мы часто создаем образы, к которым наше восприятие тяготеет, там, где имеет место нечто совершенно расплывчатое. В силу нашей природы, до поры мы не можем обойтись без «перевода» того, что мы видим, на язык вещей.

При этом «переводе» для сновидца имеют значение два момента: точность воплощения, то есть соответствие качеств действительного качествам предмета, и понимание инерции форм. Например, если вы видите во сне летящую по небу белую простыню, то дальнейшее развитие событий обусловлено не только природой сгустка белого цвета, обозначенного в этом сновидении простыней, но и свойствами этой постельной принадлежности — тем, что она может запачкаться, порваться, упасть кому-то на голову и т.д.

Кроме того, припоминая сон, мы умеем соблазняться анализом формы, а не того, из чего возникла форма. Мы начинаем спрашивать себя, что нам напоминает эта простыня, нет ли на ней пятен спермы, пугались ли мы в детстве привидений — обо всем, что мы сможем придумать по этому поводу. Совершенно другие последствия были бы, выбери мы не простыню, а падающий снег.

Хочу уточнить, что речь идет не о символах, а о непосредственном видении мира с позиций Зазеркалья. Символ же называет Силу, которая подразумевается «где-то там», а их совмещение здесь и сейчас становится магическим действием.

Принцип инерции формы работает не только в сновиденческих пространствах. Слова тоже почему-то очень легко отделяются нами от объектов, которые они именуют, и создают пелену снов как бы не спящих людей.

В этой неотвратимости видится характер действия Силы. Безмолвный создатель говорит с нами, и мы отражаем его, повторяем то — неразличимое, неслышное для себя, используя формы.

На разных уровнях восприятия, в разных ситуациях одни и те же формы вводятся нами в действие с разными значениями.

В основном Сила говорит с нами (или мы «переводим» движение Силы) на том языке, который мы понимаем и в значение которого мы верим.

Символическое действие или предмет более употребимы во снах, нежели в сновидениях. В сновидениях им сопутствует особенная красота источника их существования — архетипного языка. Из-за древности этого языка не всегда различимо его глубинное тяготение к другому, менее сложному «переводу» реального.

Форма — это материализация в «привычное», знакомое прямого видения каких-либо аспектов Силы. Например, огонь, вода, воздух не существуют «материально» в сновидении, но энергии, качествами схожие с нами, носят их «имена».

Наша склонность привыкать, создает еще один языковой пласт или способ избежать реальности: если арбузы всегда были сладкими, то сладость станет арбузом. Особенно часто специфичность энергии закрепляется за присутствием тех или иных людей. Если мы чувствуем себя легкими и радостными в чем-либо присутствии, то, когда мы встречаем подобную легкость где-то в своих странствиях, мы возможно создаем рядом с собой формы этого человека.

Итак, форма используется как знак.

4

Хотя сны гораздо пластичнее, чем привычная нам физическая действительность, все же мы можем видеть в них только то, что не противоречит или по крайней мере не слишком противоречит нашему описанию мира, нашему пониманию миропорядка.

В этом отношении сновидения возможны только для того, кто сложил достаточно открытую систему мира.

СВЕТ

не известен источник света,
который зовет домой
ни один из тяжелых предметов
без него не бывает собой

Свет универсальная характеристика для сновидений всех уровней. Качество и интенсивность светимости и освещения значат для наблюдателя больше, чем какие-либо другие нюансы.

В некоторых языках «свет» и «мир» обозначаются одним словом. Для сновидений это буквально, ибо источник света создает мир и разница в качестве источника есть разница между мирами.

Свет, озаряющий сновидения, производится ни Солнцем, ни Луной, ни какими-либо другими планетами. Соприкосновения со светом этих или других физических тел возможны, но как бы в другой части спектра. И все же тот наиболее тотальный, проникающий все уровни, не принадлежит ни одному из известных источников. Более того — его равномерность и неподвижность, видимо, и не подразумевают существования какого-либо источника как сгустка плазмы или чего-то подобного.

Это ошеломляюще, ибо означает, что мы всю жизнь опираемся на то, чего «никогда не было». Это значит, что все пейзажи нашего внутреннего мира, все дали, открывающиеся внутреннему зрению, существуют благодаря свету неизвестно чего.

Опыт сновидений показывает, что словосочетание типа «тот свет» (то есть постсмертный) и «этот свет» — надо понимать буквально.

ЧЕЛОВЕК

Как наиболее универсальная форма, она сохраняется дольше остальных и «дальше» остальных форм. Путник, по мере удаления «отсюда», реже и реже видит Силу оформленной. Но даже постсмертные странствования духа могут неопределенно долго представляться наблюдателю странствованиями меняющейся формы физического тела человека.

Болезни и тела, и духа видятся в сновидениях как болезни или какие-либо изменения как бы физического тела. Атака на него говорит о начавших осуществляться возможностях и относится к возможному будущему.

Изменение цвета и формы членов тела характеризует светимость существа на настоящий момент.

Видение кризиса, кульминация чего-либо, происходящего с телом, накладывает отпечаток на ближайшее будущее, но основная часть действия уже в прошлом, уже прожита. Об этом же свидетельствуют вскрывающиеся полости тела или что-либо выходящее из тела, оставляющее его.

Чем ближе к реальности вид действия, чем больше число его взаимосвязей мы наблюдаем, тем больше у нас шансов избежать или «притянуть» то, что данный вид сулит.

Универсальный ключ к пониманию происходящего в сновидении с собственным телом и с телами других героев сюжета — в описании их изменений, как изменений светящихся тел. Конечно, если участники сновидения вправе называться «светящимися телами», то есть если они реальны.

Человек — наиболее трудноопределимое, из всех явлений по той простой причине, что это всегда само-определение и, строго говоря, объективности здесь ожидать неоткуда.

Топографически правомерно видение человека как знак плюса т.е. соединения между небом и землей — энергетически это как бы подтверждается вертикалью хребта. Но подобный ракурс относителен к точкам зрения, определенным той или иной модальностью времени.

Согласно воззрениям, изложенным Карлосом Кастанедой, человеческая форма, видимая во снах и сновидениях как антропоморфный бог (Бог, Бог-Отец, Христос и т.д.) — суть фильера, шаблон в виде человеческой формы, сквозь которую формируется определенная полоса великих вселенских эманации, называемая «человеческой полосой эманации», которой соответствует в целостности человека как светящегося существа лишь довольно узкая вертикальная полоса янтарного цвета в его светимости.

Чему соответствует остальная часть светимости человеческого существа, сказать еще сложнее.

Человеческая форма в ее аспекте т.н. психологии и искусства восприятия является самым существенным генератором иллюзий во снах и наяву, и, собственно говоря, в этом смысле движение от обычных снов к контролируемым сновидениям во всех школах

является, по сути, расширением, соизмерением, преодолением и, наконец, потерей человеческой формы.

Сновиденческие школы, практикующие техники создания и путешествий антропоморфного т.н. астрального тела и т.п. восходят к древнейшим магическим традициям, которые, по всей видимости, уже не актуальны из-за тупиковости этой линии развития вообще.

Тем не менее, совершенно актуальным представляется пересмотр всего антропоморфного хлама эпохи Рыб (и более раннего) как раз с целью обретения трезвости и свежести понимания того, чем в действительности является человек и человеческая форма. Разворачивающийся ныне новый уровень достоверности со всей неотложностью открывает ясное до боли видение человека и его судьбы в мирах как не более и не менее, чем человеческой.

Несомненное знание сновидящих о нечеловеческих сущностях, по своему усмотрению принимающих человеческую форму, с одной стороны, и знание о возможности перевоплощения (оборачивания) человеческих существ в иные, нечеловеческие (например, звериные) формы, с другой стороны, со всей очевидностью демонстрируют: то, что сущностно отличает человека, находится за его формой.

Границы, за которыми реально теряется человеческая форма, отодвигаются теперь намного дальше, чем в античных описаниях.

«Иметь и видеть человеческого ребенка, особенно новорожденного, плохо и для человеческого мужчины, и для женщины, если это — собственный ребенок: такой сон предвещает тревоги, горести и хлопоты о разных человеческих делах. Человеческие мальчики предвещают хорошие завершения этих тревог и хлопот, человеческие девочки — что завершение будет хуже начала, а также убытки. Видеть чужих человеческих детей — к добру, если они красивы, веселы и человечески ребячливы. Такой сон предвещает наступление счастливого человеческого времени, позволяет надеяться на удачное осуществление человеческих планов, — поскольку дети в человеческом будущем могут осуществить что-то человеческое».

ДОМ.

...я жрал хлеб изгнания, не оставляя корок.

А.Бродский

Во внутреннем смысле дом в сновидениях — это форма внутренних пространств человека, архитектоника духовного, душевного и ментального его склада, структура* и соотнесенность внутренних свойств, характер внутреннего существования.

Происшествия и действия в такого рода снах имеют преимущественно внутреннее значение, лишь изредка относясь к периферии между внутренним и внешним.**

□ Во снах некоторых людей этажность дома четко коррелирует с нумерацией так называемых чакр, например, II этаж II половой чакре (свадхистхане).

В эзотерическом смысле наиболее абстрактная интерпретация образа дома будет выглядеть как человеческая форма*** вообще с присущими ей эволюционными планетарными признаками, включая, разумеется, и психические поля, свойственные человеку.

Другие дома, которые начинают сниться нам после стадии покидания разрушенного дома, имеют как бы более экзотерический, внешний характер. Являясь отражением архетипического Дома Отца Небесного, они отличаются от первого типа домов растворенным в их воздухе чувством долгожданного возвращения к началу начал, к нашей собственной сущности.

Однако дела с возвращением домой во сне и наяву обстоят достаточно сложно.

Во-первых, в тот единственный Дом Отца возвращаются далеко не все и не всегда даже после смерти.

Во-вторых, между тем Домом и нашим здешним положением как бы существует множество промежуточных уровней. На некоторых из них есть как бы дома, соответствующие, видимо, в большой мере тому, что оккультисты имеют в виду под эгрегорами. С ними, вероятно, связаны некоторые стороны нашей индивидуальной работы и судьбы в Мироздании.

Но есть еще дома, соответствующие как бы нашей небесной семье. И в этом смысле люди могут происходить из разных домов. Существуют дома и существуют отношения между домами.*

В-третьих, есть еще одно обстоятельство; в известной мере мы находимся в период, который в данной части Мироздания назван «Старое Небо и Новая Земля». Со Старым Небом, видимо, связана известная некоторым сновидящим вещь: некоторые из небесных домов разрушены, их больше не существует. И задача эмигрантов из таких домов состоит либо в том, чтобы построить новые дома, пройдя через обновление Земли, либо — что немножко неуютней, но совершенней — стать Странниками Мироздания, т.е. трансформировать свою сущность таким образом, чтобы уже никогда не нуждаться в доме, т.е. перейти на иной уровень бытия в масштабе Мироздания.

Но не стоит грустить в связи с громоздким (но, откровенно говоря, далеко не полным) списком вещей, отдаляющих наше возвращение. Все пути открыты. Шанс выйти из горизонтальных потоков времен и длительностей в вертикальное время, а затем и совсем выйти из времени, всегда с нами. Необходимо лишь проснуться. А для этого прежде нужно всласть наесться хлеба эмиграции.

□ Поэтому, если вы испытываете по отношению к близкому человеку чувство, что вы знаете его очень издавна, знаете его всегда, что он родной для вас, это не всегда означает, что вы с ним из одного дома. Впрочем, это обстоятельство иногда возводит Игру в новую степень.

ГОЛОС. СЛОВО. ПЕНИЕ. МУЗЫКА. МУЗЫКАЛЬНЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ.

*Когда говорящего во сне не видно,
а голос его громок и отчетлив,
— это говорит Бог.*

Х.Л.Борхес

«В юности он не мог понять, что значит «в начале было Слово». Он не мог понять этого никак: ни логически, ни символически, ни метафорически, ни интуитивно. В его восприятии и способах понимания как бы отсутствовало свободное место, куда могло бы вместиться осознание этого. Это занимало его довольно долго, пока в одну прекрасную ночь все не открылось ему во сне. И это оказалось действительно так: во сне он не мог не принять, там ему это было очевидно и логически и символически, и интуитивно, и как-то еще по другому: слово в начале было действительным и было настолько очевидным, что он поделился очевидностью с голосом, который с самого начала сна как бы комментировал все, чему он был свидетелем.

Невозможно хотя бы приблизительно пересказать виденное тогда во сне: оставалось только впечатление какой-то невообразимой сферы, которая и была словом, которое было в начале. Его больше никогда не интересовала эта вещь, — он получил исчерпывающее знание, которое не мог выразить, но оно создало и заполнило в нем некую пустоту.

Но вот десять лет спустя он наконец вспомнил и свой новый, возникший тогда вопрос: во сне он увидел и знал вещь более очевидную и поэтому более незаметную чем Слово — Начало: он помнит, что Слово было не всегда — было что-то и до Слова. И он помнит, что уже голос был больше Слова и древнее Слова.

Кто говорит со мной?

Кто говорит?

Устройство человеческого слуха дополняет преобладание зримого в человеческом восприятии.

Безмолвие и темнота пустоты — поля, делающие возможными восприятие голоса и света.

Какое поле делает возможным восприятие ощущений? А запаха? Вкуса? Они еще более невербальны, бессловесны, невысказанны.

Голос(а) в снах часто принадлежат нашим собственным отчужденным частям, от индивидуального до коллективного. Вообще все имеет голос — как если бы Голос, сходя в мир, дробится на мириады ручейков, которые, проходя через вещи и твари, дают им их голоса, шепота, бормотание, пения, звучания. Представляются, что каждая и любая форма пространства как вместилище наделена голосом, звучанием, которым она гудит, перекликается, переговаривается, возвращается в ответ Породившему ее. Диалог, обратная связь творения с Творцом происходит голосом, звучанием. Невозможно выразить себя и

свою благодарность через обоняние, ощущение, зрение, —это выразимо только голосом (словом) или танцем.

Умение отличать голоса вещей, форм и тварей от Голоса, порождающего их, сравнимо с необходимостью для путника прежде чем сесть в попутную повозку, убедиться, действительно ли она по пути к Господу, а не движется в прямо противоположную сторону. То есть умение отличать голоса равно выбору и знанию направления, истинного для путника движения.

Для просыпающихся во сне, одним из простых способов отличения может стать привычка задавать вслух (во сне) вопросы «Кто ты?» всем сущностям и формам, заговаривающим с ним в его сновиденческих странствиях. Мир почему-то устроен так, что даже самыесомнительные и потенциально опасные для нас сущности обязаны отвечать и отвечают правдиво на этот вопрос (но этот закон почему-то не так неукоснителен для человеческих сущностей, которые иногда присутствуют в сновидениях — они могут и солгать).

Что же касается Голоса(Гласа), то возможности принять его за голос(а) не остается: Он приходит из оглушительного безмолвия, Он звучит отовсюду, из всего, он оглушителен и беззвучен, он голос Всего. А самое главное, когда вы его услышите, у вас не будет никаких сомнений. Ни в чем.

Можно думать, будто голоса, каждый голос и есть Голос, его порождающий, но в Мире безграничное доверие и отсутствие сомнений относительно Голоса не распространяется на множество голосов. Этому есть простое объяснение: в смысле истинности каждая более целостная вещь предпочтительней, чем любые ее, даже самые привлекательные, но составные, ограниченные части, в которых происходит дробление и забвение целого, а, следовательно, истины.

Тем не менее, в мире всегда существуют формы, сквозь безупречность которых слышно дуновение Духа, времени, слышен Голос целого сквозь смиренный голос вещей.

Считается, что музыкальные инструменты, в особенности духовые, создавались для подражания человеческому голосу — инструменту самому совершенному. Но лишь на средневековых органах появляется регистр, помеченный «Vox Domini» (Глас Божий) как указание на реальный образец для подражания.

Отношения человека и духового музыкального инструмента — флейты, например — моделируют отношения Творца и твари: флейта, сотворенная как форма из дерева, оживает реально лишь в мгновенья вечности, когда человек (музыкант), вдыхая в нее, в ее пустоту, извлекает звук, голос, мелодию, которую слышит он, а теперь и вся округа и высь над округой, отчего что-то неизмеримое во всем как бы слегка меняется, ибо вибрации и точные резонансы все также тонко меняют и уточняют гармонию мира, как и во времена, когда в начале было Слово.

В сновидении чаще всего музыкальные инструменты, игра на них, музыка, не поддаются ближайшей, конкретно предсказательной интерпретации (если только сновидящий не профессиональный музыкант): такие сны скорее являются знаком тонких и тончайших гармонизации путей сновидения.

«Мне снилось, что внутри меня, начиная с самой гортани, расположен саксофон. Я испугалась вначале, непонятно было как это он внутри меня, а потом отбросила боязнь и начала играть на этом саксофоне, то есть на себе и это было удивительно...»

Танец — самый живой и целостный способ общения с Духом, выражаемый движением тела диалог о невыразимом словом. Танцующий показывает Духу своим телом знание Его присутствий и Его движений, показывает свое согласие с Ним.

Танец — это соучастие Духа и Человека, их общая участь; это противоположность бытию марионетки, подвешенной на линиях Мира.

Групповой танец (круг) может указывать (напоминать) о предрасположенности или обязательствах сновидца, о причастности его к древним эволюционным циклам, совершаемыми сущностями, для которых характерна совместная кольцевая структура рождения и вхождения во времена-пространства мира, совместная работа и совместный уход — обретение (возвращение) свободы или новой степени ее.

КНИГИ, БИБЛИОТЕКИ — материальное присутствие знания. Для «развоплощенного» восприятия обозначаемое этими формами может выглядеть как золотой свет. Разные образы — книга, рукопись, тетрадь, листы, книжная полка, библиотека, *библиотекарь* — это разные степени приближения к знанию.

КАРТИНА /рисунок, фотография/

Выход в другое пространство. Разница между характером этих форм, их качеством и параллельными им обстоятельствами сновидения — это различия в способах соотнесенности пространства, в котором находитесь вы, с пространствами, создающими эти проекции в виде картин, рисунков, фотографий или других подобных форм.

В отличие от окон или дверей, через которые видны другие комнаты, пейзажи или люди, контакты между вашим пространством и теми, которые представляют картины, рисунки и т.д., совершаются при посредничестве чего-либо или кого-либо.

Это может быть книга (слово), воспоминание, энергия мира другого человека и т.д.

Средствами сообщения между мирами в сновидении могут быть различные предметы, иногда самые неожиданные. Например, личные вещи другого человека могут быть представителями его мира, его силы, причем, разные вещи это выходы на разные уровни, разные глубины его восприятия.

В случае с картиной или рисунком можно говорить о качественной разнице между «тем» и «этим» пространствами. «То» пространство более энергоемко, это как бы квинтэссенция происходящего, происходившего, или того, что может произойти здесь.

Фотографии, как правило, относятся к каузальным телам, то есть они обозначают события, имевшие место в «дневной» жизни сновидца или какого-либо другого лица.

Видение художественных галерей, салонов, музеев, альбомов и т.д., свидетельствует о свободе выбора сновидца, о имеющихся у него возможностях и трезвости, о его отдельности от тех или иных течений мира, которые он способен созерцать, не вовлекаясь. При таких посещениях внимание сновидца фактически собирается в высшем причинном теле. Здесь следует заметить, что вкус свободы очень надежный ориентир.

СНИМАТЬ КИНО — оформление внешней реализации. Мы «делаем» вид тех действий, которые мы совершаем, создаем их ауру. Учитывая отражение в глазах окружающих, зрителей, мы проводим нечто в жизнь, в мистерию явленного мира. Чем четче выдержана идея фильма (читай — намерение действия), чем целостнее его сюжет — а это происходит, когда мы трезвы в восприятии оценок других людей — тем больше шансов на успешное течение проходящих или готовящихся событий.

Обратите внимание на группу людей, с которыми вы снимаете кино. Выделяя их в своем сне как режиссеров, вы тем самым выражаете свое знание делающих ситуацию.

Наблюдения за съемочной группой приводит вас к осознанию как качества собственных намерений, так и истинных мотивов других людей.

Гармоничность сотрудничества наяву происходит от точности и трезвости видения вами ваших «соавторов». Отсутствие навязчивых мотивов в составлении сценария, типа проявляющихся среди участников съемочной группы образов отца и матери, отсутствие скрытых конфликтов и скрытности вообще «в видах» ваших взаимодействий — позволяет надеяться на благоприятный исход событий.

В съемках кино в вашем сновидении вы не обязательно главный режиссер. Путешествуя, мы встречаем оформление актов не только своей воли. Но сверхзадача, высшая точка смысла всех мистерий, происходящих в наших снах —урок именно для нас, ответ на наши явные и неявные вопросы.

СМОТРЕТЬ КИНО — вы работаете с общим информационным каналом. В «кинотеатрах» снов бываете не вы одни и в некоторых случаях это даже может быть действительным общим сновидением.

Телевизор — это образ более внутренней информации. Работа с различными типами информационных каналов может проходить очень по-разному — от почти неосознаваемого сновидцем кодирования некими источниками его подсознания (а, следовательно, и поведения, и отношения к миру, и даже общего направления жизни-судьбы) — до пробужденного обучения, считывания интересующей информации, сотрудничества с общими, разворачивающимися во многих растущих сознани-ях программами обучения.

Качество видения зависит от степени забвения сновидцем реальности, от «разряженности» воздуха его снов, нестиснутого профанированным описанием мира и допускающим присутствие тайны.

ТЕЛЕФОН — общение на расстоянии, причем расстояние больше внутреннее, чем внешнее. То есть этот образ указывает на разницу планов сознания на которых находятся собеседники. Разное мироощущение, разное понимание своих ролей в мире и влияния мира на «себя», отсутствие тождественности и понимания если и не по прямой теме контакта, то очень по многим другим пунктам.

ОДЕЖДА. НОВЫЕ ОДЕЖДЫ. ОЧИЩЕНИЕ

Одежда в сновидениях в самом общем смысле отражает состояние тонких тел. В зависимости от вида одежды и ее цвета можно судить о изменениях в тех или иных тонких телах. В первичной интерпретации цвета можно, например, отталкиваться от соответствия семи цветов спектра семи основным чакрам (или качествам энергии или основным тонким телам): от красного, соответствующего копчику, до фиолетового, соответствующего сахасраре (темени). (Естественно, для того, чтобы интерпретировать цвета таким образом, необходимо иметь хотя бы самое общее представление о качествах и уровнях бытия, соответствующих каждой чакре). Кроме того, для более тонкого истолкования цвета в сновидении имеет значение оттенок, нюанс цвета, а точнее говоря, его качество, хотя бы на примитивном уровне «приятный — неприятный», «хороший — плохой».

Каждый цвет имеет свое качество, которое зависит от его оттенка. Например классический сновидческий цвет охры в своей золотистой разновидности указывает на присутствие энергий высшего или божественного порядка, та же охра, но мутного, грязноватого оттенка — совершенно обратное: от застоявшейся, испорченной половой энергии до низшего витального слоя, порчи или даже присутствия сил т.н. демонического уровня.*

Интерпретация снов, в котором фигурирует грязная или порванная одежда достаточно однозначна: это ваши проблемы, проблемы в ваших тонких телах —от непонимания, грозящей опасности до энергетических нарушений, дыр или первых предвестников болезней. В последнем случае более благоразумно вовремя понять предупреждение и попытаться решить проблему на тонких уровнях — это предотвратит сход болезни на физический план.

Мотив новых одежд соответствует реальным позитивным изменениям в тонких телах, за которыми следуют и изменения в самочувствии, мироощущении, мировоззрении и причинно-следственных связях наяву. Как правило, в структуре неявного посвящения появление новых одежд во сне имеет этапное значение, которое понимается в зависимости от конкретного контекста.

Снам о новых одеждах предшествуют или перемежаются с ними сны с мотивом очищения. Сюда входят сны, связанные с очищением водой: мытье, стирка, ванны, а также другие более глубокие, связанные с очищением отдельных органов или всего тела: решение экскрементальных проблем, удаление, чего-либо с поверхности тела либо из некоторых органов (посредством операции или каким-либо другим образом) и т.п. Общая интерпретация этих снов затруднений не вызывает, гораздо сложнее понять и осознать причины проблем, которые вызывают необходимость очищения.

Отметим, что в структуре неявного посвящения знаком более глубоких изменений и очищения является сон с испражнением в помещении на высоком этаже многоэтажного здания в присутствии сущностей (как правило, женского пола), которые источают такую материнско-сестринскую благожелательность и покой, что у сновидящего не возникает каких-либо комплексов или негативных реакций в связи с такой публичной дефекацией.

Сновидения, в которых очищение происходит в виде операции, наиболее эффективны в смысле незамедлительности результата на физическом плане, —как правило, некоторое время после такого сна сновидящий ощущает последствия операции наяву: после очень недолгого чувство опустошенности в месте, где производилась во сне операция, и непривычных ощущений, наступает легкость, приятное, облегчение самочувствия, повышается энергетический тонус, спадает какой-то груз, который до операции был привычным.* В таких случаях обилие физических и энергетических ощущений часто

□ Большую помощь в интерпретации цвета может оказать, например, тибетская «Книга мертвых».

□ Не столь редки случаи, когда после такого рода операций исчезают и достаточно серьезные физические болезни, включая опухоли.

затмевает для сновидящего поиск причин столь серьезного отклонения, потребовавшего оперативного вмешательства, на более тонких уровнях.

***

«В ночном океане движется огромный корабль. Бесчисленное количество его палуб-этажей сверкает бело-желтой иллюминацией. Это целый мир на воде. Мы —я и Н. — находимся на нем, но почему-то лихорадочно ищем способ убраться отсюда. Я знаю, что там вдали, за правым бортом, есть земля или ещё что-то, что манит к себе.

Поиска шлюпки или иного плавсредства не помню. Вспоминается только спуск к черной ночной воде по шторм-трапу. И вот мы вдвоем уселись в небольшую лодку. Озираюсь по сторонам в поисках весел, паруса или хотя бы доски. Но, увы, ничего похожего нет. А корабль продолжает следовать своим курсом. Нашу лодку относит волной от уходящего корабля.

Отчего-то я перегнулся через корму лодки и там, под водой, увидел винт, ось которого уходила под днище. Прыжка в воду не помню, — под водой оказался сразу, как только подумал об этом. Все просматривалось очень хорошо, видна была ось винта, закрепленная хомутами из серого металла прямо на киле лодки. Видны были доски днища лодки, и все это освещалось тусклым рассеянным светом. Я удивился, откуда свет, раз на поверхности ночь? Потом я попытался руками сдвинуть винт с места, но безрезультатно. Вмиг я переместился опять в лодку. Н. спросила о моих успехах. Я объяснил, что не могу понять, как этот винт вообще может двигаться, если он наглухо закреплен и какой-либо приводящий механизм отсутствует. В это время передо мной или в моей голове возникает видение, объясняющее и наглядно демонстрирующее способ приведения в действие этого злополучного механизма.

Нужно было взять белую ленту (шириной в три пальца, точно помню), пропустить её конец сквозь дно лодки, захлестнуть за ось винта и, обернув этой лентой несколько раз неподвижную ось, вытащить её через дно обратно в лодку. Затем, связав (а скорее срастив) края этой ленты, превратить её в бесконечный канат, которым можно было заставить винт работать. Я попытался воплотить увиденное. Откуда же взять эту ленту? Тут же я узнал: эта лента во мне. Как только эта мысль оформилась, я увидел всю картину со стороны: ночной океан, в лодке сидим мы с Н., я, стоя на корме, манипулирую как бы пустыми руками, словно перетягиваю несуществующий канат. Лодка двигалась сначала неуверенно, потом все быстрее, по мере приобретения моего опыта в обращении с силовой веревкой. Сноровка появилась очень быстро, и дальше не нужно было уже тянуть ленту руками (вернее, ощущать, что ты тянешь что-то руками), а просто видеть, как она должна работать, и она работала. После этого всего берег, который мы чувствовали с корабля, быстро приблизился. Это была не естественная земля, а огромный остров, явно созданный кем-то в форме круглого непропеченного бетонного торта, оцетинившегося во все стороны серыми ноздреватыми лепестками мокрых от воды пирсов.

К одному из этих пирсов мы и пришвартовались. Помню, бетон был покрыт слизью, от чего неудобно было залезать с низкой лодки на эту постройку. Потом мы стали искать людей, чтобы узнать хоть что-нибудь об этом месте. Ходили долго, вокруг были звуки, шумы обитаемого мира, но на глаза никто не попадался.»

***

Я встречаю Н., она только что вышла из какого-то дома. Мы стоим на обочине улицы в полдень солнечного дня. Голова и плечи Н. обтянуты какой-то красной пленкой.

Вот я, которую ты искал, говорит она, — если я тебе нужна, бери меня. Я чуюсь вида этой красной херни. под которой скрыты её лицо, волосы и плечи, и отвечаю, что такая она мне не нужна. Она куда-то уходит, оставляя меня одного.

И тут меня бело-голубой молнией пронзает мысль, что нужно было разрезать, снять эту пленку, хотя бы попробовать это сделать. Я бросаюсь вдогонку Н., ищу её на соседних улицах, в дальнем переулке замечаю её с уже свободными волосами, бегу за ней, но не успеваю остановить её: она входит на территорию, оцепленную колючей проволокой, идет к темно-серым зданиям под низким пасмурным небом. Я тоже захожу на эту территорию и вижу, что Н. уже поднялась по лестнице на верхний этаж одного из зданий. Я вижу, как за ней захлопываются тяжелые бронированные двери. Я понимаю, что она стала одной из женщин, которая стирает белье «крутым».

Ко мне подходит охранник и спрашивает, что я здесь делаю. Я ему говорю, что где-то здесь должна быть школа, может быть это не здесь, а в окрестностях, да, это не здесь. Он мне недвусмысленно объясняет, чтобы я проваливал отсюда, что мне нельзя здесь находиться. Я, оглядываясь, медленно ухожу, хотя все мое тело почти орет, что нужно сваливать отсюда, из этого темно-свинцового сумрака как можно быстрее.

И вот я уже иду по каким-то сумрачным улицам рядом с зоной, где осталась Н., и на правой обочине открыт люк в какие-то подземелья, я туда заглядываю — это полузатопленные водой бледно-серые залы, и если туда падаешь — уже никого никогда не встретишь. Я отшатываюсь от перспективы такого одиночества, а вслед за мной из люка вырывается змей, хозяин этих подвалов, но не успевает меня схватить. В дальнем конце улицы я вижу какую-то женщину, которая дает мне понять, что из каких-то высших религиозных соображений мне нужно войти в эти подземелья, обязательно нужно, убеждает меня эта экзальтированная особа, но мое тело знает, что я туда не захочу ни за что и никогда.»

***

Кто-то организовал показ разных существ (нелюдей), воплощенных в формах людей. В этой демонстрации есть полнота благодаря присутствию представителей всех видов существ других миров, имеющих отношение к жизни людей; и пустота ночи за их спинами чиста и тотальна — в ней нет ничего растворенного и непроявленного.

***

Чтобы увидеть невообразимое, нужно исчерпать воображимое или знать свои способности к его созданию и заимствованию.

Сон: «Отряд мужчин, я среди них, идет по холмам. Спускаясь по очередному склону, мы видим край темного леса, лежащего перед нами. У каждого из нас в правой руке копьё. В глубине чащобы, будто раздвинув ветви деревьев, я вижу два красных, как тлеющие угли, глаза. Оттуда ко мне протянулась какая-то длинная серая лента — язык, волна — она приподняла меня, обхватив где-то в нижней части живота, и втянула в глубину леса.

Передо мной стоят старуха и маленькая девочка. Старуха раза в три больше девочки, и я понимаю, что в конкретности физического мира девочка и старуха — это один человек.

Мои симпатии на стороне девочки, чья отрешенность и легкость имеют своей другой стороной особое безразличие по отношению к старухе и происходящему вообще. На девочке короткое черное платье, с линиями серебряных блесток, и во сне я знаю суть какого человека я вижу таким образом. Меня затащила сюда старуха. Это её красные глаза я видел во тьме чащобы. Она безумно рада, у неё только что слюни не текут, когда она зыркает на мой живот. Огромный рост и грязно-серые лохмотья, в которые она одета — нечто вроде дерюги или мешковины, — дают наглядное представление о её хищной природе. Я понимаю, что она обычно изводит жертву тонкими порезами, из которых пьет и пьет кровь, пока не выпьет всю. Я слышу её радость по поводу того, что меня хватит где-то на неделю. Она прямо-таки падает на мой живот, бросается, чтобы вцепиться в него, но, видимо, недооценивает мою силу, потому что в следующее мгновение я вижу её пронзенной в затылок какими-то вилами или трезубцем, и я держу это орудие в правой руке.

Старуха сильно уменьшилась в размерах, и теперь это нечто вроде куклы, которую сжигают славяне на празднике прихода весны. Это чучело из мешковины, согнутое пополам и нанизанное через голову и ноги на пику, я держу над костром из опавших листьев. Много дыма. Только сейчас я замечаю, что мне как-то помогала победить старуху её маленькая спутница. Я не знаю, как она это делала. Костер горит плохо и только с моей стороны. Чучело тоже тлеет очень медленно, и его нужно будет долго держать над огнем. Девочка помогает мне держать пику, и когда она движется, я замечаю, что трусики на — ней из такой же серо-коричневой мешковины, что и чучело. Я понимаю, что эта материя способна регенерироваться, и из маленькой части может опять вырасти нечто, причиняющее страдания, и что когда-нибудь это нечто опять попытается подчинить себе волю девочки. Я не могу сказать ей: «Загляни себе под юбку! Что ты носишь? Выбрось эти трусы!» Мне кажется, что это её интимное дело и её выбор.»

***

Наш класс — на экскурсии в каком-то здании на окраине города. На входе нас встретили девушки в белых халатах. Уже потом я вспомнила, что перед зданием была какая-то охрана (тоже в халатах), которая, кажется, никак на нас не отреагировала.

Для того чтобы попасть вглубь этого строения, нужно было пройти, а практически — проползти, через проем в специальном электронном пропускнике. На мой взгляд, можно было пройти во весь рост, но существовали какие-то токи, видимые только служащим, под которыми мы должны были именно проползти.

Я сделала несколько попыток. Девушка, присматривающая за порядком на этом пункте, помогала мне советами: «Повернись так! Может, голову чуть вправо? Влево? Наклонись сильнее!» — но ничего не получалось. Сначала я не могла втиснуть голову, нужно было пригнуться пониже, потом у меня оказались слишком широкие плечи.

Служители были удивлены. Очень неохотно они позволили мне пройти через свободный (служебный?) проход рядом. Немного дальше вправо, а потом налево шел длинный коридор. Группа пошла, влево, а я пошла прямо, и встретила девушку в белом халате, низкого роста. Мы сели, и она рассказала мне о том, чем занимаются в заведении и что нам могут показать. Я думала о том, как здесь хорошо, тихо, как покойно здесь учиться, и слушала её не очень внимательно. Она говорила о конкретных элементах магии, которыми они обладают и используют в своей работе. «Ты не заметила? Пока мы разговаривали вот здесь слева был золотистый свет», — сказала она. Подразумевалось, что она сделала его, чтобы показать нам, гостям, что мы этого не знаем и к этому невнимательны. Я пересмотрела наш разговор с ней и вспомнила, что это действительно было. Просто это было «слово» не нашего (не тех людей, которые пришли), языка, восприятия, поэтому я не обратила на него внимания. К нам подошла и присоединилась к разговору другая служительница. Она показала некоторые магические действия. Сильнее всего я запомнила её последние действия. Мы сидели на корточках. Она положила руку на белый лист бумаги, лежащий на полу. Когда она отняла руку, на листе остались контуры подушечек её пальцев. Потом к листу приложила руку вторая служительница. Она дольше держала её на листе и когда отняла руку, отпечаток её ладони был гораздо четче первого оттиска. Мне показалось, что это очень просто, хотя подразумевалось, что я этого не умею. Я прижала ладонь к листу, а так же совершила ещё какое-то действие — другое дыхание, волевое усилие, что-то ещё. На листе тоже остался отпечаток ладони и пальцев. Служительницы изумленно молчали. Мы рассматривали оттиски трех ладоней, и вдруг я увидела, что отпечаток моей ладони отличается от их отпечатков.

По линиям моей руки на листе пробежали алые, как кровь, волны. Отпечаток моей ладони дышал. Я увидела, что следы их ладоней неподвижны. Пытаясь осознать увиденное, я спросила: «У вас нет сердца?» Я посмотрела на их лица. Их взгляды говорили о том, что я узнала то, чего не должна была знать. Я мгновенно осознала, что мне нужно спастись бегством. Я переспросила: «Так у вас нет сердца?!» Я бросилась к выходу. Они закричали мне вслед: «Ты не убежишь отсюда!». Внутренняя охрана не успела меня схватить, и я пробежала через свободный проход возле машины.

Внешняя охрана уже была поднята по тревоге, и когда я пробежала мимо них, они начали стрелять. Они стреляли какой-то жидкостью из медицинских шприцов. Вся охрана была в белых халатах. Видимо я потеряла сознание. Следующее, что я помню, это свое присутствие в комнате, где находится группа с которой я пришла. Я смотрю на них сверху. Им что-то рассказывает одна из служительниц. Ещё я вижу как по коридору бежит парень из этой же группы, — он оказался свидетелем моего разговора со служительницами и последующего бегства. Он спешит предупредить остальных о грозящей опасности. «Это не люди! У них нет сердца!» — кричит он и за ним уже бегут охранники.

Среди служителей и экскурсантов разрастается паника. Я заметила как один из наших, на которого попала жидкость из шприца служителя, начал помогать им истреблять своих. Я поняла, что из-за этой жидкости с человеком происходит какая-то мутация. Уничтожить служителя можно было только введя ему эту же жидкость непосредственно в тело.

Драка продолжалась долго. Уже нельзя было разобрать — где свои, а где чужие. Я пыталась смотреть на это со стороны и чувствовала ужас. В эти моменты как-то пришло понимание того, что они делают с людьми, и что мы можем противопоставить этому».

***

Ко мне домой приехали два самых моих близких друга. Один — с ним у меня наяву иногда очень осложняются отношения — решил общаться со мной, смягчая все иронией. Он, улыбаясь, поздоровался со мной. Мы сели за стол поесть. Я заметила, что у Н. выпачкано лицо. Я ему говорю:

— У тебя лицо грязное, — давай я его оботру. Он подумал и согласился. Я стала вытирать ему лицо — очень аккуратно, усердно и заботливо. Он говорит:

— Это, вроде как, знак того, что ты стираешь мою важность.

В этот момент я вытирала ему нос. Все засмеялись. Он старался говорить смешно, шутил, чтобы только, не дай бог, кого-то не обидеть — то ли меня, то ли себя. Как будто, во всех моих движениях есть то, что может его обидеть, как будто, я всегда делаю все с подвохом. И он смешил себя и нас, и все время это была только игра, которую он себе выбрал, манера поведения, и я не знала, как он будет воспринимать то, что происходит, когда он перестанет играть... и просто будет. И, в зависимости от того, что я буду в тот момент делать по отношению к нему, где находиться, он может снова извратить смысл всего, вывернуть наизнанку, — и снова обидеться, разозлиться, потерять смысл нашего общения и т.д. В зависимости от того, в какой момент он перестанет играть...

***

Честные ответы на вопросы этого теста помогут вам осознать собственную природу как сновидящего:

Какие сны (их качества) Вам больше всего нравятся?

Какие условия сна Вы считаете для себя оптимальными: в доме, на природе (если «да» то где и как, и с кем), в какое время суток, года?

Как влияет присутствие людей на Ваши сны? Если у Вас положительные и отрицательные примеры, есть ли опыт, который обозначил таковые различия?

Какие события в Вашей жизни делают Ваши сны глубокими и полными смысла? И наоборот.

Где на самом деле Вам больше нравится какать и писать — в лесу, в парке, на унитазе, в деревенском туалете и т.д.?

Какие события или чувства сокращают время сна, необходимого Вам для восстановления сил, и какие наоборот — увеличивают?

Как секс влияет на Ваши сны? Есть ли у Вас опыт положительного и отрицательного воздействия занятий любовью на жизнь во сне?

Считаете ли Вы себя сексуальным (ой)? Считают ли окружающие Вас сексуальным (ой)? Зачем Вы спите? Зачем Вы занимаетесь любовью?

(попытайтесь на последние четыре вопроса не отвечать односложно, чтобы, по крайней мере, для себя, уяснить направления Ваших глубинных намерений и мотиваций.)

Боялись ли Вы когда либо умереть во сне или проснуться не в том месте, где ложились? Хотели ли Вы чего-либо подобного?

Куда Вы смотрите, когда собираетесь с мыслями или «уходите в себя» (имеется в виду направление относительно Вашего тела)?

Есть ли у Вас в данный момент любимое положение тела (любое)? Снитесь ли Вы себе в этом положении или в каких либо других, которые Вы хорошо помните?

Часто ли Вы снитесь другим людям и по каким поводам? Как Вы соотносите сны с реальностью?

По каким признакам Вы отделяете сны действительно существующем от иллюзий? Есть ли у Вас градация реальности Ваших снов и какова она?

***

... я заснула во сне и оказалась за воротами какого-то огороженного пространства под ночным небом. Я увидела за воротами сначала какую-то тень, а потом — приближающийся вертолет. В кабине вертолета сидел какой-то мужчина, походивший на актера. Я стала подавать ему знаки, что я заперта и мне нужна помощь. Он увидел меня и приземлился. Он попытался пройти в ворота, но какая-то сила отбрасывала его.

И вдруг я вижу его рядом с собой и осознаю, что это он устроил эту ловушку.

— Теперь мы будем ждать, когда ты обрастешь мхом, — сказал он. Я понимаю, что он и подобные ему питаются этим мхом или пухом, которым могут обрастать люди.

— А если я этим не обрасту, что тогда? — спросила я.

— Это случается очень редко и только когда у человека мало звезд, — ответил он. — Может быть, две.

И, слушая его, я увидела слева от себя очень высоко, выше звездного неба, своих две звезды. Я только мельком взглянула на них потому что то, что я увидела, он не должен был видеть.

— Я больше ничего тебе не скажу, — сказал он. — Мы подождем. Он попытался меня обнять и поцеловать. Я увернулась от него и, схватив ведра с водой, попавшиеся мне под руку, окатила его водой. Он съезжился. Я хотела убежать, но осталась, чтобы удерживать его своей силой под контролем. Он отряхнулся и, не поднимаясь, стал подавать самому себе команду — я это вижу — собрать всю воду и вылить на меня обратно. Я пытаюсь остановить эту команду. У меня не хватило сил и я сказала себе: «Будь мужественной, пусть оболет.» И он, поднимаясь, струёй изрыгает изо рта всю воду на меня. В этот момент он превращается в получудовище. Он потерял энергию и превратился в то, что он есть, я увидела его суть. Это было очень страшно, и я видела ужас в своих глазах. Я думала: лишь бы выдержать, выстоять, не заснуть, смотреть и понимать. Он ушел.

Я осталась одна, лежу и думаю: «Надо выбираться. Я не хочу здесь оставаться.» Я с трудом приподнимаюсь из-за тяжести в позвоночнике, чувствую, что у меня за спиной что-то есть, мне страшно. Я подхожу к воротам, трогаю их. За воротами лают собаки. Я думаю: «Может, руку отрезать и бросить им?»

Я быстро взбираюсь на ворота, но они почему-то падают. Я беру обломки ворот и отгоняю ими собак. Мне кажется, что я все равно пропала, так пусть собаки меня съедят. Я замечаю слева белую собачонку и кидаю её на съедение большим псам. Впереди такие же ворота. Я взбираюсь на них, позади лают собаки. С верха ворот, будто с вершины темноты, я прыгаю в какой-то белый свет далеко-далеко вниз. И где-то там поют дети, и кто-то говорит мне: «Наконец-то ты снова с нами.»

***

Во сне я узнаю, что люди как можно быстрее должны прожить какой-то этап, который я вижу в форме ниши на черном, может быть эбонитовом, иначе зверь, который крадется за ними в ночи, займет эту нишу и человечество надолго задержится в своем развитии.

***

Я спал там, где родился — в доме у бабушки. Перед рассветом мне снился непостижимый источник света. Он был и источником жизни всего: янтарные волны, как круги на воде, расходились от него в бесконечность — они расходились и одновременно возвращались, — это было нерасторжимое движение.

Каждая волна была жизнями мириад и мириад живых и светящихся существ: они рождались, проживали мириад жизней и обратным движением волны возвращались к источнику.

Кто-то невидимый объяснял мне, что каждая такая волна — это великое множество живых миров, и так было всегда.

В этом не было печали, — это один из самых светлых моих снов. Теперь, много лет спустя, вспоминая это сновидение, я больше обращаю внимание на то, чему не придал значения тогда, — на круги пустоты, которыми перемежались круги света, — это была не полная чернота, а подсвеченная как бы вдоль, но это освещение не имело неотвратимости и плотности больших волн света.

И ещё одно занимает меня сейчас: мне кажется, что не все живые существа возвращались к источнику света: некоторые из них как будто исчезали, теряясь из виду, в этом слабом свечении пустоты, ярко вспыхнув перед этим.

***

Типология соблазна достаточно многообразна, но, если отвлечься от конкретной множественности искушений и соблазнов, можно выделить:

- а) соблазн бессмертия
- б) соблазн незыблемости уюта и постоянства
- в) соблазн неизвестности (свободы)

Соблазн бессмертия, в частности, распространен в таких формах, как желание славы, могущества (стать великим полководцем, актрисой, поэтом — бессмертным в памяти благодарных потомков).

Соблазн незыблемости уюта и постоянства как бы более распространен среди женщин, но на самом деле — не менее среди мужчин.

ФОРМЫ СУДЬБЫ

Свобода поначалу желанна как жизнь, потом невыносима как январская ночь в голом поле, а затем невесома, как

дыхание спящего ребенка, и дальше — вездесуща, как ветер...

Оморо Кайяхи, «Песни свободных».

Свобода — это сила перехода из единственной доступной последовательности жизни в подлинную множественность тайны, называемую судьбой.

Всегда убегающий от нас как смутное воспоминание между сном и явью, смысл судьбы, так же как и разницу между судьбой и жизнью, мы располагаем среди вещей, о которых говорим «я откуда-то знал, но никогда не смогу объяснить откуда» или «что-то во мне противилось сделать этот шаг, и ничего вразумительного я не могла им объяснить, — это была даже не интуиция, — меня просто подташнивало при одной мысли об этом» или «я уперся и заупрямился так впервые в жизни, никакие увещевания не могли меня заставить повернуть обратно, и никаких сомнений во мне не было, собственно, и мыслей, то никаких не было — просто чем дальше я шел, тем легче и радостней мне становилось, и я вам не смогу объяснить, в чем тут дело, потому что особенно то как бы ничего и не изменилось с тех пор».

Очевидно, о смысле судьбы говорить прямо невозможно: о нем можно лишь догадываться только по направленности неких действий, да и то лишь в моменты этих действий, производимых нами и в нас силами судьбы. Эти силы лежат так умонепостижимо потому, что силы судьбы не относятся к реальности языка и ума.

Фигура речи не есть движение жизни. Сны судьбы не являются просто снами вещими, то есть предвещающими будущее. В своей глубине сны судьбы есть действие соединения и возрождения телесной связи с первоисточником бытия и высвобождения, размыкания телесных оков биологического и общественного.

Те моменты нашей жизни, которые принято называть судьбоносными, как правило предваряются снами судьбы, которые зачастую остаются совершенно скрытыми от нашей дневной памяти, и проявляют себя только в ощущении или фразе «мне это как будто уже когда-то снилось» (дежа вю), когда происходят те или иные судьботкущие события и действия, сколь незначительны они бы не были. Типология судьбы — вещь реально достаточно обоснованная, но синтаксис языка позволяет предпринять и эту попытку, сфера применения которой, скорее всего, рамками языка же и ограничивается.

Попутно предположим ряд признаков того, что человек идет или стоит против течения своей настоящей судьбы:

— когда в течении нескольких и более лет все или большинство его действий, направленных на достижение желаемого или необходимого, дают результат прямо противоположный, то есть разрушительный или саморазрушительный.

— когда в течении достаточно длительного времени сохраняется ощущение покидающих вас физических и душевных сил и нарастает глубинная усталость, не проходящая и после серьезного отдыха.

— нарастающее ощущение (безотчетное), что вы проходите мимо чего-то самого главного в вашей жизни, и что все это не то, а то, вы так никогда и не посмеете найти.

Форма судьбы — вещь предположительная, и с точки зрения автора, соответствует восприятию очертаний и основ индивидуальных энергетических тел и способам их взаимодействия с ближайшими полями вселенной в целостности их биологического,

физического, социального и Иного смысла и действий в этом, в зависимости от модальности времени.

КОЛОДЕЦ.

Образован светящимся антропоморфным телом белого цвета, помещенным внутри вертикальной как бы скважины, верхняя часть которой сливается с пустотой, а нижняя (от плеч до светящегося тела) сливается на уровне пяток с беловатым полем распыленной внешней энергии.

Это хит современного наклона времени, — времени, подошедшего к своему закату. Это поздний цветок маскулинизированной цивилизации, венец мужского восхождения (карабкания) ввысь.

Способ соприкосновения с Неизвестным посредством головы порождает такие сюжеты, как «Штиллер» М.Фриша, «Кентавр» Дж.Андайка, жизнь, судьбу и поэзию И.Бродского, жизнь и творчество А.Гитлера, творения Гауди и т.п. Социально-биологический риск этого предприятия проступает во всем вкусе западной цивилизации. Риск обусловлен собственно структурой колодца, и проистекает из почти неизбежного вторжения в Непостижимое, почти минувшее собственно Неизвестное, что и приводит к мертвящим и обессиливающим формам судьбы.

ПЕРЕКАТИ-ДОЛЯ.

Шарообразная светимость, более или менее золотистого цвета, который может быть распространен на всю поверхность сферы, а может концентрироваться лишь на каких-то её участках, — сфера, окруженная неравномерно очерченной темной пустотой, за которой начинаются темно-синие поля бесконечности.

Непреходящая модель действенной стороны человечества. Социально не обусловлен. Встречается и среди бомжей, и среди президентов, среди мужчин и женщин. Способ соприкосновения с Неизвестным серединой тела рождает такие сюжеты, как «Кола Брюньон» Р.Роллана, «Золотой цветок Желтого императора», жизнь М. Волошина, Порф.Иванова, жизнь и творчество И.В.Сталина, творения П.Гогена, судьба Г.Гурджиева, А.Камю, Марко Поло и т.п., а так же жизненные сюжеты по поводу чувственности, связанные с крестцовым любовным центром. Менее распространенные формы судьбы «СОЗВЕЗДИЕ СИТА» и «ЗЕЛЕНЬ БИЧ» не описываются в нашей классификации из-за сравнительно недавнего их возникновения, не предоставляющего достаточно материала для достоверных выводов.

***

«Сначала я был наверху, где-то в облаке или там, где оно могло бы быть в этой местности. Солнца или другого светила не было, рассеянный световой поток окрашивал пространство подо мной цветом темного золота. Все вокруг имело очертания глубокого каньона, хотя его верха я не видел, так как находился ниже его уровня. События привлекшие мое внимание происходили на левой стороне очень широкого дна каньона, разделенного рекой. С высоты птичьего полета я наблюдал, как мои друзья (из разных времен и мест) разбивали лагерь у левого склона каньона. Стена в этом месте не была отвесной, она больше

походила на каменную ступень в три-четыре человеческих роста. Наверху была площадка шириной метров 30 или больше и лишь за ней начиналась сама стена горы.

Когда товарищи внизу начали натягивать канаты креплений, я увидел (хотя с такой высоты не мог разглядеть их лиц) что в нескольких местах крепления сломаются, не выдержав нагрузок. Мне нужно было к ним. Переместился мгновенно, — рядом с ними я был уже в теле. Хотя осознал это только после того как полез на каменную стену. На этой стене был закреплен один из канатов, карабин которого должен был лопнуть от нагрузки. И медленно поднимался вверх рядом с висящим канатом, не рискуя ухватиться за него. Когда подобрался к креплению карабина, начал осматривать детали соединения: раковины ржавчины на металлических частях и изжеванные нити черной веревки-каната, прошитого пунктирно-красной нитью.

Переделав крепления, хотел было уже спуститься, но вдруг заметил или скорее ощутил, что небольшой, но тяжелый валун вот-вот упадет вниз на разбиваемый лагерь. Я обернулся туда и закричал, пытаюсь привлечь внимание. Люди внизу не слышали или не обращали внимания.

Меня парализовал страх, когда медленно-медленно кусок горной породы (цветом и структурой очень похожей на гранулу растворимого кофе, увеличенную до размеров автомобиля) начал свой путь вниз и именно через то место, где я вжался в стену. Он медленно приближался ко мне (время растягивалось на метрах полета) и страх, сковавший меня, захлебнулся, не пересилив своего же напряжения, и освободил меня. Я чуть сдвинулся вправо и валун просвистел слева, над тем местом, где была голова. Взгляд мой был прикован к камню и следовал за ним неотрывно. (Не уверен, что шея радовалась любознательности головы.) Камень ухнул на площадку и покатился по склону вниз, к реке. В момент падения люди на площадке расступились, никто не был задет. Вмиг я оказался рядом с ними, на площадке. Задрав голову вверх, стоя лицом к месту, где я только что висел, я увидел ещё один камень, больше прежнего, он начинал вибрировать. Мозг рассчитал траекторию падения. Почему-то, хотя камень находился значительно левее первого, упасть он должен был тоже на площадку с людьми.

Но когда он начал свой полет, я уже знал, что он никого не раздавит. После его падения сорвался ещё один валун, а левее — другой, и каждый был больше предыдущего. Начался медленный камнепад. Я увидел светло-золотистые облака, вылетающие из-за гребня каньона, — их гнал сильный, но беззвучный ветер темно-золотого цвета. Направление бега облаков совпадало с направлением падения глыб, — перпендикулярно стене каньона.

В момент падения каждой глыбы я перемещался в место её предполагаемого падения. Она летела прямо на меня, но всегда чуть-чуть промахивалась. И вот я увидел самую последнюю. Огромная, она напоминала бревно, увеличенное в сотни или тысячи раз. Хорошо помню, что на ней были высечены какие-то письмена, она была вся в них. Когда ЭТО покатилося с горы, я понял, что оно придавит все пространство. Одновременно знал, что не пострадает никто. Приближалось оно неотвратно долго. Я даже поторапливал его «быстрее, быстрее», а сам не двигался с места, наблюдая, как оно разрастается на все небо надо мной.

Когда оно упало, задрожала вся земля, и поднялось огромное облако светло-коричневой пыли.

Все люди были целы. Я вдруг понял, что здесь все закончилось».

Удачных сновидений!

www.e-puzzle.ru